

Дума городского округа Самара

**Сборник работ
по итогам конкурса
литературоведческих работ
«Самара – эхо России»**

*Работы лауреатов
литературоведческого конкурса среди школьников
и молодежи в возрасте до 25 лет,
проводимого Думой городского округа Самара,
Департаментом образования
Администрации городского округа Самара
и Самарской областной писательской организацией*

Самара
2013

Самара — эхо России: Информационный сборник. — Самара, 2013. — 232 с.

В информационном сборнике, подготовленном аппаратом Думы городского округа Самара, представлены работы лауреатов литературоведческого конкурса «Самара — эхо России» среди школьников и молодежи в возрасте до 25 лет, проводимого Думой городского округа Самара, Департаментом образования Администрации городского округа Самара и Самарской областной писательской организацией.

Дорогие друзья!

Вы держите в руках сборник литературоведческих работ. Их подготовили победители конкурса, проведенного Думой городского округа Самара, Департаментом образования Администрации и Самарской областной писательской организацией, в 2013 году.

Каждая работа — результат кропотливого труда, серьезного, глубокого исследования, творческого поиска.

Мы предложили нашим конкурсантам сразу несколько номинаций для участия. Это «Новые имена» — категория, посвященная молодым талантам. В номинации «Легенды самарской литературы» принимались материалы о писателях, чье творчество связано с нашим краем периода XIX-XX века. «Экскурсия по литературной Самаре» — категория, в рамках которой участники конкурса рассказывали о литературных местах Самары и губернии. Номинация «Союз нерушимый» посвящена деятельности Самарской областной писательской организации Союза писателей России и его подразделений, ярким событиям, мероприятиям, людям.

Отрадно, что из года в год самарская молодежь проявляет все больший интерес к таким творческо-познавательным конкурсам. И 2013 год не стал исключением. Жюри было непросто отобрать из всего количества работ только 15. Эти труды мы и публикуем в этом сборнике.

Хочется отметить, что все они написаны с большой любовью к родному краю, неподдельным интересом и любопытством, присущими молодым людям.

Дума городского округа Самара и в дальнейшем будет организовывать такие конкурсы, ведь у них очень благородная цель — привлечь внимание подрастающего поколения к истории и современности нашего города. Ведь Самаре есть кем и чем гордиться.

Председатель Думы
городского округа Самара
А.Б. Фетисов

Вот уже несколько лет благодаря заключенному в 2010 году соглашению о сотрудничестве между Думой городского округа Самара, Департаментом образования Администрации городского округа Самара и Самарской областной писательской организацией проходит городской конкурс литературных работ среди молодежи, посвященный писателям Самарского края.

В этом году конкурс назывался «Самара — эхо России». Названия конкурсам даются, разумеется, не просто так, а несут в себе идею, раскрыть которую предлагается его участникам. И чаще всего название несет в себе простой смысл, который ясен и понятен всем, и в тоже время имеет некую глубину, раскрытию которой особенно радуются организаторы.

Главной задачей первых конкурсов было привлечение внимания молодежи к богатой литературе Самарского края. Причем работы, написанные о современных авторах, приветствовались больше, потому что требовали действительно серьезной самостоятельной работы. Если об ушедших классиках, таких как М. Горький, Л. Толстой, А. Толстой и других, живших в прошлом веке писателях, можно найти достаточно познавательной литературы на просторах интернета, то о современниках, к сожалению, серьезных работ встречается мало. Получалось, что ребята своими трудами еще вносили вклад в российское литературоведение. И ряд таких работ был опубликован в литературных журналах. С радостью отмечаю, что с просветительской задачей организаторы справились: в последнем конкурсе большинство работ посвящено именно современной самарской литературе. И сколько прекрасных открытий сделано! Не могу не отметить работы посвященные разбору произведений Николая Агафонова, Ивана Никульшина, Алексея Солоницына. И если эти работы рассказывают о творчестве уже признанных корифеев русской литературы, то работа о молодом поэте Константине Потапове, творчество которого еще находится в стадии становления, как раз интересна тем,

что позволяет заглянуть нам в лабораторию писателя, попытаться познать путь его развития.

Так же порадовало, когда ребята рассматривали, как та или иная тема отражается в творчестве наших писателей. Сравнительный анализ — это всегда интересно и поучительно, потому что предоставляет богатство и многообразие современной литературы. Несколько, правда, смутили некоторые работы, когда на ряду с известными и качественными писателями рассматривалась любительская литература и откровенная графомания. Ничего плохого, разумеется, в графомании нет. В конце концов само слово «графоман» можно перевести как «страстный любитель писать». Но весьма сомнительной выглядит попытка выстроить в один ряд писателей разного уровня и масштаба. Дисбаланс при этом сильно бросается в глаза, особенно, когда авторы конкурсных работ начинают приводить цитаты...

Ну, а теперь все-таки о глубинном смысле, который организаторы пытались заложить в название конкурса этого года. Самара — это не только эхо, которое откликается на все происходящее в России, но это капля, в которой отражается Россия... Самара — это не просто часть России, это одна из знаковых ее составляющих и организаторам конкурса очень хотелось, чтобы эта идея прозвучала в работах. Самару и писателей, живущих в ней, нельзя рассматривать обособленно как некую резервацию, Самара и ее писатели — это одна из сущностных составляющих российской культуры. И вот о значении самарской культуры, о ее влиянии на культуру России, о влиянии культур других регионов на Самару, о взаимопроникновении и рождении того, что мы называем Великой Русской культурой хотелось бы поговорить с конкурсантами. Отрадно, что в некоторых работах начало такому разговору было положено.

А продолжение этого разговора нас ожидает в последующих конкурсах. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Председатель Правления
Самарской областной
писательской организации
А.В. Громов

ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ КОНСТАНТИНА ПОТАПОВА

Работу выполнила

ученица 11 «А» класса МБОУ СОШ
с углубленным изучением
отдельных предметов
«Дневной пансион-84»
городского округа Самара
Билялова Джамиля

Научный руководитель

Аксенова Наталья Львовна

Введение

Актуальность моей работы заключается в обращении к творчеству молодого самарского поэта Константина Потапова, победителя VIII молодежных Дельфийских игр России в номинации «Театр» (поэтический моноспектакль «Слово»).

«Был снег» — это первое стихотворение, которое я услышала в исполнении Константина Потапова. Оно было написано позже, чем вышла книга «Времена суток», которую мне иногда хочется назвать сборником «быстрых стихов». Сначала я была рада, что услышала это стихотворение в записи авторского чтения, но потом пожалела, так как на первых порах меня привлекала форма подачи, а особенности текста я начала замечать позже при самостоятельном чтении. Но получается определенный парадокс: я бы не заметила этот простой кусочек текста среди современной лирики, не услышав авторского исполнения стихов.

С первого момента меня еще и подкупало то, что Константин Потапов — мой земляк, а умение этого молодого человека жить поэзией и заражать ею других меня вдохновляло.

Цель работы — изучить истоки популярности творчества Константина Потапова среди молодежи.

Объект изучения — лирические стихи первого сборника «Времена суток», вышедшего в самарском издательском Доме «Бахрах-М» в 2009 году.

Предмет изучения — особенности поэтики Константина Потапова.

Методы изучения — поиск и анализ.

Предварительная гипотеза: в лирике поэта откроется только лишь ему присущая манера (не случайно, что именно он обратил на себя внимание читающей и театральной публики Самары), но будут узнаваться и поэтические учителя Константина Потапова.

Так как автор слишком молод (он родился 4 ноября 1988 г.), то его стихи не стали еще предметом пристального литературоведческого анализа и библиографии по его творчеству никакой нет, тем интереснее была для меня задача. Самостоятельность открытий в поэзии Константина Потапова вдохновила меня на встречу с поэтом и на мое первое в жизни интервью.

Глава I. Поэт нового времени — Константин Потапов

В начале июня 2011 года стартовал малоизвестный (как потом оказалось) проект «Кафедра» к 160-летию Самарской губернии. Старт взял самарский поэт Константин Потапов. Сказать честно, от чистого сердца хотелось, чтобы весь этот проект прошел на таком же дыхании, какое взял поэт на начальной точке. Но последующие встречи, где со зрителями встречались Юрий Поляков, Виктор Поляков, Сергей Макаров, были не столь ажиотажными среди молодежи.

Изначально планировалось, что встречи с «известными самарцами» будут проходить в «АРТкафе» театра «САМАРТ», но из-за большого количества желающих пришлось оставить посетителей без чая и перенести действие в малый зал.

Когда я вошла в малый зал, то увидела сцену с приглушенным светом и находящийся там столик и микрофон. Было видно, что большинство зрителей уже знакомы с работами молодого поэта, но были и те, кто пришел познакомиться с творчеством автора впервые. Я до этого вечера знала стихи поэта и была очень заинтересована в том, чтобы услышать их в исполнении автора. К этому времени творчество К. Потапова было уже моим.

Вначале поэт был скромен и убеждал нас в своем собственном «тунеядстве, трусливости и надоедливости», но очень быстро зрители разоблачили обманчивый образ. Потапов занес нас на самую вершину вдохновения и откровения, не спускался сам и не давал другим. Стихи чеканились на одном дыхании, на

одном метре, но на разных эмоциональных волнах. В нужных паузах между строфами и между стихами Потапов давал нам выдохнуть, но это напряжение дарило заряд, подобный удару тока. Это было как эхо из старых времен, только с новым голосом. Согласитесь, что на поэта живого, да еще и читающего «Вслух!» всегда смотреть приятней, чем на поэта ушедшего. Вечер проходил на бешеной скорости, с положительной динамикой и движением. Звучала лирика, проза, абсурдные стихи и песни, записанные в сотрудничестве с Ксенией Зиновьевой и Иваном Шведовым.

Было как-то даже не по себе, что ты ничего не можешь дать взамен этой открытой искренности. Поэзия всегда была загадочной тайной для меня, и этот вечер только обострил эти мысли. Огромный поток слов складывался в фразы, создавая незабываемую свежую одухотворенную атмосферу этого вечера. Такие стихи не могли звучать где попало, и за то спасибо руководству театра «САМАРТ»: именно на сцене этого театра живет вечный, талантливый и живой дух.

После очной встречи в зрительном зале с поэтом появилось желание написать о нем, взять у него интервью, поговорить о его творчестве, больше узнать о нем, как о человеке. Обратившись к поэту в Facebook на личной страничке, я попросила у него номер телефона и после позвонила, чтобы договориться о встрече. В телефонном разговоре явно слышались нотки удивления того, что десятиклассница просит об интервью, продолжением которого станет творческая работа на краеведческую конференцию. Сила убеждения, которая звучала в моем голосе, и то, что я действительно знала наизусть его стихи, покорили Константина Потапова, и он согласился на интервью.

Мы встретились 24 января 2012 года у входа кафе «Camarde» в здании Парк Хауза. Скромный молодой человек, на принадлежность к поэтическому цеху указывал длинный шарф, артистично перекинутый через плечо. Вопросы и диктофон я подготовила заранее, поначалу очень волновалась.

Вот мое первое в жизни интервью с настоящим молодым поэтом нового XXI века:

— Обычно при вашем представлении на концертах или в разных сводках в первую очередь говорят, что вы победитель Дельфийских игр. Как вы относились и относитесь к такого рода степеням и победам?

— Не в степенях дело, а в личных качествах, поэтому я отношусь к этому очень скептически. Но на самом деле в жизни они очень помогают, у меня была искренняя радость, когда их выиграл, и потом это мне очень помогало, когда я договаривался, допустим, о гастролях в разных городах или других деловых отношениях, так как это пока единственная победа на российских конкурсах. Я пытаюсь участвовать в разных конкурсах в интернете так часто, насколько это возможно. Победы в таких конкурсах дают формальные преимущества, в связи с чем к тебе относятся по-деловому. На творчество это не влияет никаким образом, есть уйма людей без каких-либо премий.

— *Вы ориентируетесь на государственные премии, например, такие как премия Андрея Белого?*

— Может, это прозвучит некрасиво, но оценивающие жюри, по моему мнению, очень далеки от современных творческих аспектов и ситуаций. «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать», и у меня к таким конкурсам меркантильный интерес, соответственно я стараюсь подобрать к ним подходящие стихи. К собственному творчеству моя оценка уже выработалась, и я понимаю свои плюсы и минусы, внешние оценки очень приятны, но не более того.

— *Возвращаясь к интернету, вы ведете свой живой журнал, в одном из постов вы нелестным образом отозвались о маргинальных стихах.*

— Я пришел к выводу, что контркультурный, маргинальный путь в современном искусстве — это путь наименьшего сопротивления, потому что очень часто они ироничны и циничны. То есть они думают, что если позади такая огромная эпоха и все давно испробовано, то они не хотят ничего придумывать нового, а только иронично подшучивают над старым, что является наименее простым путем самовыражения. Нужно искать новое, это больше искусство, чем такие маргинальные заметки. Больше эпатажа для самого эпатажа, чем ради какой-то цели.

— *У вас были когда-нибудь такие маргинальные опыты?*

— Да, конечно, такое было, но одни из первых, сейчас к ним отношусь с юмором. У меня никогда не было цели эпатировать. Тут нужно быть ответственным за то, что ты делаешь.

— *Кто из известных поэтов пишет в такой манере?*

— Я не очень увлекаюсь таким направлением, поэтому не смогу назвать других имен, кроме Никонова.

— *Какое определение вы бы сами дали своей поэзии?*

— Сложный вопрос, я мечусь в разных жанрах сейчас. Я бегал от Пастернака к Бродскому. Но вовремя понял, что это не очень честно и надо включать современные вещи в стилистику и содержание. Также я начал бессознательно осваивать модный и новый стиль надрывных стихов Веры Полозковой, в котором можно найти новые обороты, но формально я не могу отнести себя к какому-либо стилю.

— *У вас особая, запоминающаяся манера читать собственные стихи, можете ли вы просто отдавать тексты без собственного вмешательства в качестве оратора?*

— Да, конечно, когда я начинал работать, я об этом только и мечтал, но понял, что это очень сложно. Когда я вышел на сцену, многим стихи нравились именно из-за подачи. Я польщен, когда понимаю, что тексты живут без моего исполнения, но я бы хотел, чтобы жило и то, и другое, чтобы выходить на сцену и без стихов и чтобы стихи жили отдельно.

— *Литература и поэзия в настоящее время становятся товаром, и общество делится на две части: те, кто ищут для себя духовную пищу, и те, кто ждут ее. Как вы думаете, нужно искать своего поэта либо ждать?*

— Надо искать, да, но я бы не стал так строго делить. Можно долго искать, а оно потом придет само, когда его не ждешь. Сейчас происходит следующая ситуация: искусство сейчас так переполнено, что человек просто ленится что-либо искать и находить среди всей этой кучи что-нибудь стоящее.

— *Есть один глобальный вопрос: какая функция поэзии сейчас?*

— Во-первых, я бы не стал отличать функцию поэзии ни в наше время, ни в античности, ни в каком другом. О функции говорить сложно, так как ее цель для каждого разная, как говорил Иосиф Бродский: «Это высшая степень языка». Для меня лично это способ приближения к какому-то абсолюту. Я бы не стал отделять, как многие, поэзию от других форм искусства как высшую. Любое искусство равнозначно. Социальные и политические функции уже рождаются второстепенно. «Единственное обязательство поэта перед обществом — это писать хорошо, все остальное неважно», — опять же говорил Бродский, на которого я часто ссылаюсь.

— *По мнению того же Бродского, поэт — это тот человек, который находится в зависимости от языка.*

— Согласен, мне часто становится тесно, каким бы не был «великим и могучим русский язык», тем не менее хочется сделать чистую форму без смысла, как музыка. Актерское мастерство к этому ближе, там часто не надо слов.

— *Какие современные поэты вам интересны?*

— Опять же, вопрос сложный. С уважением отношусь к Вере Полозковой: она очень многое сделала в форме, но подростковое содержание, я жду, что она вырастет в какого-то женского Бродского. Уровень работы с текстом и уровень работы с языком очень многое значат. Мастер минимализма Вера Павлова, которая использует минимум средств для выражения, но очень сильно. Кудряшова, опять же женщина, а раньше писать хорошие стихи была прерогатива мужчин, а сейчас женщин. Одно ее стихотворение — «Мама на даче» — можно считать целой вехой.

— *Владимир Айзенберг, поэт советского поколения, утверждает, что стихи сочиняют автора, а вы идентифицируете себя со стихами?*

— Я против этой точки зрения во многом, я лично себя идентифицирую с печатной машинкой, пишущей тексты в зависимости от состояния. Это не связано как-то с жизнью, и попытки отыскать в поэзии какую-то мистику или божественный дар поэта — только способ выделиться. Это какой-то расизм, когда воспринимаешь поэта не наравне с другими, что я нахожу в поэзии — это мое личное дело, метафизику в своей работе я найти не могу. Если даже что-то нахожу, то это касается только меня и русского языка.

— *Вы скорее сочиняете стихи, а не пересказываете.*

— Бывает по-разному. Если я не влюблен, а пишу про влюбленность и это правдиво, я не считаю это обманом читателя. Это скорее актерские замашки, когда придумываешь состояния и живишься в них. Моя техника и способы письма не должны никого волновать. Но очень часто получается так, что умение писать всегда отстает от уровня осмысления и понимания мира.

— *Кем из героев книги или фильма вы хотели бы быть?*

— Несколько лет назад я бы мог ответить на такой вопрос, но сейчас хочу быть только самим собой. Возраст таких сравнений уже прошел.

— *Каким должно быть место, где бы вы хотели бы жить?*

— О таких вещах я задумываюсь с точки зрения удобства моего существования. То, что происходит в моей стране, начи-

ная с климата, кончая политической системой, меня не удовлетворяет. Но если я перееду, может, у меня и не получится ничего писать. В настоящее время думаю о переезде в Москву, потому что там люди более интеллектуальны, у них больше целей, включены в реальность и темп жизни гораздо быстрее, что меня подкупает.

— *Сейчас вы занимаетесь проектом Posternak, такой актуальный способ подавать стихи. Как пришла мысль создать подобный проект?*

— Я бы не назвал эти тексты стихами, скорей это умный хип-хоп, как мы его называем. Поэзия должна содержать одни параметры, а в Posternake этого нет, это более простые вещи. Дать моде, существование в таком стиле.

— *Вы уже начали осваивать музыку, а какие еще сферы культуры вам интересны, и в каких из них вы чувствуете себя компетентным?*

— Сейчас подробно изучаю сценарное мастерство, вообще, драматургия и эстрадное искусство было интересно всегда. Интересно писать сами истории, сюжеты спектаклей, фильмов, даже сериалов, и сейчас читаю много книг, связанных с этим жанром. Это ближайшая зона развития для меня. Еще интересна режиссура, то есть постановки, но тут я менее чувствую себя компетентным, работа привлекает меня своим действием, так сказать, здесь и сейчас над реальными людьми.

— *Что вы получаете от поэзии и как вы думаете, можно ли поэзией зарабатывать на жизнь?*

— Я раскрою свое отношение таким образом, что зарабатывать поэзией и получать от нее удовлетворение — это две разные вещи, их надо четко разделять в голове, чтобы не сойти с ума. Нужно, чтобы менеджмент не мешал поэзии. Удовлетворение, которое я получаю от написания стихов, — это что-то, связанное с высшими материями и приближением опять же к тому абсолюту, как бы определенное удовольствие. А материальная сторона — уже какой-то менеджмент, и сюда я как автор вообще не включен. Если бы я писал со стороны менеджмента, я бы писал так, как сейчас модно. Получается следующим система: у меня что-то, как от автора рождается, как бешеный завод игрушки, а потом я вхожу как менеджер и отбираю лучшее.

— *Есть ли какая-нибудь притча, сказ или поговорка, которой вы придерживаетесь по жизни?*

— Есть, конечно, но они меняются. Если говорить литературным языком, то можно процитировать героя книги Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» Сантьяго, что «человека можно уничтожить, но победить нельзя». Сейчас эта цитата крутится у меня в голове, так как у меня сейчас такой период становления и попытки роста творческого и социального, думаю, у человека не может быть всего одна притча, и в этом есть свои прелести.

— *Спасибо вам за интервью и за открытый разговор.*

Интервью с Константином Потаповым убедило меня еще раз в том, что открытость его характера отражается в его стихах. Артистизм, с которым он читает свои стихи на сцене, — это продолжение его открытой натуры: непосредственность в общении на сцене и в обычной бытовой жизни.

Как-то незаметно мое волнение, слишком очевидное в начале беседы, сменилось уверенностью и спокойствием. Поэт похвалил меня за вопросы, сказал, что они были ему интересны, а мне запомнилось это серьезное и одновременно простое общение на равных.

Глава II. Стихи о беге времени, «написанные в трамвае»

Когда начинающий поэт заявляет о себе поэтическим сборником, то в дальнейшем возможны два сценария: книгу никто не заметит или она вызовет неподдельный интерес читающей публики. Со сборником Константина Потапова «Времена суток» произошло второе. Поэтические выступления автора со сцены со своими стихами тоже не оставили никого равнодушным (когда публика аплодирует стоя, это многое значит). В сборник вошли произведения, написанные в 2007-2009 годах. Сегодня, в 2012 году, автор критически сам отзывается о своем дебюте. Ссылается на молодость. Может быть, лукавит, но скорее здесь дело в другом: Константин Потапов из тех поэтов, которые не останавливаются на достигнутом и почивают на лаврах успешных тем и мотивов. Выпущенная им аудиокнига со стихами последних трех лет, это уже не просто поэзия, а сплав музыки и сценического искусства.

Его Величество Интернет пестрит откликами на стихи талантливой поэта, но пока нет литературоведческих работ, посвященных автору в силу его молодости и начала творческого пути. Тем интереснее обратиться к юношеским стихам, первому литературному опыту.

Когда встречаешься с творчеством начинающего поэта, ищешь то, что отличает его поэтическую манеру от других товарищей по цеху. Слушая выступления Константина Потапова, читая его стихи, замечаешь постоянное движение лирической мысли и интонации. Заявленное название сборника «Времена суток» оправдывает себя: и названием стихотворений, и рассуждениями автора о времени бытия и времени быта, и обилием глаголов движения в стихотворной строке, и то убыстрением, то замедлением ритма отдельного стихотворения.

Время — это категория вечности и одновременно скоротечности, но что-то мешает назвать стихи Константина Потапова философскими, несмотря даже на то, что одно из стихотворений сборника прямо называется «Критика работы Хайдеггера «Что такое метафизика?». Это скорее зарисовки времени из окон трамвая, но зарисовки не стороннего наблюдателя, а того, кто одновременно не хочет жить вне времени, но и не хочет подчиняться времени и стереотипам.

Секрет успеха Константина Потапова у молодой публики связан скорее с тем, что автор никого не учит и не старается похвастать своим талантом, возвышая себя над современниками. Молодые откликаются на его творчество, потому что зовет он с собой проехаться по веку в одном вагоне трамвая. На приглашение автора откликаются, потому что в его стихах и в нем самом столько энергии и живости, что хочется тоже ими заразиться и сказать своему времени: «Да!»

Публика устала от критических наветов, плача по погибшим ценностям, ужаса от меркантильности молодого поколения, жестокости века, абсурдного восприятия мира. Смотря на мир глазами Константина Потапова, хочется откликнуться на его предложение делать по жизни шаги вместе со временем и не прятаться от дождя.

Еще одна особенность сборника в том, что несмотря на кажущееся многотемье, которое реализовано уже в названии стихотворений («Обременив себя бременем времени...», «К Богу», «Отрываясь от трамваев...», «Трехмесячная норма осадков...», «Подражая Маяковскому...», «Откройте окна для дождя», «Пианино», «Размокший дневник», «Я раньше никогда ее не знал...», «Письмо любимой», «Автокатастрофа», «Лабиринт», «Двое в кафе», «Время просит прощенья», «Картина заката», «Строфы», «Слово», «Из диалога с собой 2», «Стрелка минут, со-

вершив два раза кульбит...», «Встреча с принцессой», «Мальчик в шкафу», «Разговор с психиатром»), всех их объединяет одно: желание открыть мир и поделиться радостью открытия — только эти открытия вплетены в понятие времени, а не в понятия добра и зла (автор вообще далек от морализаторства). И если есть упреки к несовершенству некоторых строк и рифм, но абсолютно подкупает Константин Потапов искренностью и открытостью своих стихов, понимаешь, что от читателя он ждет такой же искренней заинтересованности в феномене времени, какой проникнут он сам.

В одном из своих интервью Константин Потапов сказал, что его всегда привлекало творчество М. Цветаевой, В. Маяковского и Б. Пастернака («...в одиночестве я варю кофе на обломках двадцатого века — кофемолка не даст сомкнуть веки...»), но при чтении его стихов неотступно терзает мысль о каком-то невыносимом слиянии двух начал: объективной простоте строк А.С. Пушкина и субъективности восприятия мира М.Ю. Лермонтова. Может быть, это и не осознается самим автором, но это двуединство ощущается в лирике поэта.

В стихах много глаголов, передающих движения, которые складываются в динамичную картину быстротечности мыслей, ритма и жизни: «...и виском стучался импульс со звуком пуль...» («Был вечер») [С.48]. Почти неуловимая интонация «быстрых» глаголов придает особенный колорит стихам. Как будто острые края слов врезаются в язык, голову: «...звук оплетал лианой дома, осколки, мины...» («Пианино 4») [С. 44], эти строчки дарят звук спасительный музыки пианино среди войны. Всеобъемлющая власть звука не только над человеческими головами, но и над предметами неодушевленными. Музыка будет жить в любых обстоятельствах, всегда будет действовать соответственно: «...и качал ветер пламя свечек, раскачав и табачный дым...» («Пианино») [С. 23].

В стихах Константина Потапова движение бытового и вечного времени равноценны: «...день бежал навстречу ночи...» («Отрываясь от трамваев») [С. 9], «...лазить к Богу — это грех!» («К Богу») [С. 8], «...он двигался наперерез, безумный, седой и влюбленный!» («Трамвай на боку») [С. 57], «...ведь в каждом из нас тикает жизнь...» («Из диалога с собой 2» [С. 81], «...он бежал, глядя вверх, поскорее за веревку его б ухватить!..» («Письмо любимой») [С. 47], «...смерчем замедленным вертит-

ся в здание банка крыло вентилятора...» («За час до цунами») [С. 117].

Сочетание несочетаемого — вот на что ставит автор в большинстве своих стихов, утверждая, что в мире и образе поэта «все... скручено...». «...а что делать, если поручено из себя, словно штопор, выкручивать, как молитвы, поэмы нескучные...», «...я по нему рифмой размазан, я в нем распластан в строках...» — говорит он о себе, что создает определенный образ жертвы власти русского языка: «...слово вертелось на языке, весь рот истоптало в кровь...» («Слово») [С. 116], «... и почувствуй, как вращается весь мир в объятьях нового безудержного века...» («Постой на светофоре еще миг») [С. 37], «... плыл туда, где лист и стол, где ручка, чтоб писать стихи...» («Размокший дневник») [С. 33].

Еще одна особенность лирики молодого поэта — постоянная переменчивость пафоса его стихов. Такая палитра эмоций — одна из сильных сторон сборника «Времена суток»: то земной шар и человеческая судьба замедляются в своем движении пред граммом гашиша («Обременив себя бременем времени...»), то в стихотворении «Откройте окна для дождя!» вместе с ливнем и свежестью дождевых струй вспыхнет желание обновления и насмешки над затхлостью привычного быта:

*Быт захлебнется, стихнет гам,
и до последнего гвоздя
дождь обсмеет ваш быт и хлам!
Откройте окна для дождя!*

[С.24].

Поэт предлагает нам увидеть больше в настоящем, хочет расширить наш необъятный мир. Каждый преследует свою цель и каждый реализует ее разными средствами. Константин Потапов выбрал игру слов, кто-то выбирает музыку или живопись.

Чаще в сборнике стихов «Времена суток» мы встречаем неоконченные строки с прерванной рифмой или перенесенные на другую строку слова. При таком расположении слова выделяются, приобретают вес.

Само расположение строк создает акцентные слова в стихотворении «Подражая Маяковскому еще раз, или чтобы он ответил вам, если бы жил в двадцатом веке»:

*Но вы знаете, я как-то устал
упираться носом в сталь.*

*Это трамваи хороши
в мае,
А я глаза хочу,
человечьи.*

[С. 14].

Выделенные слова играют роль двух полюсов, двух состояний. Внешний облик блеска холодной промытой дождем стали привлекает внимание. Но сложнее найти свет человеческой души как в окружающих, так и в себе самом.

*Воздух
уже остывает, жара затихает,
пространство и время забиты стихами.*

[С. 123]. («За миг до цунами»)

Здесь воздух не только обеспечивает жизнь, он и сам живет. Живет, заполненный словами и стихами. Как музыка или тишина, он окружает нас и дарит разные состояния.

*Снова
словом
снова
скован,
словно
сломан
снова
словом.*

[С. 108]. «Слово»

Строчки, длиной всего в одно слово расположены лесенкой, потому что каждое слово имеет свой вес, каждое нам важно не только в контексте стиха, но и вне его. Произнести этот отрывок можно только неспеша, проговаривая не только каждое слово, но и слог. Прием скороговорки (сочетание похожих пар звуков) заставляет словно продираться сквозь слова.

В одном из своих интервью, данных после победы на Дельфийских играх, поэт сказал, что его привлекает творчество М. Цветаевой, Б. Пастернака и В. Маяковского. И действительно, о стихах Константина Потапова можно сказать, что в них есть понимание своего пути и неординарности, уважение к слову и включение его в компактную, неразмытую среду строк и желание поэкспериментировать над словом.

Наиболее запоминающееся для меня стихотворение Константина Потапова, услышанное в исполнении автора, — это

«Был снег». Нотки отрешенности двух сердец в вечном вальсе белых хлопьев меня радуют и огорчают одновременно. Лирика с отголосками традиций двадцатого века, с напористостью и рваным ритмом стихов Владимира Маяковского.

Это стихотворение не было бы таким ярким без характерной анафоры «был снег». Погода влияет на настроения героев: «...ты улыбалась очень грустно, мило, и снег еще так буднично скрипел, но я уже не смог набат висков сдержать...» Эмоциональный фон стихотворения меняется постоянно: «...был снег, был снег с дождем... был снег, был дождь, был хаос...» В этом стихотворении есть история без недосказанности. В стихотворении раздумья поэта о сохранении отношений, которые зависят от чего-то неуловимого и не определяемого словами.

Страдания лирического героя перепадают не только на его долю, а на долю всего мира, окружающего его: «...мир рухнул на бок. Навык был распад...» Автор ассоциирует свою жизнь с книгой, а события, произошедшие с ним, с главой в жизни. Стихи Константина Потапова богаты эмоциями, которые они излучают, и дарят читателям и слушателям жизненную энергию, они и вдыхают в нашу жизнь свежесть бытия и примиряют с движением времени.

К некоторым стихам в разделе «Стихи, написанные в полдень» эпиграфом служат указания мелодии знаменитого композитора Яна Тьерсена. Эта музыка создана в минорных тональностях, имеет соответственную энергетику. Эти мелодии также построены на ускорении и замедлении ритма, как и стихи Потапова. Скачущие звуки пианино подобны паденью капель, которые в конечном результате становятся единым водным пространством. Таки образом, еще одна особенность творчества Константина Потапова — подтвердить звучание строк стихотворения реальной мелодией для их взаимного обогащения.

Из этого первого опыта соединения стиха и музыки в сборнике «Времена суток» в настоящее время в 2012 году появится аудиокнига стихов Константина Потапова, где музыка и стихи имеют равные права, но это тема моей будущей работы.

Заключение

Выводы моей работы таковы:

- популярность творчества Константина Потапова среди читающей публики определяется его действенным отно-

пением к жизни стиха во времени: поэт идет к читателям и слушателям; превращает строки лирики в поэтический полноправный моноспектакль; прибегает к помощи других видов искусства для популяризации своего творчества;

- поэт продолжает русскую поэтическую традицию, сохраняя стихотворение как единое целое содержания и формы, одновременно экспериментируя с формой строки и сочетаемостью слов и понятий; но это не экспериментаторство ради эпатажа, а ради ярче звучащего слова;
- бытовое понятие «времени» и его философское значение равноправны и равнозначны в лирике Константина Потапова;
- в стихах поэта подкупает открытость миру и приглашение разглядеть тайну и обыденность жизненного существования в движении;
- ключевые слова первого сборника: время и дождь, они символы вечности и обновления;
- многообразие и многообразие лирической интонации первого сборника молодого поэта предполагают дальнейшее движение Константина Потапова к выбору собственной поэтической темы.

Список литературы

1. Потапов К. Времена суток. — Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2009 г. — 198 с.

НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СКАЗКА В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ БОНДАРЕНКО

Работу выполнила

ученица 6 «А» класса МБОУ СОШ
№ 162 имени Ю.А. Гагарина
городского округа Самара
Булавинцева Елизавета

Научный руководитель

Войницкая Татьяна Алексеевна

*Идем, и, может, на земле одним
путешественником станет больше.*

Братья Бондаренко «Пароход»

Введение

Научно-познавательная литература — это специфическая область искусства слова, в доступной и образной форме отражающая те или иные факты науки, истории, развития общества и на основе этого расширяющая кругозор читателя. Считается, что подобная литература лишена эстетического начала и выполняет только обучающую функцию, обращаясь лишь к разуму ребенка, а не к его целостной личности. Я думаю, такая точка зрения не совсем верна. Цель моей работы — на примере творчества братьев Бондаренко показать, что научно-познавательная литература может быть художественной в полном смысле этого слова: просто и доходчиво раскрывать перед читателем красоту и логику науки, полеты фантазии и тайны искусства, пробуждая тем самым познавательный интерес и жажду жизни.

Актуальность избранной темы очевидна!

Для чего ребенку сказка, и кому адресованы сказки братьев Бондаренко

Творчество самарских писателей Владимира и Вениамина Бондаренко, адресованное детям, традиционно относят к жанру сказки. Спорить с этим трудно, да и сами авторы придерживались того же мнения. Действительно, к какому еще жанру отнести произведения, где действуют, мыслят и чувствуют такие герои, как Тропинка, Пароходик, Ручеек или два Облачка? И все же это сказки не совсем обычные. Точнее, совсем необычные.

Для чего ребенку сказка? Сказка — один из способов знакомства с окружающим миром, с тем, как этот мир устроен, с такими понятиями, как добро и зло, любовь и ненависть, верность и предательство. И в то же время это способ почувствовать всю прелесть и образность родного языка.

Русская народная сказка и близкие ей первые литературные сказки XIX века А.С. Пушкина, П.П. Ершова, С.Т. Аксакова, В.И. Даля и др. прекрасны своей лиричностью, и, самое главное, они волшебны. В них есть место необоснованным чудесам и герои всегда выходят победителями. Эти сказки с одинаковым упоением читали и взрослые, и дети. Но время шло, менялась жизнь, менялась литература, авторские сказки стали приобретать все более социальный характер (Ж. Булычев, Е. Велтистов, В. Крапивин), а в качестве «волшебных предметов», помогавших герою преодолевать препятствия на пути к цели, стали выступать предметы не столько волшебные, сколько фантастические, да и само их действие зачастую объяснено с использованием научной терминологии. Эти сказки, безусловно, более реалистичны и познавательны, вот только адресованы они читателям отнюдь не «сказочного» возраста.

Научно-познавательная сказка в творчестве братьев Бондаренко

Характерной особенностью сказок братьев Бондаренко является то, что их авторы бесконечно любят природу родного края, их герои — обитатели животного и растительного мира, наделенные человеческими характерами и повадками. Они встречаются, ссорятся, мирятся, рассуждают, спорят, при этом отнюдь не утрачивая своих видовых признаков. Снегиренок («Черный берет»), как ему и положено, с возрастом меняет окраску, Сабель-

ник и Белокрыльник («Вахта»), поселившись на озере, неизбежно превращают его в болото. Иначе говоря, в доступной форме в этих сказках малышам подаются научные факты из мира природы. Как тут не вспомнить «Лесную книгу» Виталия Бианки! Та же доступность, та же познавательность. И вот тут понимаешь, что творчество братьев Бондаренко — это действительно сказки, малый жанр литературы для самых маленьких, они лаконичны по форме (ведь детское внимание грешит непостоянством), они полны лиризма и строгой мудрости, они написаны живым языком, порой ироничным, порой достигающим до афоризма. Не назойливая, а потому доходчивая, мораль, заключенная в каждой сказке, делает их современными и актуальными.

Братья Бондаренко совместно написали 16 книг сказок, которые вышли в Москве, Ульяновске, Куйбышеве-Самаре. Эти сказки печатались на страницах не только детских журналов («Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер»), но и в изданиях для взрослых («Нева», «Огонек», «Волга»), переводились на украинский, болгарский, немецкий, узбекский языки. По произведениям братьев Бондаренко снято 15 мультфильмов. «Доподлинное знание жизни природы, — писал критик Ю. Кушак, — аллегоричность и нравоучение легко сплелись между собой в сказках куйбышевских писателей, сказках умных, красочных, лиричных». [6]

Творчество братьев Бондаренко — своеобразная энциклопедия растительного и животного мира. Трудно сказать, что здесь является приоритетным — художественная трактовка какого-либо научного факта или то, что сам этот факт становится поводом для серьезного разговора с маленьким читателем. Так, например, в сказке «Коралловые острова» рассказывается, как из крупы кораллов рождаются в море острова, и вся поэтическая структура сказки подводит читателя к мысли, что в жизни человека происходят аналогичные явления, когда маленькие добрые частицы биографии воплощаются в настоящую, большую жизнь.

Из чего складывается сказка? «Внешность» ее описать довольно просто. Живой, образный язык плюс характерная, специфическая структура. Старая сказка обычно начиналась с традиционного зачина: «В некотором царстве...», «Жили-были». В детских литературных сказках наличие зачина возможно, но вовсе не обязательно. Своеобразным зачином в сказках братьев Бондаренко можно назвать короткие вступительные предложе-

ния: «Жил-был кит. Звали его Кашалот» («Акула»), «Родилась в горах Речка» («Шла к морю Речка»), «Было это в первобытную пору» («Бронтозавр и Птеродактиль»), «Жил во Вселенной Метеорит» («Комета»). Но большинство их сказок зачина не имеют. Сказочное действие начинается буквально с первых слов: «В гнезде у Снегиря лежал голенький Снегиренок» («Черный берет»), «Бежал по лесу мышонок, искал свою маму» («Мышкины морщинки»). Сказки начинаются прямо с экспозиции, которая вводит в определенную сказочную ситуацию, знакомит с обстановкой и персонажами. Дальнейшее развитие сказочного сюжета идет всегда без отступлений, без перерыва. Поэзия созерцания ребенку чужда. Маленький читатель любит принимать участие в судьбе героя. И эти сказки действенны, динамичны, полны стремительного движения. Именно разнообразие действий создает сказочную ситуацию, вызывает восторг или разочарование, ожидание счастливого конца. В сказках братьев Бондаренко сюжет прост и строг, повествование строится вокруг главного героя, в характере которого заложен основной конфликт. Характеры героев проявляются не в описаниях (сказка описаний вообще не терпит), а в действиях. Сказочный герой является носителем одного определенного качества, и это решает весь ход развития сюжета. Так, растение Перекати-поле в одноименной сказке выступает только носителем зла. Перекати-поле — сорняк, засевающий поле тысячами семян. А у Реки в сказке «Шла к морю Речка» подчеркивается только ее бездумная удаль. Сказки братьев Бондаренко лишены многословия. Их язык прост и выразителен, но при этом короткая, энергичная фраза не исключает плавности повествования, лаконизм не умаляет поэтической образности. Более того, точность, конкретность, отсутствие отвлеченных схем помогают восприятию научно-познавательного материала, в изобилии представленного в этих сказках.

Сказки братьев Бондаренко отвечают на тысячи «почему» и «как». Они по-своему объясняют, как гусеница превращается в бабочку, как сгорают метеориты, как рождается жемчуг, как крошки полипы создают в океанах и морях коралловые острова, какие животные жили миллионы лет назад, почему пеночек называют кузнечиками, почему весной снежного подорожника голова седеет... Любому факту можно найти простое, понятное, научно обоснованное и при этом поэтичное объяснение. К примеру, все знают, что ель зимой остается зеленой. Этот факт сам по себе

не является открытием, но вот как преподносят его юным читателям сказочники. Они рассказывают о том, как росли на земле первые деревья и как выросла между ними Елочка. Пришла зима. Деревья, испугавшись ее, начали сбрасывать с ветвей листья, потому что зима любит, когда ей под ноги что-то сыплют. Но Елочке не захотелось сбрасывать свои иголки, они нравились ей, и к тому же не хотелось уступать зиме. Она ведь знала: «Уступишь один раз, уступишь и другой»[3]. Зимой оскорбила строптивость Елочки, и она завалила ее глубоким снегом. Но Елочка выжила. И деревья, позавидовав весной ее зеленому платью, тоже решили быть стойкими, но как только почувствовали приближение зимы, задрожали от страха и начали, как и в предыдущие годы, сбрасывать с себя листья. Елочка удивилась этому. Она сказала: «Вы уже утратили веру в свои силы. Так всегда бывает, когда привыкнешь уступать. Надо уметь постоять за себя до конца. А если ты струсил и уступил однажды, то наверняка когда-нибудь уступишь второй раз, а потом уступать войдет в привычку, и ты уже даже начнешь удивляться, что кто-то может жить не уступая»[3]. Так обоснование научного факта ненавязчиво перерастает в глобальное этическое обобщение, дает представление ребенку о том, как важно уметь отстоять себя.

Интересно отметить, что в сказках братьев Бондаренко герои, смельчаки — это в основном представители растительного мира. И это не случайно. Писатели-натуралисты подметили самую характерную черту растительного царства, черту, достойную подражания, — способность вырасти и выстоять, даже «если тебе досталось очень неудобное место в жизни»; не бояться бурь, знойных пустынь и морозов севера. Цветы, по мысли авторов, рождаются для того, чтобы цвести. Мысль сама по себе ясная. Воплощая ее в конкретных образах, братья Бондаренко показывают, что не всегда расцвести так уж просто. Так, к примеру, крошечное семечко камнеломки в сказке «Цветок дедушки Василия» попадает в городе под асфальт, и, для того чтобы расцвести, ему нужно, прежде всего, взломать асфальт, что он и делает с успехом.

Интересен в этой связи тот факт, что сам процесс творчества вызывал у Вениамина Бондаренко «растительные ассоциации» — однажды в разговоре с молодым самарским литератором он дал образную характеристику произведений Льва Николаевича Толстого: духовная проблема — корень, идея — ствол, события, поступки героев — ветки, крона дерева [5].

Своими сказками авторы приобщают юного читателя к широкому кругу моральных и нравственных проблем, учат не теряться в трудных положениях. Тема смелости, мужества, подвига — одна из основных в творчестве братьев Бондаренко. Немало сказок о самопожертвовании, об оказании помощи попавшим в беду. Так, они рассказывают об острове («Макроцестис»). Родившись в океане, он мешал волнам бежать прямо, и тогда они решили смыть его, уничтожить. И уничтожили бы, и в океане стало бы одним островом меньше, если бы ему на помощь не пришла водоросль макроцестис. Она образовала перед островом гигантский вал, о который волны разбивались. Водорослям было, конечно, «больно», тяжело, но зато — жил остров. И вновь мы встречаемся с тонким сплавом идеи и научной информации. Макроцестис, плавая у берегов острова, защищает его от разрушений, это научный факт, но ведь это и блестящий пример мужества, противодействия злым силам, приобщение ребенка к героизму. О том же и сказка «Подарок», где речь идет о молодой Черемухе, которая расцвела в первый раз в жизни. Свои цветы она приготовила для солнца, но расцвела вечером, когда солнце уже зашло. Пришла Ночь и сказала Черемухе, что если она не позволит дотронуться ей до цветов и подышать их ароматом, то она, Ночь, не покинет землю, и люди больше никогда не увидят солнца. Черемуха была молодая и не знала, что Ночь не в силах остановить рассвет и восход солнца, но ей не хотелось, чтобы на земле была тьма, поэтому она решительно ответила: «Ладно, бери мои цветы, Ночь, дыши ароматом их, только не отнимай у людей солнца»[3].

Научно-познавательная сказка открывает перед писателями возможность добиться сразу двух целей — дать ребенку комплекс определенных научных знаний и вместе с тем научить его размышлять о жизни. Из большого разнообразия животного и растительного мира братья Бондаренко выбирают тех представителей, в поведении которых есть черты, близкие человеку, и ведут разговор именно об этих чертах характера. Отсюда неутомимый поиск прототипов. Птицы, звери, деревья, цветы интересны для писателей-сказочников не только сами по себе, но и как носители определенных черт характера. Сказка «Отчего так?» знакомит малышей с образом жизни и устройством гнезда соболя и попутно остроумно высмеивает неряшливость. Соболю не убирает у себя в дупле, а когда мусора накапливается много, удивляется, откуда он взялся. И ищет себе новое дупло. Но и в нем скоро от

грязи становится неприятно жить, и соболь опять удивляется, откуда грязь взялась, ведь когда он поселился в этом дупле, ее не было. Соболев удивленно разводит лапками, говорит: «И что это за напасть такая: ищи и ищи... И вот ведь как получается: найдешь — чисто, поживешь, приглядишься — грязно. Отчего так?» [3]. Соболев недоумевает, но маленький читатель улыбается: он-то знает, отчего в дупле у соболя столько мусора.

Зачастую герои сказок братьев Бондаренко малыши: птенцы, лягушата, медвежата, зайчата, мышата — такие же любопытные и неутомимые, как и их читатели. И такие же разные. В семействе медведей пять медвежат («Пять забавных медвежат»). Есть среди них добрые и не очень, трудолюбивые и с ленцой, наивные и решившие, что они хитрые. Мудрые родители бережно, с любовью и терпением учат их поступать честно, дорожить дружбой, понимать, что только трудом можно добиться успеха. А вот Лягушонок, который никак не поймет, почему речка может жить без него, а он без речки не может («Чему удивился лягушонок»). А Зайчонок испугался дуновения ветра («От кого бежал Зайчонок»). Сидит он на лугу, слышит: «Ближе колышется трава, ближе. И робость тут напала на Зайчонка: видит, идет к нему кто-то, пригибается трава под чьими-то шагами, а кто это — не видать. Невидимый кто-то...» [3]. Сказочные герои — малыши перед всем робеют, всему удивляются, а ведь так и познается мир. Сказки братьев Бондаренко убеждают, что природа умна, она способна научить всякого, нужно только уметь прислушиваться и присматриваться к ней.

Особо хочется отметить сказки, посвященные природе родного края. Гореловская роща, Лысая гора — пейзажи очень многих сказок братьев Бондаренко. Это среднерусская полоса России, среднее Поволжье — места, о которых не могут не писать самарские писатели-сказочники, ведь для них это родина, край, в «котором все самое лучшее» [2]. В сказке «Песня Сизоворонки» при виде родных мест Сизоворонка так обрадовалась, что вместо слова «красиво!» стала, кувыряясь, кричать: «Кра! Кра!» И это навсегда стало песней о Лысой горе, о речке под горой, о черемухе над речкой [2]. У каждого своя родина, и каждому она дорога именно тем, что своя, знакомая, понятная, родная. Молодые грачи, несмотря на все красоты заморского края, мечтают о Гореловской роще («Зачем грачи в Турцию летят»); никак не может дождаться весны Пуночка, чтобы улететь в родную тундру

(«Лучшая примета»); ягода Морошка не уходит на юг и говорит сама себе: «Хорошо у нас на севере»; а в сказке «Гонг-ганг» тяжело раненный лебедь летит умирать на родину и на пути к ней обретает силу, побеждает.

Мир природы в сказках братьев Бондаренко интересен во всем своем многообразии. Так, например, маленький любознательный читатель может найти в этих сказках сведения, касающиеся далекой истории: как впервые поднялся в небо крылатый ящер Птеродактиль («Бронтозавр и Птеродактиль») или как росли древние папоротникообразные деревья Сигиллярия и Лепидодендрон («Лесенка к солнцу»), что при росте нижняя кора у них опадала, оставляя на стволах рубцы. Их-то авторы и назвали образно «лесенкой к солнцу».

Не менее поэтично рассказывают братья Бондаренко и о космосе. Небесный житель Астероид Гермес влюбляется в Венеру. Он говорит ей о своей любви, но она, избалованная вниманием других астероидов, смеется над ним. Она закутывается в облака, прячет от него свое лицо. Гермес уносится вдаль и, совершив огромный круг, снова летит к Венере, чтобы сказать, «что даже безответная любовь — счастье. Она заставляет светиться радостью. С нею чуть-чуть теплее и уютнее в холодном космосе». В очередной раз стоит восхититься тонко выстроенной двуплановостью повествования, характерной для сказок братьев Бондаренко. С одной стороны, очень важный и нужный разговор о любви, одном из главных и сильных человеческих чувств, а с другой — лиризмом проникнутая подача реалистических сведений о космической атмосфере: читатель обязательно запомнит, что красавицу Венеру трудно рассмотреть: она всегда окутана густыми облаками... У каждой кометы есть свое солнце, у каждой звезды есть в небе свое место — этим тезисом можно определить научно-познавательную сторону сказок «Комета», «Звезда и день», «Метеорит», но вместе с тем это сказки о верности, о любви, дружбе. Вот к нашему Солнцу прилетает Комета («Комета»). Они не виделись семьдесят шесть лет. И Комета, и Солнце так ждали этой встречи! Им хочется, чтобы эта встреча была долгой, но Комета улетает, потому что ей «нельзя задерживаться». И, улетая, она говорит Солнцу: «Я вернусь ровно через семьдесят шесть лет. Ты только жди меня. Ведь когда знаешь, что тебя ждут, легче переносится разлука»[3]. Почти все сказки о космосе у братьев Бондаренко лиричны. Видимо, это не слу-

чайно: влюбленные говорят о звездах, сказочные герои космоса говорят о любви.

Пожалуй, самое ценное в научно-познавательных сказках братьев Бондаренко с лирическим направлением — мастерство изображения сложных взаимоотношений между сказочными героями. Вот объединились и живут вместе Актиния и Ракотшельник. Обоим друг от друга польза: Рак носит на себе Актинию, Актиния защищает Рака от хищников и делится с ним своей едой. Но они ворчат друг на друга: Раку кажется, что он делает для Актинии больше добра, а Актиния уверена, что больше доброго делает она. Однако ворчат они «нарочно». Оба счастливы, хоть вид у обоих и недовольный. Еще более сложными предстают перед нами чувства и переживания героини сказки «Глаза ужа» — Лягушки. Она много раз слышала от старых лягушек, что надо бояться смотреть в глаза ужу. Но ей хочется посмотреть, и она решает: «Я только взгляну и сейчас же брошусь в воду»[3]. Она глянула и увидела перед собой глаза ужа. «Нет! Это были не глаза, а две огромные бездны. От их близости кружилась голова и замирало сердце». И забыла Лягушка обо всем, поползла к ужу, околдованная его глазами.

Поэтичные символы, трогательные, красивые образы в разговоре о любви становятся понятны даже самым маленьким, неискушенным читателям. В сказке «Снежное чудо» описано, как в Гореловскую рощу приходит весна. Снега растаяли, остался лишь небольшой бугорок под березкой. С каждым днем он становится все ниже, тает. Березка убеждена, что он тает от любви к ней. А потом на этом месте появляются цветы. И березка уверена, что «эти цветы внизу — тот самый снег, который так быстро таял от любви к ней, и что вообще цветы — это чья-то очень яркая, красивая любовь». Теперь она всем говорит, что любовь — «это огромное солнце, от нее тают снега и превращаются в любовь»[3].

Разговор о дружбе становится не менее интересным и разноплановым. С тремя веселыми зайцами — героями одноименной книги происходит много разных историй, но главное, что нитью проходит через всю книгу, — это понятие дружбы. А дружба, оказывается, это не только прийти на помощь в трудную минуту, но и всю ночь просидеть, прижавшись друг к другу, слушая лягушачий концерт, или вместе арбузы воровать, или вместе какого-нибудь малыша защищать, которого более сильные обижают. В общем, многогранное это понятие — дружба.

Не называть, а показывать — характерная черта творческой манеры братьев Бондаренко. Поэтому в их сказках никогда не говорится, что герой был умный или глупый, добрый или злой, или, дескать, надо быть хорошим товарищем, помогать друг другу в беде, уважать старость. Назидания и нравоучения свойственны басне и совершенно противопоказаны сказочному жанру. И братья Бондаренко просто рассказывают о Ручейке, который не смог добежать до моря, так как было жарко, и он, не задумываясь, отдавал всем по дороге свою влагу. Зато «на пути, по которому прошел Ручеек, посвежели деревья, распустились цветы и налились пахучим зерном колосья («О чем тревожится Ручеек»)). А говоря о сказке «Старая Каракатица», трудно решить, чего в ней больше: желания авторов показать детям, как каракатица меняет расцветку (мимикрия в подводном мире), или рассказать о том, что «хоть это и неприятно, но рано или поздно к каждому из нас приходит старость». В сказке нет громких слов об уважении к старости, но дети сами делают такой вывод.

Братья Бондаренко считают вполне правомерным ставить перед маленьким читателем самые сложные философские вопросы, чтобы заложить фундамент будущего мировоззрения. Раздумья о смысле жизни характерны для большинства их сказок. О ком бы и о чем бы они ни рассказывали, они все время как бы приглашают юного читателя подумать вместе, а так ли живет герой сказки и нужно ли жить иначе. В детстве Липа мечтала стать самым высоким и красивым деревом, а Родничок — разлиться и стать рекой, вращать турбины электростанций («Родник и Липа»). «Но жизнь не всегда складывается так, как мечтается в детстве», — говорится в сказке. Липу вырубил лесник. А Родничок не стал рекой, в нем было слишком мало воды, но лесник расчистил его, и он стал колодцем. И, как бы подводя черту под прожитым, умудренный годами борьбы и стойкости, Родничок говорит: «В жизни не каждому дано быть великим, но быть нужным — это может каждый»[3]. Мысль актуальная сегодня, как никогда. Погоня за красивой профессией зачастую мешает человеку найти свое подлинное призвание, место в жизни. И совсем неплохо, если читатель поверит сказочникам, что вовсе не обязательно быть только большой дорогой — разве плохо стать смелой тропой, как героиня сказки «Тропинка». Она была узенькой и едва заметной тропинкой, деревья и сумерки всю ночь не выпускали ее из леса, но она упорно пробивалась и к утру выбежала

в степь. «Она чувствовала: позади, сопя, остановились деревья. Они не могут больше сделать ни шагу: степь, что сияла перед ними в рассвете, не принадлежала лесу. Но они, тяжело дыша, шептали:

И все-таки ты не стала дорогой.

— Ну и что? — сказала она. — Не каждая тропинка становится дорогой, зато каждая обязательно выходит к дороге, по которой можно идти и ехать куда угодно».

Не губить в себе «дар полета», быть нужным в жизни — к этому призывают маленького читателя братья Бондаренко своим сказочным творчеством. Если есть в тебе песня — спой ее во весь голос, не уподобляйся Жулану из сказки «Неспетая песня». Всю жизнь Жулан только и делал, что покачивался на ветке черемухи да говорил птицам: «Ну и песня у вас! Вроде поете, а послушать нечего. Вот я запою!» Птицы ждали, когда же он запоет, но Жулан все качался, вздыхал, жалел, что некогда ему спеть свою песню: «то гнездо надо было строить, то птенцов выращивать». Но птицы поняли, что это всего лишь отговорки, что если бы была у Жулана песня, то он бы «утром пораньше встал, вечером попозже бы лег, но все-таки спел бы свою песню». Жулан не пел потому, что у него не было песни, ему нечего было петь.

Но, оказывается, можно иметь свою песню и потерять ее, как это случилось с Малиновкой из сказки «Пересмешница». Показалась Малиновке собственная песня неинтересной, позавидовала она песням других птиц и стала подражать им. И так привыкла петь чужие песни, что забыла свою. Теперь она могла только пересмешничать, повторять чужое. Поэтому и зовут Малиновку пересмешницей. Так отказалась Малиновка от своего голоса и потеряла доброе имя.

Писатели-сказочники дают интересную трактовку понятия «летать». Из тридцати двух сказок, объединенных под рубрикой «Дар полета» (в книге «Горицвет»), лишь несколько о птицах: «Дар полета», «Бронтозавр и Птеродактиль», «Песня Воробышка». Но разве нельзя назвать полетом мечту цветка расцвести или дерева — стать высоким? Правда, не всегда мечту легко осуществить, но тот, кто дорожит своей мечтой, идет ради нее даже на смерть, как цветок Огонек из сказки «Ванька Мокрый». Бабушка Агафья, у которой вместе с другими цветами жил Огонек, срезала с него нераспустившиеся бутоны, потому что если не давать ему цвести, он будет долго жить. Но Огоньку не захо-

телось прожить пустую, даже и долгую, жизнь, не порадовав никого своим цветком. И он утаивает от бабушки один из бутонов и расцветает. Бабушка ахает, а Огонек счастлив. Он умрет, зато он раскрылся, подарил миру свой цветок.

Приносить пользу, преодолеть самые большие трудности — это и есть дар полета, и это — лейтмотив всего сказочного творчества братьев Бондаренко. Их герой смотрит на мир глазами романтиков. Романтическая направленность характерна для большинства сказок о звездах, цветах, деревьях и море. Звезды учат светить, цветы — раскрываться и показывать лучшее, что есть в тебе, деревья — быть мужественными, а море — бороться с препятствиями, быть свободными. «Иметь жемчужное сердце — это, оказывается, хорошо, это приносит людям радость», — говорит героиня сказки «Жемчужина». И героев с «жемчужным» сердцем можно встретить во многих сказках: «Горицвет», «Доброе слово», «Как скорбилась липа», «Коралловый остров», «Подарок», «Ветла и свая».

Маленький человек стоит на пороге большого мира. Кем он станет, как сложится его судьба, сможет ли он осуществить все то смелое, о чем сейчас мечтается? Во многом это зависит от того, с каким багажом знаний о мире он отправится в путь. Первые крупинки этих знаний он получает от взрослых, любящих, заботливых и... читающих сказки. Через призму добра, красоты и справедливости смотрят на мир писатели-сказочники братья Бондаренко. Каждая их сказка призвана помочь маленькому читателю мужать, расти мечтателем, героем, который мог бы защищать красоту земли, быть смелым и отзывчивым...

Старый Пароходик счастлив тем, что у пристани его ждут люди, он им нужен. «Иду-у-у-у! — прогудел Пароходик и, довольный, заулыбался: сигнал получился удачный, молодой, с задором. Такой обязательно отзовется в чем-нибудь сердце призывом: «Идем, и, может, на земле одним путешественником станет больше»[3].

Заключение

На протяжении всего своего развития и взросления ребенок, как никто, нуждается в самой разнообразной информации об окружающем мире, и именно научно-познавательная литература способна удовлетворить его интерес к разным областям знания. В сказках братьев Бондаренко научно-познавательное начало так тесно переплетено с эстетическим, что это позволя-

ет без оговорок отнести их к разряду детской литературы, необходимой как для расширения кругозора ребенка, так и для его становления в качестве читателя и дальнейшего литературного развития.

Знакомство с творчеством братьев Бондаренко открыло мне, что сказки бывают разными. В них могут быть совсем не сказочные, а очень даже реальные герои, и действие может происходить не в сказочном царстве, а в самом обыкновенном лесу, где я сама гуляла с родителями и друзьями. Главное, что в этих сказках всегда все заканчивается хорошо и из любой беды герои выходят победителями. Сразу хочется верить, что, несмотря на трудности, ожидающие впереди, в жизни у меня все получится.

Список использованной литературы

1. Андреева А. Жили-были Бондаренко: / А. Андреева// Будни. — 1998, 11 ноября.
2. Бондаренко В. Сказки Гореловской рощи. — Куйбышев, 1990.
3. Бондаренко В. Снежное чудо, сборник сказок. — Куйбышев, 1990.
4. Сб. О Волге наше слово. / Владимир Никифорович Бондаренко. — Куйбышев, 1987.
5. Смолич С. Расскажи сказку / С. Смолич//Самарские известия. — 2002, июль-август.

ЖИЗНЬ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В РАССКАЗАХ И ОЧЕРКАХ САМАРСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ А.А. БОСТРОМ (ТОЛСТОЙ)

Работу выполнила
ученица 8 «М» класса МБОУ СОШ
№ 3 с углубленным изучением
отдельных предметов имени Героя
Советского Союза В.И. Фадеева
городского округа Самара
Золотенкова Елена

Научный руководитель
Кузнецова Елена Владимировна

Введение

Писательница Александра Леонтьевна Бостром (Толстая) мало известна современному читателю. Ее творческий путь охватывает период с 80-х годов XIX века до начала XX века. До революции популярностью пользовался ее роман «Неугомонное сердце», очерки и рассказы Александры Леонтьевны Толстой печатались в журналах «Русское богатство», «Образование», на страницах провинциальных газет «Саратовский листок», «Самарская газета».

Дореволюционному читателю она была известна как автор книг для детей «Подружка», «Как Юра знакомится с жизнью животных». Рассказы А.Л. Толстой для детей издавались и в советское время. Однако сейчас ее больше знают как мать выдающегося советского писателя А.Н. Толстого. Исследователи творчества А.Н. Толстого единодушны в признании той особой роли, которую сыграла мать в творческом становлении сына. Сам писатель неоднократно говорил об этом. В 1907 году, уже после смерти А.Л. Толстой, вышла первая книга А.Н. Толстого «Лирика». Он прислал ее отчиму в Самару с надписью: «Пусть книжка эта напомнит тебе мамочку, вложившую в

меня ту искру, которая горела в ней таким горячим, чистым пламенем».¹

Цель данной исследовательской работы — проанализировать произведения А.Л. Бостром в контексте эпохи, выявить особенности изображения жизни русской деревни в рассказах самарской писательницы.

Объектом исследования является жизнь русских крестьян Самарской губернии, представленная на страницах произведений А.Л. Бостром.

Предмет исследования — рассказы А.Л.Бостром «Лагутка», «Филатово сено», «Выборщики», «Воскресный день сельского хозяина».

Актуальность исследования связана с вопросом творческих взаимосвязей А.Л. Бостром (Толстой) и А.Н. Толстого.

Глава 1. Жизнь и творчество А.Л. Бостром

*Я не знаю до сих пор женщины более
возвышенной, чистой и прекрасной.*

А.Н. Толстой

Александра Леонтьевна Бостром по происхождению своему принадлежала к старинному дворянскому роду Тургеневых. Она приходилась двоюродной внучкой декабристу Николаю Ивановичу Тургеневу. Еще в царствование Алексея Михайловича Тургеневы получили грамоту на владение жалованными за службу именьями в Ставропольском уезде вначале Симбирской, а затем Самарской губернии. Земли переходили по наследству внукам и правнукам. Тургенево, Войкино, Андреевка, Коровино, Архангельское — все это родовые гнезда Тургеневых. В одном из них, Коровине, в семье Леонтия Борисовича Тургенева и жены его Екатерины Александровны (урожденной Багговут), 13 ноября 1854 года родилась Александра Леонтьевна. Вся жизнь ее прошла на самарской земле. В своем дневнике она писала, что все дорогое, лучшее в жизни связано у нее с родимой Волгой.

Александра Леонтьевна окончила Самарскую женскую гимназию. Ей исполнилось 19 лет, когда в Самару приехал граф Николай Александрович Толстой. Графа окружал ореол героя, он был богат, красив, представлял собой блестящую партию для молодой девушки, поэтому, когда он посватался к Александре Ле-

¹ Соловьева Л.А. А.Л. Толстая-Бостром./ Л.А. Соловьева // Бостром А.Л. Рассказы и очерки. — Куйбышев, 1983. — С. 3.

онтъевне, получил согласие. В 1873 году они обвенчались. Вскоре в семье появились дети Александр, Мстислав и Елизавета. Знакомство на одном из светских вечеров с либералом-народником, земским чиновником из Николаевска Алексеем Аполлоновичем Бостромом перевернуло жизнь Александры Леонтьевны. В ноябре 1881 года она уезжает в Николаевск к Бострому. Мольбы и угрозы мужа, моральное давление родителей, боязнь за любимого человека, которому угрожал граф, заставили Александру Леонтьевну вскоре вернуться в Самару к мужу. Николай Александрович увозит ее в Петербург и, чтобы удержать, издает написанный ею роман «Неугомонное сердце» (1882 г.), в котором передана душевная драма, мучившая в то время саму Александру Леонтьевну. Но в мае 1882 года она, скрыв от мужа, что ждет ребенка, окончательно уходит к Бострому, оставив троих детей. «Не только большое чувство к А.А. Бострому заставило ее решиться на этот трудный шаг в жизни, — пишет в автобиографии 1943 года А.Н. Толстой, — моя мать была образованным для того времени человеком и писательницей. (Роман «Неугомонное сердце» и повести «Захолустье». Впоследствии ряд детских книг, из которых наиболее популярная «Подружка»). Самарское общество восьмидесятых годов — до того времени, когда в Самаре появились сосланные марксисты, — представляло одну из самых угнетающих картин человеческого свинства. Люди спивались и свинели в этом страшном, пыльном, некрасивом городе, окруженном мещанскими слободами... Когда там появился мелкопоместный помещик Алексей Аполлонович Бостром, молодой красавец, либерал, читатель книг, человек с «запросами», перед моей матерью встал вопрос жизни и смерти: разлагаться в свинском болоте или уйти к высокой, духовной и чистой жизни. И она ушла к новому мужу, к новой жизни — в Николаевск».¹

Единственным средством к существованию с этих пор становится для нее хутор Сосновка, принадлежавший А.А. Бострому, куда Александра Леонтьевна с Алексеем Аполлоновичем и уже десятимесячным сыном Алешей переехали в октябре 1883 года.

На протяжении всей дальнейшей жизни Александра Леонтьевна усердно занималась литературным творчеством и смогла увлечь им своего младшего сына Алексея.

¹ Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10-ти томах. — Т. 1. — М: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — С. 51.

Первая повесть «Воля» о положении прислуги в барском доме, «осознавшей в себе человека», была написана юной Александрой еще в 16 лет. Первый роман «Неугомонное сердце» (1882), имевший нравственно-описательный характер и популярную в то время народническую тенденцию, получил в журнале «Отечественные записки» довольно жесткую критику.

Интерес вызвал сборник «Захолустье» (1886) — о тусклой безрадостной жизни провинциальной интеллигенции. Здесь явно проявилась приверженность Александры Леонтьевны к идеям народничества.

И сейчас интересны очерки А. Бостром, не только с этнографической точки зрения, но и как картина социального неравенства русской деревни. Это очерки «Докторша», «Филатово сено», «Лагутка», «Рассказ о том, как в деревне Малиновке холеру встречали», «Мария Руфимовна». Пользовались популярностью ее неоднократно переиздававшиеся познавательные рассказы для детей: «Подружка» (1892), «Два мирка» (1904), «Как Юра знакомится с жизнью животных» (1907) и др. Ею написано более 10 пьес, из которых опубликована только одна.

Творческая индивидуальность А.Л. Толстой формировалась под влиянием демократических идей искусства 60-х годов. А.Н. Толстой вспоминал, что понятие «шестидесятники» в их доме всегда произносилось как священное, как самое важное. Верность заветам 60-х годов обнаруживается в суждениях Александры Леонтьевны о литературе, о роли искусства в жизни общества, нашедших свое отражение в ее дневниковых записях, в семейной переписке. Здесь утверждался взгляд на литературу с той точки зрения, которая требует, чтобы в художественной форме давалось изображение жизни, способное навести на глубокое размышление или чувство. А.Л. Толстой было чрезвычайно близко одно из основных положений эстетической мысли 60-х годов, утверждающее общественную значимость искусства.

Стремление к познанию святой, строгой жизни — призвание настоящего писателя. Это оценивалось высоко, поддерживалось, отступление от этих требований сурово порицалось.

В эпоху общественного упадка 80-х годов в семье А.Л. Толстой особенно горячо принималась идея творческой активности художника. Писатель должен твердо определить свою позицию, иначе люди перестанут ему верить. Александра Леонтьевна была

убеждена в том, что писатель должен стараться никогда не говорить пустяков. Симпатии А.Л. Толстой были на стороне русского демократического искусства. По воспоминаниям А.Н. Толстого, в доме его матери были кумиры: Щедрин, Тургенев, Некрасов. Они были совестью дома, и главный из них — Некрасов.

Очерки и рассказы А.Л. Бостром (Толстой) свидетельствовали о том, что творчество ее развивалось в русле демократических тенденций реалистической литературы.

Известный критик и литературовед А.М. Скабичевский писал: «Нельзя сказать, чтобы г-жа Бостром обладала особенно сильным творческим талантом... Это писатель-фотограф в полном смысле слова, но надо отдать ей справедливость: списывает она до мельчайших деталей верно, вы видите в ее произведениях бездну наблюдательности, анализа, а главное — ума».¹

25 июля 1906 г. Александра Леонтьевна скончалась от менингита в Ольгиной общине сестер милосердия «Красный крест».

Глава 2. Жизнь русской деревни в рассказах и очерках А.Л. Бостром (Толстой)

Переехав в 1883 году на хутор Сосновку, Александра Леонтьевна запишет в своем дневнике: «Темные несчастные люди в дымных избах возбуждают к себе сострадание... Хочется сделать что-нибудь для них, чувствуешь обязанность свою перед ними, чувствуешь, что со временем будет возможность принести какую-нибудь пользу, чтоб им не так тяжело и голодно было жить на свете».²

Ее стихией стала деятельная любовь. Она интересуется медициной, пытается лечить крестьянских детей и очень радуется тому, что ее корешки, порошки и капли приносят кому-то пользу. Прекрасно понимает, что все это — мелочь в море человеческих страданий, но эта мелочь доставляет ей огромное счастье.

Эта любовь нашла свое продолжение в литературном творчестве. Внимательно наблюдая за общественными процессами, проходившими в жизни самарской деревни 80-90-х годов, А.Л. Толстая пыталась искать пути улучшения жизни крестьян и деревенской интеллигенции.

¹ ru.wikipedia.org/wiki/Бостром

² Соловьева Л.А. А.Л. Толстая-Бостром./ Л.А. Соловьева // Бостром А.Л. Рассказы и очерки. — Куйбышев, 1983. — С. 3.

Необычную остроту в литературе того времени приобрел крестьянский вопрос в связи со страшным бедствием — голодом в начале 90-х годов, унесшим миллионы человеческих жизней. Известно, что голод достиг катастрофических размеров в Самарской, Пензенской, Симбирской губерниях. Последствия голода сказывались вплоть до 1894-1899 годов. В попытке спастись от голода жители целых сел и районов «шли с сумой по миру», пытаясь спастись от голодной смерти. Сохранились жестокие зарисовки с натуры западных корреспондентов русского голода конца XIX века.

Миллионы отчаявшихся людей выходили на дороги, бежали в города, доходя даже до столиц. Обезумевшие от голода люди попрошайничали и воровали. Вдоль дорог лежали трупы погибших от голода. Чтобы предотвратить это гигантское бегство отчаявшихся людей в голодающие деревни вводили войска и казаков, которые не давали крестьянам покинуть деревню. Часто не выпускали вообще, обычно разрешали покидать деревню только тем, у кого был паспорт. Паспорт выдавался на определенный срок местными властями, без него крестьянин считался бродягой, и паспорт был далеко не у всех. Человек без паспорта, считаясь бродягой, подвергался телесным наказаниям, тюремному заключению и высылке.

Поток голодающих был таким, что полиция и казаки не могли его удержать. Для спасения ситуации в 90-х годах XIX века стали применяться продовольственные ссуды, но крестьянин обязан был отдать их с урожая осенью. Если он не отдавал ссуду, то ее по принципу круговой поруки «вешали» на деревенскую общину, а дальше как получится — могли разорить подчистую, забрав все как недоимки, могли собрать «всем миром» и отдать долг, могли молить местные власти простить ссуду.

Чтобы получить хлеб, царское правительство принимало жесткие конфискационные меры — экстренно увеличивало налоги в определенных районах, взыскивало недоимки, а то и просто изымало излишки силовым путем — полицейскими урядниками с отрядами казаков. Основная тягота этих конфискационных мер ложилась на бедные слои населения. Сельские богачи обычно откупались взятками.

Крестьяне массово укрывали хлеб. Их пороли, мучали, выбивали хлеб любыми путями. С одной стороны это было жестоко и несправедливо, с другой, помогало спасти от голодной смерти

их соседей. Жестокость и несправедливость были в том, что хлеб в государстве был, пусть и в небольшом количестве, но он шел на экспорт, а с экспорта жировал узкий круг «эффективных собственников».

Хлебные ссуды и бесплатные столовые действительно спасли много людей и облегчили страдания, без этого ситуация стала бы просто чудовищной. Но их охват был ограниченным и совершенно недостаточным. В тех случаях, когда хлебная помощь доходила до голодавших, нередко оказывалось, что было поздно. Люди умирали или получали непоправимые расстройства здоровья, для лечения которых нужна была квалифицированная врачебная помощь. Но в царской России катастрофически не хватало не то что врачей, даже фельдшеров, не говоря уже о лекарствах и средствах борьбы с голоданием. Ситуация была ужасающей.

Русские писатели Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, Н.Г. Гарин-Михайловский активно участвовали в помощи голодающим. Своими статьями, очерками, рассказами они ставили перед общественностью вопрос о положении деревни, о судьбе мужика, о тех причинах, которые привели к голоду. В статьях Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко ясно звучала мысль о том, что голод не есть только результат неурожая, а является итогом преступности и ненормальности экономического и социального строя страны.

Исследование крестьянского характера во всех положениях, в которые ставит его слишком тяжелая судьба, находилось и в центре внимания А.Л. Бостром.

В подходе писательницы к изображению крестьянской жизни нет ничего предвзятого: она не пыталась идеализировать ее. Ей близка мысль Горького о том, что борьба крестьянина за существование нередко принимает страшные формы.

В основе очерка «Лагутка» лежат впечатления А.Л. Толстой от жизни самарской деревни в неурожайный год. Здесь нашли отражение наблюдения писательницы над крестьянским бытом и ее собственный опыт, так как жизнь хозяев сосновской усадьбы в голодные годы мало чем отличалась от жизни крестьян. Тяжелые воспоминания о голодных годах остались в памяти А.Н. Толстого. В «Автобиографии» он писал: «Глубокое впечатление, живущее во мне и по сей день, оставили три голодных года, 1891-1893. Земля тогда лежала растрескавшаяся, зелень преждевременно увядала и облетала. Поля стояли желтыми, со-

жженными. На горизонте лежал тусклый вал мглы, сжигавший все. В деревнях крыши изб были оголены, солому с них скормили скотине, уцелевший истощенный скот подвязывался подпругами к перекладинам... В эти годы имение вотчима едва уцелело».¹

Тяжелое наступило время для героев очерка «Лагутка». Реалистично, без прикрас рисуется автором картина сурового времени: «Год был неурожайный. Все лето стояла засуха, погорели хлеба, погорели травы. Ржи собрали столько, что хватило лишь до масленицы. Соломы и мякины также было не в достачу, а сена хоть Лагутка покосил у соседнего купца на участке воза четыре, да взять-то его нельзя было... И пришлось Лагутке кормить скотину старой, третьегодишней соломой».² Небогатое было хозяйство у Лагутки: телка, которую третьего дня как ободрали, мерин, который шел с водопоя, да и лег, а теперь вот корова-кормилица семьи находится на последнем издыхании: «Шерсть на ней от худобы почти вся облезла, ребра выставились наружу, и маклаки крестца торчали, обтянутые облезлой кожей».³ Оттого так тошно причитает Лагуткина жена Онька, понимающая, что гибель коровы для них — это возможная гибель семьи: «Матушка наша, кормилица, — причитала она, раскачиваясь из стороны в сторону, — на кого ты нас покинешь! Насидятся детушки без молочка. Ох, горемычная я, бедная моя головушка».⁴

Сам Лагутка, главный герой очерка, хозяин был плохой. Но не оттого, что не желал трудиться. Напротив, трудился он до изнеможения, но «не было у него сметки, чтобы обдумать всю мужицкую нужду».⁵ К тому же здоровьем крепким не хватался: уставал скоро, и грудь иногда побаливала. Да и где ему быть, здоровью, когда все впроголодь живут. Страшно Лагутке за свою семью, за детей; больше всего боится он, что падет скотина — и выехать бороновать весной не на чем будет. Всеми силами пытается он сохранить остатки своего небогатого хозяйства, но понимает, что честным путем этого сделать невозможно. И становится Лагутка вором. Становится вопреки своей совести: «Не поеду я ночью. Вором не бывал».⁶ Движет им не

¹ Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10-ти томах. — Т. 1. — М: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — С. 54.

² Бостром А.Л. Рассказы и очерки. — Куйбышев, 1983, с. 25.

³ Там же. — С. 25.

⁴ Там же. — С. 25.

⁵ Там же. — С. 26.

⁶ Там же. — С. 27.

только сострадание к собственным детям, но сострадание, присущее крестьянскому характеру вообще. Мучимый терзаниями совести, он не сразу решается на кражу. Но, проходя по двору, он заходит к корове, которая опять лежала и не ела, и сердце его сжимается от боли. «Помрет...» — думает герой. Какая-то отчаянная решимость овладевает Лагуткой, и он идет к отцу и брату просить помощи ночью вывезти сено. Интересно, что и отец не осуждает поступок Лагутки. Движимый состраданием к внучатам, он соглашается помочь сыну. А вот слова, брошенные вслед матерью: «И как живет такой-то...» — как нож по сердцу. Тяжелый страх тяжестью лежит на душе Лагутки. Он и сам еще не понимает, что это. Осознание совершенного приходит позже: «Но почему-то Лагутке показались ненавистными и Онька, и этот ее шепот. Так бы прибил ее... Он стиснул зубы, крикнул, перевернулся на другой бок, силясь заснуть. Но сон не приходил. Грудь так мучительно ныла, и что-то в сердце неясное, тяжелое, словно камень, поворачивалось с тупой болью. И от этого ощущения Лагутке стало так тошно, так тошно, что он готов был руки наложить на себя».¹

Здесь А.Л. Толстая выступает как тонкий исследователь: проводя героя тяжелым путем нравственных испытаний, она сумела увидеть в нем живую душу русского крестьянина, поставленного в невероятно трудные условия жизни.

Рассказывая о непростой доле русского крестьянина, писательница проникновенно пишет о тяжелом, голодном детстве крестьянских ребятишек: «Дрожащими руками она взяла плешечку и налила ее теплым молоком. Ребенок жадно припал к краям губами. Другая девочка, поменьше, тихо заплакала, припадая головенкой к лавке».² Мы чувствуем также, что не безразлична Александре Леонтьевне и судьба русской женщины. Стоит вспомнить хотя бы образ горемычной Оньки: «...нужна была помощница хворавшей жене...Взяли девку из самой бедной семьи... За бедностью ее никто не брал: у нее не было даже путного сарафанишка, в чем выйти на улицу».³ Жизнь, полная лишений, ожесточает жену Лагутки. Но эта жесткость характера вполне понятно объясняется неустанной борьбой Оньки за жизнь ее детей и за благополучие семьи.

¹ Там же. — С. 33.

² Там же. — С. 26.

³ Там же. — С. 26.

Но каковы же пути улучшения жизни крестьян? Может быть, в деятельности земства, на которую с такой надеждой смотрели народники? В основе рассказа «Выборщики» лежат события, связанные с выборами гласных в уездное земское собрание. Согласно «Положению» о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 года в губерниях и уездах создавались органы местного самоуправления, которые состояли из представителей («гласных») трех сословий земледельцев, городских избирателей и крестьян. Участие в выборах ограничивалось высоким имущественным цензом. Выборы от крестьян происходили в следующем порядке: сельские общества посылали своих представителей на волостные сходы, на которых избирались выборщики, последние избирали гласных в уездное земское собрание. Земская реформа была направлена на приспособление самодержавного строя России к потребностям капиталистического развития.

Рассказ «Выборщики» убедительно доказывает несостоятельность народнических иллюзий. Избрав в гласные земства своего помещика, который «за мужиков заступается», крестьяне задумываются, что им от этого будет. Батяка «...ждал чего-то лично для себя, для своей голодной семьи, он бессознательно надеялся, что Фатьянов что-то сделает для него, что снимет с него тяжесть его тревог. И вдруг ничего этого не будет. Школы, говорит Родион, ямщину... Да ведь он, Батяка, ямщины никогда не гонял... Он и сам хорошенько не мог сказать, что он думал, но чувствовал он теперь ясно, что радостное его возбуждение проходит и тревога, как тяжелая туча, снова надвигается на его душу»¹. Выборы земства продемонстрировали диаметрально противоположность интересов беднейшего крестьянства и господ, неспособность дворянства «дело делать». Через 5 лет после появления рассказа А.Л. Бостром на страницах «Самарской газеты» с очерками о «радениях» самарского земства выступит Горький. В них молодой публицист прямо скажет о том, что вместо заботы о нуждах крестьян земство наносит ущерб мужицкому хозяйству. В 90-е годы для русской демократической литературы было ясно, что деревня неоднородна. В. Короленко во время своих поездок по голодному Васильевскому уезду сталкивался на каждом шагу с этой непрекращающейся борьбой богатых и бедняков и писал, что глубокая рознь, разъединяющая деревенский мир, составляет несомненный факт, что мужика

¹ Бостром А.Л. Рассказы и очерки. — Куйбышев, 1983. — С.47.

единого и нераздельного нет; есть бедняки и богачи, нищие и кулаки, хозяева и работники. Н.Г. Гарин-Михайловский поведал об этом же в своих рассказах.

В 90-е годы А.Л. Толстая задумывает написать серию очерков или рассказов об отношениях хозяина и работника, о превращении мужика в хозяина. В рассказе «Филатово сено» в центре внимания писательницы те изменения, которые происходят в психологии, в нравственности мужика в результате формирования у него «кулацких идеалов». Ради наживы (в отличие от героя очерка «Лагутка») Филат совершает преступление — крадет сено. Мир наказывает его. И теперь он сражен, унижен, выбит из колен. Он не смеет на улицу выйти. Основная идея рассказа: нравственное содержание жизни крестьянской семьи зависит от того, в каких отношениях с трудом она находится. Нечестное отношение к труду приводит Филата Болесова к нравственному падению, следствием чего и явился распад семьи.

В 1894 году Александра Леонтьевна записала в тетради тему, которая чрезвычайно волновала ее. Она хотела написать рассказ или ряд очерков, в которых имела целью показать отношения хозяина и работника, нанимателя и нанимаемого, пользу свободной конкуренции. Эта идея нашла свое воплощение в рассказе «Воскресный день сельского хозяина».

В основе этого произведения лежит жизнь, события и люди Сосновки.

В одном из писем к Александре Леонтьевне Алексей Аполлонович Бостром писал: «...Сельское хозяйство не идиллия, как думали прежде. Это борьба каждого против всех. Практика стольких лет показала, что хозяйство убыточно. Надежда на поправку явилась у меня только оттого, что я видел в последние годы, что я прежде хозяйничал все еще немного по-помещичьи. Не больно-то мне по вкусу совсем превращаться в буржуя, да где исход? Не поработай я на удельном участке — Леле нечем было проходить реальное училище. Жестокие обстоятельства, и вот я — буржуй».¹

Процесс распада помещичьего хозяйства, жестоко ломавший психологию людей, невозможность преодоления классовых противоречий между хозяином и работниками показаны в этом рассказе.

¹ Письма А.Л.Толстой и А.А. Бострома. – http://www.lib.syzran.ru/kraeved/Tolstoy_A.htm.

Аркадий Васильевич Булатов, хозяин поместья, «...знал, что летом все его время, все его думы, все мысли должны быть посвящены этому ужасному идолу — хозяйству, которого он был усердным и безответным рабом».¹ Погруженный в постоянные заботы, связанные с ведением хозяйства, он обеспокоен тем, что не имеет в связи со сложившимися обстоятельствами возможности заплатить крестьянам за работу: «Бабам надо было втолковать, что денег они на этой неделе не получают; все это он говорил им вчера, но они не унимались. У каждой была какая-нибудь настоятельная нужда. Особенно приставала вдова Василиса: у ней умер ребенок, и не на что было хоронить».² Но еще больше его тревожит то, что его работники «раздражены ожиданием высоких цен на этой неделе». Поэтому Аркадий Васильевич беспокойно живет в ожидании какой-либо вспышки недовольства со стороны рабочих. Нанимая жнецов, он старается до минимального снизить цену, вследствие чего толпа нанимаемых работников готова применить силу при отстаивании своих требований: «Кто серпы дает? Кто смеет? Товарищей выдавать! Бей его!.. В темноте грозно и зловеще звучали голоса, руки тянулись к тележке».³ Улучив момент, Булатов все-таки добивается своего. Сражение было выиграно. Он нанял жнецов так дешево, как никто. Однако по мнению писательницы, он вряд ли выиграл в этом споре хозяина и работника: «Чем он будет расплачиваться в субботу, он в эту минуту не заботился».⁴ А если так — то ситуация экономических взаимоотношений и связанных с ними классовых противоречий еще более будет усугубляться. И это немолимый процесс, охвативший помещичье хозяйство, деревню в целом. Каков выход из этой ситуации? Автор не дает ответа на этот сложный для того времени вопрос.

Говоря о художественных особенностях рассказов писательницы, надо отметить следующее. Безусловно, А.Л. Бостром предстает перед нами скорее как бытописатель. Однако в произведениях ее присутствуют и лирические отступления, рисующие картины природы и деревенской жизни в самых разных ее временных проявлениях. Так, описанием майского утра в деревне начинается рассказ «Выборщики»: «Утро середины мая. Солнце

¹ Бостром А.Л. Рассказы и очерки. — Куйбышев, 1983. — С. 72.

² Там же. — С. 73.

³ Там же. — С. 79.

⁴ Там же. — С. 23.

поднялось довольно высоко и горячими уже лучами ярко осветило холмистую степь со скудной растительностью. Воздух сух и мутен. Синеватая даль невысоких холмов задернута, будто флером, серой дымкой сухого тумана. Земля потрескалась. Пыль густым слоем лежит на придорожной траве, и убитая дорога сиротливо вьется по необозримому пространству степи и распаханых полей». ¹ В этом же рассказе — описание торжественной тишины ночи: «Мириады далеких звезд смотрели, мигая, с темного, высокого неба, на котором горела кроткая вечерняя звезда, и не потухшая еще заря желтелась на одном краю неба бледным золотом». Деревенский мир полон жизни и звуков. Вот трели жаворонка «серебром рассыпаются в воздухе», вот «трава придорожная хрустит под ногами и ломается», а вот «молодой петушок, белый, мохноногий, хлопал крыльями и старался кукарекнуть странным, нелепым голосом». ²

В небольших, но точно подмеченных деталях предстает перед нами повседневная крестьянская жизнь с ее длинными зимними вечерами («В длинные зимние вечера в избах складывались целые легенды о ловких проделках сельских кулаков» ³), крестными ходами и звоном колоколов («Крестный ход возвратился из поля, колокола радостно зазвонили, загудели...» ⁴), почитанием христианских традиций («Ходили к заутрене, отстояли обедню, потом вернулись домой, разговелись» ⁵), праздниками («...пахать можно было лишь с фоминой, и вся деревня вполне наслаждалась праздником» ⁶) и буднями («Лагутка с Кирухой свой пай почти что заработали, осенью у купца плотины оправляли» ⁷).

Писательница придает большое значение художественной детали, которая помогает ей воссоздать внешний облик крестьянина. Например, в рассказе «Выборщики» читаем: «На нем новый зипун с обшитыми кожей концами рукавов, сильно смазанные дегтем сапоги и поношенная меховая шапка на голове. В заскорузлой руке посошок». ⁸

¹ Там же. — С. 34.

² Там же. — С. 37.

³ Там же. — С. 43.

⁴ Там же. — С. 45.

⁵ Там же. — С. 15.

⁶ Там же. — С. 35.

⁷ Там же. — С. 26.

⁸ Там же. — С. 34.

Умелое использование разнообразных художественных приемов обогащает рассказы А.Л. Бостром, помогает читателю более полно представить жизнь русской деревни.

Заключение

Проанализировав произведения «Лагутка», «Выборщики», «Филатово сено», «Воскресный день сельского хозяина», мы выяснили, что творчество Александры Леонтьевны Бостром (Толстой) развивалось в русле демократических тенденций русской литературы конца XIX века.

Чутко фиксируя общественные процессы, происходившие в жизни самарской деревни 80-90-х годов, писательница мучительно искала пути улучшения жизни крестьян. Где выход из классовых противоречий, которые она хорошо видела и понимала? Для нее этот вопрос остался нерешенным. Отсюда то трагическое мироощущение, которым проникнуты очерки и рассказы А.Л. Толстой (Бостром).

Список литературы

1. Беспалова Е.К., Рыкова Е.К. Симбирский род Тургеневых. — Ульяновск, 2011.
2. Бостром А.Л. Рассказы и очерки. — Куйбышев, 1983.
3. Краснов П. Как жилось крестьянину в «России, которую потеряли» — <http://1sci.ru/a/197>
4. Оклянский Ю.М. Шумное захолустье. Из жизни двух писателей. — Куйбышевское книжное издательство, 1965.
5. Оклянский Ю.М. Рай-тюрьма. /Ю.М. Оклянский // Родина. — № 2. — 2006.
6. Письма А.Л. Толстой и А.А. Бострома. — http://www.lib.syzran.ru/kraeved/Tolstoy_A.htm
7. Скобелев В.П. А. Толстой и Самара. — Куйбышев, 1982.
8. Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10-ти томах. — М: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
9. ru.wikipedia.org/wiki/Бостром

ЭКСКУРСИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕХИ ПЛОЩАДИ ЧАПАЕВА»

Работу выполнила
ученица 10 «Б» класса МБОУ СОШ
с углубленным изучением
отдельных предметов № 176
городского округа Самара
Коняшкина Ксения

Научный руководитель
Селянова Елена Геннадьевна

Введение

Улицы, дома, площади всегда готовы открыть свои тайны и рассказать о людях и событиях, с ними связанных, если есть тот, кто испытывает к ним интерес. Это желание узнать о городе своем как можно больше, на мой взгляд, вполне естественное. Невозможно не согласиться со словами академика Лихачева, который говорил о том, что люди, не изучающие прошлого, не могут иметь полноценного настоящего и будущего. Мое обращение к литературной Самаре продиктовано интересом к литературе и театру. Изучив литературу, посетив литературную экскурсию по городу и музею А.Н. Толстого, я поняла, что имен писателей и поэтов, связанных с нашим городом, много, а объектов, которые можно бы было показать, мало. Все в основном сводится к горьковским и толстовским местам. У меня возникло желание провести экскурсию по небольшой площади и использовать максимально материал, который я изучила. Большую помощь в работе мне оказала антология «Писатели Самарского края».

Цель данной работы: создать литературную экскурсию по площади Чапаева.

Для этого необходимо решить ряд задач: 1) изучить территорию площади, познакомиться с ее объектами; 2) изучить литературу, связанную с объектами площади; 3) выяснить, какие литературные имена и события имеют отношение к площади Чапаева.

Работа состоит из введения, экскурсионного текста, заключения и приложений, которые во время реальной экскурсии по площади можно использовать как портфель экскурсовода. В экскурсионном тексте присутствуют справки на случай, если понадобится больше информации или возникнут вопросы у слушателей.

Экскурсия рассчитана на слушателей любого возраста. Продолжительность — 40 минут.

Литературные вехи площади Чапаева

Размещение группы на площади Чапаева

Здравствуйте! Меня зовут Коняшкина Ксения. Сегодня я выступлю в роли экскурсовода. Вместе с вами мы совершим путешествие в далекое прошлое нашего города, а точнее пролистаем некоторые страницы истории литературы самарской, о которых уместно вспомнить на одной из площадей губернской столицы — площади Чапаева.

Средняя Волга всегда считалась одним из центров формирования русской культуры. Отечественная и зарубежная история содержит немало имен писателей и поэтов, связанных с самарской землей. Среди них М. Горький и А. Толстой, А. Островский и В. Аксенов, А. Солженицын и В. Высоцкий и, конечно, другие мастера слова. В рамках данной экскурсии по одной самарской площади мы окунемся в век XIX, затем перенесемся в XX, вспомним имена, которые не следует забывать в веке XXI нам, современным жителям Самары.

Итак, мы находимся на одной из старейших площадей нашего города. Центральное место площади занимает памятник В.И. Чапаеву, здание Академического театра драмы имени Горького. Справа (жест) вы видите здание академии культуры и искусств с музеем «Бункер Сталина», с левой стороны (жест) — фонд социального страхования с флагом и зеленый купол военно-исторического музея Центрального военного округа.

Некоторые объекты площади представляют интерес в рамках темы нашей экскурсии. Сегодня площадь носит имя В.И. Чапаева, а ее старое название — Театральная. Здесь в 1888 году было возведено здание театра по проекту московского архитектора Чичагова. Во внешнем облике здания хорошо просматриваются традиции русского зодчества: сочетание красного и белого цветов, кокошники, оформление окон и дверей. Горожане любовно называют театр «теремок». Наш театр с 1936 года носит

имя А.М. Горького, т.к. именно в Самаре впервые на сцене было поставлено его произведение. Это спектакль по повести «Фома Гордеев» (1901). Дальше театр оставался верен горьковской драматургии. На его сцене были поставлены пьесы: «На дне», «Враги», «Дети солнца», «Мещане», «Чудаки» и другие.

Сцена самарского театра видела много знаменитостей: актеры, режиссеры, писатели, поэты. Многим деятелям культуры и искусства рукоплескал в этих стенах самарский зритель. Были среди них и такие, которые шокировали публику уже своим появлением. Речь идет об эпатажном поэте Владимире Маяковском.

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —

Значит — это кому-нибудь нужно?

Звезда В. Маяковского загоралась в нашем городе дважды: в 1914 и 1927 годах. В 1914 Маяковский приехал в наш город с Бурлюком и Каменским в рамках турне кубофутуристов, одного из литературных направлений начала XX века. Именно в этом театре (жест) они и выступали. Кубофутуристы появились, шокируя своим видом самарцев: и одежда, и головные уборы — все вызывало удивление. А вот у властей города они вызвали опасение. Поэтому выступление, только начавшись, сразу закончилось. Второй приезд Маяковского был более сдержанным, и выступал он в других местах города, в том числе в здании нынешнего художественного музея.

Еще одна знаменитость начала XX века — поэт К. Бальмонт — также бывал на нашей площади, т.к. выступал в здании нынешнего военно-исторического музея (жест). Обратите внимание на здание с зеленым куполом, построенное в 1909 году архитектором Вернером в стиле модерн. До революции 1917 года здесь располагалось Общественное собрание. Именно здесь читал Бальмонт свои произведения, производя неизгладимое впечатление на слушателей, особенно женского пола.

Справка: В летопись самарского театра вписано немало имен известных театральных деятелей. Один из периодов жизни театра связан с так называемым «ленинградским десантом». Это Николай Симонов, Василий Меркурьев, Юрий Толубеев — молодые актеры, желавшие создать свой театр, сделать его одним из лучших в стране. Симонову, проявившему себя в качестве режиссера, художника, актера, организатора и педагога, посвящена мемориальная доска на здании театра

(э/сест). Еще одна памятная доска в честь Народной артистки СССР Веры Александровны Ершовой, много лет блиставшей на самарской сцене. Конечно, можно назвать еще немало имен талантливых актеров, связанных с самарским театром: Г. Шебуев, З. Чекмасова, Н. Засухин, Н. Михеев, Л. Альбицкая, режиссер П. Монастырский. Сегодняшний день открывает новые имена. Театр живет успехом. Наш «теремок» собирает полные залы зрителей. В его репертуаре классика, пьесы современных отечественных и зарубежных авторов.

Мы еще вернемся сюда, к зданию театра, а сейчас я приглашаю вас пройти в сквер Пушкина, который примыкает к площади. (Переход в сквер со стороны Волги).

Расстановка группы на краю сквера

Мы находимся в сквере Пушкина. Это место для прогулок, спокойного отдыха самарцев, откуда открывается великолепная панорама. Перед нами Волга, Жигулевские горы, хорошо просматриваются Жигулевские ворота (жест). Это места, овеянные легендами. Они дошли до наших современников во многом благодаря Дмитрию Николаевичу Садовникову (показ фото). Поэт Дмитрий Садовников прославился тем, что сочинил стихи к песне, которую до сих пор поет вся Россия, полагая при этом, что слова в ней — народные:

*Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выплывают расписные,
Острогрудые челны...*

Он был первым исследователем Самарской Луки. А первым его научным трудом стала серия очерков «Русская земля. Жигули и Усолье на Волге». Он был замечательным собирателем фольклора. В Петербурге в 1876 году вышел в свет его сборник «Загадки русского народа». Садовников является автором книги «Сказки и предания Самарского края».

В Самарском крае, в селах Урайкино, Озерки, Новиковка в семидесятые годы позапрошлого века Садовников неумоимо собирал легенды и предания. Молва о странном барине, который записывает байки и при этом потчует рассказчиков бражкой, быстро распространилась по окрестным селам. В собранной им книге были опубликованы 183 фольклорные истории. В том числе и предания о Стеньке Разине. И среди них — истории о том, как

обосновался Разин в Жигулевских горах и грабил проплывавших мимо купцов, и о том, как атаман утопил княжну в Волге...

Справка: Д.Н. Садовников 1847-1883), поэт, фольклорист.

О другом атамане — Емельяне Пугачеве — собирал материал А.С. Пушкин (переход группы в центр сквера к памятнику).

Перед нами памятник А.С. Пушкину, созданный самарским скульптором И.Б. Федоровым. Установлен в 1985 году. На постаменте-колонне скульптурный полуфигурный металлический бюст. Поэт, опираясь на решетку набережной, вглядывается вдаль. Его взгляд устремлен на волжские просторы.

И забываю мир — и в сладкой тишине

Я сладко усыплен моим воображеньем,

И пробуждается поэзия во мне...

Пушкин никогда не бывал в Самаре. Но был проездом в губернии. В 1833 году, собирая материал для «Истории Пугачева», поэт отправился в Оренбург. Его путь проходил через Самарскую губернию. Об этом мы узнаем из дневниковых записей и писем к жене. Маршрут поэта пролегал по большим проезжим дорогам через Красный Яр на Смышляевку, а оттуда по почтовой дороге до Оренбурга. В Самаре, куда вела проселочная дорога, Пушкин заезжать не стал (но если учесть, что Смышляевка — ближайший пригород губернской столицы, то можно сказать, что Пушкин в Самаре был).

Место, где мы сейчас находимся, в конце XIX века называлось Жареный бугор. После возведения каменного здания театра в 1888 году позади него остался пустырь, который осенью и весной становился настоящим болотом. Но так как с Жареного бугра открывался великолепный вид на Волгу и Жигулевские ворота, решено было разбить здесь сквер. Он создан в начале XX века (1902) стараниями учителей и детей при спонсорской помощи Альфреда фон Вакано и назван Пушкинским. Фон Вакано передал его в пользование семейно-педагогического кружка. На территории сквера были построены бесплатная библиотека и небольшой павильон, в котором проводились вечера поэзии и народные чтения.

В далеком 1905 году Самара стала первым городом на Волге, в котором установлен памятник Пушкину. Перед вами третий по счету самарский памятник великому русскому поэту. Сегодня здесь, в уютном небольшом сквере, с удовольствием проводит время молодежь. Каждый год 6 июня, в день рождения Пушки-

на, парк заполняется почитателями его творчества. И звучит поэзия Пушкина.

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

В нашем городе имя Пушкина также носит Дворец культуры железнодорожников. Иначе Пушкинский дом. Недавно появилась улица Пушкина (часть улицы Братьев Коростелевых). В городе проводятся различные мероприятия, посвященные поэту. Таким образом, самарцы хранят память о великом представителе золотого века русской литературы.

Справка: В 1905 г. в Пушкинском сквере был установлен первый памятник великому поэту Александру Пушкину. Памятник представлял собой бюст, установленный на двухметровом постаменте из оштукатуренного кирпича в 1905 г. (скульптор — Вадим Рейтлингер). Поскольку постамент начал разрушаться, гипсовый бюст, установленный на нем, демонтировали в середине 30-х гг. XX в. Второй памятник Александру Пушкину установили только в 1949 г. Он был установлен в том же сквере, но уже на другом месте. Бюст поэта, выполненный из бетона московским скульптором Владимиром Домогацким, украшал постамент из камня. В 1962 г. памятник демонтировали. 14 июня 1985 г. уже третий по счету бюст был установлен на постаменте-колонне из металла (скульпторы — Игорь Федоров и Виктор Фомин, архитектор — Алексей Моргун). Этот памятник и сегодня украшает сквер им. Александра Пушкина.

Мы посетили Пушкинский сквер, который примыкает к любимой горожанами площади Чапаева. Много интересных страниц в ее биографии. Сейчас я предлагаю мысленно перенестись в те годы XX века, которые называют годами военного лихолетья.

Переход группы на площадь со стороны улицы Фрунзе.

Расстановка лицом, к улице Шостаковича

Перед вами здание Академии культуры и искусств, долгое время хранившее тайну, о существовании которой знали единицы. Здесь (жест) находится бункер Сталина, построенный в годы войны. Известно, что в октябре 1941 года по Указу правительства СССР город Куйбышев объявлен запасной столицей страны.

Сюда были эвакуированы правительственные учреждения, дипломатические миссии, объекты культуры.

Именно нашему городу суждено было первому услышать знаменитую Ленинградскую симфонию Д. Шостаковича. Обратите внимание на красно-желтое 5-этажное здание (жест). Здесь жил и работал Шостакович в годы войны. Улица, на которой стоит этот дом, названа в честь композитора. Конечно, он посвятил свою симфонию родному Ленинграду, но мы гордимся тем, что последние страницы партитуры написаны в Куйбышеве.

Премьера состоялась в театре оперы и балета в исполнении оркестра Большого театра 5 марта 1942 года. На репетициях симфонии присутствовали писатели Алексей Толстой и Илья Эренбург. Они в марте 1942 находились в нашем городе.

В годы войны Куйбышев посещали М. Шолохов, К. Паустовский, В. Катаев, Всеволод Иванов. Илья Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» вспоминал о том, как группа писателей была эвакуирована в Куйбышев и на некоторое время размещена в Гранд-отеле, что на улице Куйбышева, где уже проживали иностранные журналисты.

Нуждам военного времени был посвящен репертуар драматического театра (жест). На сцене куйбышевского театра с успехом шли пьесы К. Симонова «Парень из нашего города», А. Корнейчука «Фронт», Л. Леонова «Нашествие» и другие.

Большинство куйбышевских литераторов в суровые годы ушли на фронт. Многие погибли. Среди них Иван Булкин, Сергей Шапошников, Александр Макаров. Одни принимали непосредственное участие в боях, другие работали во фронтовой печати. Так, из наших земляков была сформирована редакция газеты «Боевой натиск» (И. Горюнов, А. Макаров, Л. Канцельсон, Г. Тертышник). Хотелось бы рассказать о многих. Но я обращусь к жизни и творчеству поэта-фронтовика Захара Городисского.

Когда началась война, Захар Городисский одним из первых пришел в военкомат с заявлением об отправке на фронт. Разведчик, пулеметчик, командир взвода, потом роты — таков его фронтовой путь. На Курской дуге был тяжело ранен. В августе 43-го он умер в госпитале. Городисский написал около 300 стихотворений. Лучшие из них созданы на фронте. Особый смысл имеет его последнее стихотворение, написанное незадолго до смерти.

*И если мне смерть повстречается близко,
Уложит навеки спать,*

*Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
Никогда не привык отступать.
Что он, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра
Вошли в завоеванный счет.*

Погиб поэт. Ему было всего 19. Но стихи его остались жить.

Справка: на войне погибли Андрей Петтоки, Леонид Кацнельсон, Александр Ягунов, Захар Городисский и др.

Оставшиеся в городе писатели и поэты (В. Баныкин, Н. Борисов, Е. Шеповалов, Н. Жоголев, К. Киршина и другие) работали в редакциях газет, на предприятиях, в многотиражках. Музы не молчали. Литературная жизнь города была интенсивной. В 1942 году выходит сборник «Мы победим». Название сборника — это призыв и одновременное утверждение. Его авторы — 14 самарских литераторов. Кроме того, в обществе появилась потребность к изучению героического опыта прошлых лет. В газетах выходят очерки об Александре Суворове, Михаиле Кутузове, Александре Невском, Дмитрие Донском, Петре Первом. На страницах местной печати появляются статьи известных писателей: Алексея Толстого, Ильи Эренбурга. В феврале 1942 Алексей Толстой принял участие в работе собрания работников искусств с речью «Советское искусство в дни войны». В 1943 году вышел первый номер альманаха «Волга», почти целиком посвященный великой теме защиты Родины. С 1945 года альманах «Волга» стал выходить регулярно. У авторов разные были пути в литературе, но они воплотили в своем творчестве черты поколения, победившего в войне. Литература и искусство стали мощным духовным оружием в общей борьбе.

Сегодня мы прошли по, казалось бы, очень знакомой площади Чапаева, но рассмотрели ее в связи с именами писателей и поэтов, пусть косвенно, но связанных с этим местом. В заключение я хотела бы отметить, что наша площадь находит отражение и в произведении писателя, чья жизнь захватила XXI век. Это Василий Аксенов. Именно он считал Самару своей второй родиной и говорил, что этот город «обречен на успех». В Самаре состоялась его первая конференция после возвращения из эмиграции, здесь живет его друг Владимир Виттих. Самаре посвятил Аксенов свой рассказ «Корабль мира «Василий Чапаев», где мы находим своеобразное описание площади Чапаева и памятника герою Гражданской войны.

Идут годы, сменяются десятилетия, столетия, а наша маленькая, уютная площадь Чапаева продолжает раскрывать страницы своей биографии. Надо только захотеть их услышать.

Справка: Василий Павлович Аксенов (1932-2009). Почетный член Российской академии художеств. Родился в Казани. Вырос без родителей, которые были репрессированы. Из специального детского учреждения его забрал брат отца. В его семье и воспитывался будущий писатель. В 1948 его мать, Евгению Гинзбург, после 10 лет лагеря отправили в ссылку. Сын приехал к ней. Его юность прошла на Колыме. Позже из-за свободомыслия Аксенов был вынужден уехать из Советского Союза. Жил в Америке и преподавал русскую литературу в одном из американских университетов. Гражданство ему вернули при Горбачеве в 80-ые годы. Автор сценариев к множеству фильмов, пьес, романов и повестей. Среди которых: «Остров Крым», «Московская сага», «Москва Ква-Ква», «Скажи изюм», «Кесарево свечение», «Вольтерьянцы и вольтерьянки» и др. За последний роман в 2004 г. был удостоен премии «русский Букер». В 2009 в Казани, в доме, где писатель провел отрочество, открыт дом-музей.

Я благодарю вас за внимание, и если есть вопросы, с удовольствием на них отвечу.

Заключение

Познакомившись с площадью Чапаева, ее объектами, изучив соответствующую литературу, выделив литературные имена, о которых, на мой взгляд, уместно говорить на этом месте, я создала текст экскурсии. Невозможно претендовать на исчерпывающую информацию. Всегда есть, что изучать и к чему стремиться.

Это мой опыт, пока только на бумаге. С наступлением теплых дней появится возможность провести реальную экскурсию.

Список литературы

1. Арнольд Н.В. Самароведение: учебное пособие по самарскому краеведению. — Самара: Изд-во ООО «Книга», 2011.
2. Добрусин В.А., Карасев В.Н., Нохрин А.А. Библиографическая энциклопедия «Самарские судьбы — 2010». — Самара: Издательский дом «Агни», 2011.
3. Каркарьян В.Г. Модерн в архитектуре Самары. — Самара: Издательский дом «Агни», 2006.
4. Писатели Самарского края: литературная антология / Н.В. Богомолов, А.В. Громов, Е.В. Лазарев, И.Е. Никульшин, М.Я. Толкач; Под ред. Н.В. Богомолова и А.В. Громова. — Русское эхо: Самара, 2009.

ТОЛСТОЙ РОДИЛСЯ НЕ В ЗАВОЛЖЬЕ, НО СТЕПЬ БЫЛА В ЕГО СУДЬБЕ

*(литературно-музыкальная композиция
и компьютерная презентация с видеовставками)*

Работу выполнил

ученик 11 «А» класса МБОУ СОШ
№ 77 городского округа Самара
Кузнецов Владислав

Научный руководитель

Костина Любовь Викторовна

От авторов

Предлагаемый читателю сценарий приурочен к 185-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. Довольно длительному (14 месяцев) и тесному соприкосновению Льва Николаевича Толстого с прекрасным уголком Российской земли — Самарским Заволжьем — посвящается предлагаемая литературно-музыкальная композиция и компьютерная презентация «Толстой родился не в Заволжье, но степь была в его судьбе».

Задача композиции — познакомиться в увлекательной форме с разнообразной деятельностью Л.Н. Толстого в Самарском Заволжье, его увлечениями, предпринятыми конкретными действиями по спасению жителей Самарского края от голода. В композиции обращено внимание на доброе и чуткое отношение Льва Николаевича к судьбе детей Заволжья.

В сценарий входят театрализованные постановки сценок по рассказам самарского писателя Евгения Шаповалова. В них рассказывается о различных случаях, иногда смешных, происходивших с Л.Н. Толстым на Самарской земле.

Придают образность композиции, помогают понять и представить величие степных просторов России, тех мест, где была расположена усадьба Л.Н. Толстого, стихотворения П.А. Вяземского, И.С. Никитина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Багрова, И.А. Бунина.

Музыкальное сопровождение включает песня в исполнении Волжского народного хора «Ах ты, степь широкая». Музыка позволяет слушателям композиции прочувствовать широту и красоту степных просторов.

Показ отрывков из фильма «Лев Толстой» из документального цикла «Самарские судьбы» расскажет о роли Самары в судьбе классика.

Содержание композиции рассчитано на детей и юношество.

При написании сценария за основу были взяты три источника:

1. Селиванов К.А. «Русские писатели в Самаре и Самарской губернии». — Куйбышев, 1953. — 159 с.;
2. О Волге наше слово: литературно-краеведческий сборник. — Куйбышев, 1987. — 398 с.;
3. Имена: штрихи к портрету. 150-летию Самарской губернии посвящается. — Самара, «Ника», 2000. — 239 с.

Знакомство с композицией пополнит ваши знания о сравнительно небольшом, но очень насыщенным кропотливым трудом периоде жизни Л.Н. Толстого в Самарском Заволжье и о возрождении толстовских традиций, приуроченных к 185-летию писателя.

Сценарий
литературно-музыкальной композиции
«Толстой родился не в Заволжье,
но степь была в его судьбе»

(Звучит запись Волжского народного хора «Ах ты, степь, широкая!»)

Чтец

*Бесконечная Россия —
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем!
Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит,
Словно огненное море,
Зноем дышит и палит.
Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола,
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.*

*Степи голые, немые
Все же вам и песнь, и честь!
Все вы — матушка Россия,
Какова она ни есть!*

(П.А. Вяземский)

Чтец

В 2013 году мы отметим 185-летие со дня рождения великого русского писателя Л.Н. Толстого. Говорить о всемирной известности всеми любимого писателя нет необходимости. Его чтят, по его произведениям судят о России во всех цивилизованных странах. А в некоторых из них в память о нем построены целые мемориальные комплексы.

В Самарской области в Алексеевском районе Лев Николаевич Толстой провел больше года — 385 дней. Страницам его жизни в наших степных краях мы посвящаем литературно-музыкальную композицию «Толстой родился не в Заволжье, но степь была в его судьбе»

Чтец

*Толстой родился не в Заволжье,
Но степь была в его судьбе,
Польнью дикой, зноем, рожью
Она звала его к себе.
Приехал раз — и задержался.
Земли купил. Поставил дом.
По нраву край степной казался,
Коль трижды был с семьей потом.
Друзьями стали и калмыки,
Башкир, и русский, и киргиз.
Бывал в землянках, в Каралыке,
У Мухаммеда пил кумыс.
Войдя в Гавриловку с поклоном,
Крестьян от голода спасал.
Мечтал, предсказывал и верил,
Что степь заплещется в прудах.
Из девятнадцатого века
В грядущий праведно глядел.
Глядел взволнованней и строже
Пророком, графом, мужиком...
Толстой родился не в Заволжье,
А стал Заволжским степняком.*

(Ф. Востриков)

Чтец

Просыпался Лев Николаевич Толстой всегда рано. Иногда он набрасывал на себя башкирский халат и направлялся в степь, чтобы встретить восход солнца, присутствовать при рождении нового дня. Но чаще всего уходил со своей охотничьей собакой черной масти по кличке Верный на реку и гулял до завтрака. Перед завтраком пил кумыс, потом ел бешбармак, беря из деревянной миски прямо руками, чтобы не нарушать башкирский обычай.

Чтец

Иногда его видели на буланом иноходце, купленном им в самые первые дни приезда в башкирские степи, с ружьем в руке. Он смотрел во все стороны башкирской степи, заросшей ковылем, пыреем, полынью и другими травами. Иногда он останавливал Буланого, чтобы полюбоваться парящими в небе беркутами, орлами. Возвращался Лев Николаевич в кибитку почти всегда с трофеем — подстреленной пудовой дрофой. Толстой старался, чтобы у них к столу была жареная или вареная степная птица.

Чтец

*Кто расплеснул этот сизый простор?
Сотнями верст от черемух Прикамья.
К плесам яицким — пырей да костер,
Степь гулевая — ни леса, ни камня.
Только далекое ржанье коня,
Только глухие шаги по яругам,
Коршун под облаком плавает кругом,
Невозмутимый покой хороня.
Что это день спозаранок грустит,
Что это дальние дали тоскуют,
Хмурится солнце и птицы жалкуют,
В звонкую ветер тростинку свистит?*

(В.А. Багров — самарский писатель)

Чтец

Лев Николаевич Толстой, проживая в наших степных краях, любовался голубыми и серебряными переливами ковыля, упоминаемого еще в былинах. Много, много было ковыля вокруг. Мягко ластился ковыль к рукам и лицу Льва Николаевича, ослеплял его метелистой белизной, укачивал до забытья своей умиротворенной песней, пересыпанной стрекотом кузнечиков. Лев Николаевич Толстой так писал о самарской степи: «И воздух, и трава, и сухость, и тепло делают то, что полюбишь степь».

Чтец

*Прекрасны вы, поля, земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды:
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родна с душой,
Как будто создана лишь для свободы.*

(М.Ю. Лермонтов)

Чтец

Граф Лев Николаевич Толстой принадлежал к благородному сословию, но всегда уважал сельский труд, видя в нем подлинную поэзию. В одном из писем своей жене он пишет: «Вчера я почти весь день работал на току: веял пшеницу». Лев Николаевич много внимания уделял земледелию. Одна из русских былин в пересказе писателя рассказывает о могучем богатыре Святогоре. Все может Святогор, но не может он поднять суму, оброненную на дороге мужиком Микулой. Принатужился Святогор, от натуги по лицу кровь пошла, в землю по колено ушел, а суму так и не поднял. Только мужику Микуле, который пашет и обрабатывает землю, оказалась под силу эта сума. Труд человека сильнее всякого богатыря, говорит нам былина.

Чтец

Еще яснее о силе крестьянина-пахаря говорится в былине о состязании Микулы с князем Волгой и его воинами дружинниками.

Пахарь — самый могучий человек, потому что хлебом, выращенным им на земле, кормится весь русский люд и сама дружина, и сам князь. В этой былине прославлен тяжелый труд крестьянина.

Чтец

С первых же дней пребывания в самарских степях Лев Николаевич активно взялся за хозяйство. На ярмарке в Бузулуке он закупил лошадей для конного завода. Купленных лошадей гнали в имение большими косякам.

Поголовье лошадей в самарском имении постоянно увеличивалось и дошло до 150. Конный завод набирал силу. Обширные пастбища, степное сено этому благоприятствовали. Наряду со степными кобылами были закуплены прекрасные жеребцы английской, бухарской и растопчинской парод, громадный широкоспинный битюг и несколько рысистых пород. «У отца, — вспоминает дочь Льва Николаевича — Татьяна Львовна, — были большие

табуны лошадей, и он задался целью вывести смешанную породу из маленьких степных лошадей и рослой европейской породы».

Чтец

Предлагаем вам послушать рассказ Евгения Шаповалова «Цыганская мудрилка» о смешном эпизоде, который произошел с Толстым при выборе лошади.

Жители Алексеевского района рассказывают, что, когда Толстой жил в наших местах, немного смахивал на цыгана. Чернобородый, кудрявый и веселый был очень. Глаза только не цыганские — серые. Лев Николаевич частенько приезжал в Алексеевку для своего писательского дела — встретить родных мужиков-степняков, что со всех сел на базар съезжались. Любил гулять по базару в том месте, где торговали лошадьми. Понравился ему конь, словно лебедь, белой масти. Хозяин коня Ларион принял Толстого за цыгана, а многие из цыган были жуликами, которые надували в коня воздух, чтобы он лучше выглядел. Поэтому и не поменял коня Льва Николаевича на своего красивого белого коня. Через год Лев Николаевич увидел Лариона в суде и тот очень неудобно себя почувствовал перед великим русским писателем.

Чтец

Самарские впечатления: степная природа, быт башкир описан в двух сказках легендах Льва Николаевича Толстого: «Ильяс» и «Много ли человеку земли нужно». В детстве именно с этих рассказов началось мое знакомство с писателем, а еще с рассказа «Косточка», который стал для меня уроком покаяния. Я прочитала много рассказов Льва Николаевича Толстого для детей и считаю, что он был очень добрым, обладал очень большим талантом понимания людей, любил животных и трогательно и нежно ухаживал за растениями. У него даже имя, такое как у царя зверей, — Лев. А фамилия у него Толстой, потому что он был очень большой и очень сильный, как русский богатырь, а богатыри издревле славились своей преданностью родине и простому народу. Из книг о Льве Николаевиче Толстом я узнала, что он очень любил детей и мечтал о том, чтобы школа растила Пушкиновых и Ломоносовых. Сам писатель организовал в Ясной Поляне школу для детей, написал «Азбуку» и «Книги для чтения». В этих книгах писатель поместил рассказы, сказки, басни, былины из далеких времен, написанные им самим или собранные им и переложенные на доступный язык.

Чтец

О любви Льва Николаевича к детям говорят эпизоды из его жизни в Заволжье. Лев Николаевич рыбачил с детьми, приглашал к себе в гости на свой хутор. Интересно было детям в гостях у писателя. Они рассказывали сказки, решали задачи, играли в различные игры и всегда уходили домой с подарками.

Представляем вам сценку по рассказу Евгения Шаповалова «Друзья».

(На сцене три мальчика с удочками сидят и рыбачат, лежат рыболовные сети, мальчики беседуют о рыбалке. На сцену выходит Лев Николаевич).

Мальчики: Здравствуйте! (говорят хором, снимая соломенные шляпы).

Лев Толстой: Здравствуйте, мальчики! Что вы тут делаете?

Мальчик: Рыбачили, а теперь собираем щавель.

Лев Николаевич: Да многих из вас я уже знаю. Вот Леня Бусыгин, Родя Егоршин.

Мальчик: Егорцев, он не Егоршин.

Мальчик: И мы вас знаем. Вы писатель. Книжки пишете.

Мальчик: И еще вы учитель.

Мальчик: Самый главный по учителям.

Мальчик: А еще вы лошадей любите.

Лев Николаевич: А чем вы рыбу ловите?

Мальчик: Удочками. И сети у нас есть. (Показывает на сети).

Ведущая: Два часа ловил Лев Николаевич с детьми рыбу. Леня Бусыгин отдал Толстому трех самых больших щурят — его долю.

Лев Николаевич: Приходите ко мне в гости, ребята, в субботу!

Ведущая: Ребята больше не рыбачили. Они сидели и высчитывали, сколько дней осталось до субботы, чтобы пойти в гости ко Льву Николаевичу.

Чтец

*Спокойно небо голубое,
Одно в бездонной глубине
Сияет солнце золотое
Над степью в радужном огне,
Горячий ветер наклоняет
Траву волнистую к земле.
О степь! Люблю твою равнину
И чистый воздух, и простор,
Твою бездонную пустыню,
Твоих ковров живой узор.*

*И перелетный ветерок,
И серебристые туманы...
О! как божественно прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горят небесные огни.
И степь, раскинувшись широко,
В тумане дремлет одиноко.
Брось посох, путник утомленный,
Тебе не надобно двора,
Здесь твой ночлег уединенный,
Здесь отдохнешь ты до утра.
Твоя постель — цветы живые,
Трава пахучая — ковер,
А эти своды голубые —
Твой раззолоченный шатер.*

(И.С. Никитин)

Чтец

Степь пленила великого писателя своими просторами и здоровым климатом. А как высоко Лев Николаевич оценил достоинство крестьян Заволжья: «...есть умные люди и удивительные по своей смелости, серьезности, интерес и здравый ясный смысл этих полуграмотных людей удивительны». Так отзывался Лев Николаевич в письмах жене о самарских людях: с удовольствием и теплотой.

В письме А. Фету 25 августа 1875 года Лев Толстой пишет: «К чему занесла меня (в Самару) судьба — не знаю; но знаю, что я слушал речи в английском парламенте (ведь это считается очень важным), и мне скучно и ничтожно было; но что там — мухи, нечистоты, мужики, башкирцы, а я с напряженным уваженьем, страхом проглядеть, но вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно...»

Чтец

Интересный случай произошел со Львом Николаевичем в селе Гавриловка. Представляем сценку по рассказу Евгения Шопалова «Свой человек».

Случилось это летом в селе Гавриловка Алексеевского района.
(На сцене сидят двое стариков, о чем-то разговаривают).

— Неурожай нынче.

— Чем детей кормить будем?

(На сцену выходит босой Лев Николаевич, в руках несет сандалии, а сам ступает босыми ногами. Смех разобрал дедов. Громко смеются).

Старик: Граф в шляпе и босиком! (*старики снимают шапки, кланяются*).

Старики (*хором*): Добрый день, ваше сиятельство.

Лев Николаевич: Здравствуйте, добрый день! Есть ли в селе сапожник?

Старик: Сами обходимся. Сапоги только на пасху да в престольный праздник надеваем. В остальные же дни лапти у нас.

Лев Николаевич: Неужели до самой Патровки придется босиком идти?

Старик: Есть у нас приезжий шорник из Казани.

Ведущая: Пришел Лев Николаевич к шорнику с просьбой починить сандалии.

Шорник: Не солнышко я, всех не обогрею.

Лев Николаевич: А кусочек дратвы с шилом можешь дать? Я сам почию, а за материал заплачу.

Шорник (*видя, как ловко шьет Лев Николаевич, говорит*): Видать, тоже по этому ремеслу ударял.

Лев Николаевич: Приходилось.

Жена шорника: Плохое наше дело, и хорошо ты сделал, что бросил хозяйствовать: куда лучше, ишь, чистеньким ходим, а мой не снимает с шеи черный фартук. Оба бьемся, как рыба об лед, а вдоволь хлеба не едим.

Лев Николаевич: Спасибо (*протягивает шорнику несколько монет*).

Шорник: За что? Сам чинил. Да и человек свой. Ничего не надо!

Жена шорника: Уж если бы за душой была копейка, ни за что не взяли бы от своего брата сапожника.

Чтец

Проявлением доброты, равнодушия была помощь Льва Николаевича Толстого жителям самарского края в голодные годы. 1873 год грозил гибелью деревенским жителям. Всегда цветущая летом степь лежала серой, и над ней, выезженной, с надсадными криками кружились грачи. Они не понимали, что произошло с их степью. Надвигался голод со всеми его ужасами.

Чтец

Мне как жителю Самары хочется особо подчеркнуть значение пребывания Льва Николаевича Толстого в самарском крае: не будь Толстого в наших краях, не было бы сейчас сел Патровки, Гавриловки и других. Оставив все дела, Лев Николаевич приходит немедленно на помощь голодающим. Он объезжает множество сел, дере-

вень, чтобы выяснить размеры бедствия. Потрясенный увиденным народным бедствием, он делает пробную опись 23 дворов и семей села Гавриловки, скрепляет ее подписями священника, сельского старосты и писаря. Толстой вставляет этот документ о катастрофическом положении самарского крестьянства в свое «Письмо к издателям» и отправляет в редакцию «Московских ведомостей». «Корреспонденция графа Толстого была громом, заставившим всех перекреститься», — вспоминал один из современников.

Чтец

Отклики на выступления — призыв Толстого о помощи голодающим помещали не только центральные, провинциальные, но и зарубежные издания. Благодаря чему в Самару потекли пожертвования, составившие за 1873-1874 гг. 1 887 000 рублей и 21 тысячу пудов хлеба. Эти пожертвования и личное участие в спасении голодающих самого Льва Николаевича уберегли от смерти несколько тысяч Самарцев-волжан.

Чтец

В 1892 году голод повторился в самарском крае. К этому времени самарское имение было уже ликвидировано. Но доброе сердце писателя не могло оставаться безучастным к горю народа. И он отправил своего сына Льва Львовича для оказания помощи голодающим степнякам. Было открыто двести столовых для 20 тысяч голодающих.

Чтец

Самарский народ сохранил в памяти представление об облике, быте и характере Льва Николаевича Толстого в период его жизни в нашем крае. Об этом говорят рассказы тех крестьян Алексеевского района, которые детьми видели Толстого или передают слышанное от своих отцов и дедов о жизни Льва Николаевича на самарских степных просторах.

Желая увековечить память о жизни Льва Николаевича Толстого в Самарском крае, городская Дума в 1908 году постановила переименовать улицу Москательную, назвать ее именем Льва Николаевича Толстого.

Чтец

В 2006 году одно из заседаний Самарской ассамблеи «Личность в культуре» было посвящено секции «Многоликий Толстой». Участниками секции было внесено предложение принять Постановление правительства Самарской области «О признании территории имени Л.Н. Толстого достопримечательным местом

областного значения, объявить 2008 год — годом Льва Николаевича Толстого, а 2010 год — годом памяти Толстого».

В настоящее время руководство Алексеевского района, Самарское историко-филологическое общество добиваются решения вопроса об открытии туристического маршрута: «Самара — Ореховка — Алексеевка — Гавриловка — поселок Гавриловский — усадьба Л.Н. Толстого». Это маршрут, по которому не раз, начиная с 1862 года, вместе с семьей проезжал писатель.

Чтец

Планируется открыть в селе Гавриловке небольшой конезавод, чтобы оттуда туристы могли проехать к усадьбе Л.Н. Толстого на лошадях и попить кумыса, производство которого намечено к юбилею писателя.

Планируется восстановить памятник-усадьбу писателя.

12 июля в поселке Гавриловка Алексеевского района Самарской области прошли народные гуляния и скачки на призы графа Льва Толстого. В этом году на праздник приехали потомки писателя — директор государственного мемориального природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна» Владимир Толстой и телеведущая Фекла Толстая.

Чтец

В рамках реализации проекта «Степное имение Льва Толстого в Алексеевском районе Самарской области» планируется создание видеомузея, где будет собрана полная коллекция видеоматериалов, связанных с творчеством и жизнью писателя.

Департамент развития туризма Самарской области при поддержке музея-усадьбы Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» этим летом провел конференцию «Развитие партнерских отношений в сфере туризма с областями ПФО в рамках сохранения культурно-исторического наследия России, связанного с именем Льва Толстого».

Чтец

Прошло более ста лет со дня первого приезда Толстого в Заволжскую степь Самарской губернии. Села и деревни Алексеевского района, о которых Толстой упоминал в своем письме к издателям, как находившиеся в бедственном положении, давно стали богатыми. Однако многие и сегодня помнят по рассказам отцов и дедов помощь Толстого, носят в себе его величавый и благородный образ, повествуют о Толстом как о чутком человеке, защитнике бедных. Это свидетельствует о большой памяти народа, о безмерной любви к великому сыну России.

Чтец

*Толстой и степь неразделимы,
Как буйный ветер ковыль,
Как холм и даль необозримы,
Как древний сказ и наша быль.
Толстой, как степь, не канул в лету.
Мы степь жили и живем.
Его шаги плывут по свету,
Озвученные ковылем.*

(Ф. Востриков)

Библиография

1. Степные просторы Самарского Заволжья // Самарские судьбы. — 2007. — № 26. — С. 132-135.
2. Еременко Ф. Скачки на самарской земле // АИФ. — 2005. — № 237. — С. 12.
3. Кан. Д. Многоликий Толстой // Волжская заря. — 2007. — 12 июля. — С. 1.
4. Чеботарев Н. Праздник в Самаре // Волжская заря. — 2007. — 17 июля. — С.1-2
5. Максимов Г. Скачки в имении Льва Толстого // Время. — 2007. — 23 июля. — С.21
6. Симонова О. Л. Н. Толстой в Самарском Заволжье // Самарская область. Этнос и культура. — 2006. — № 22. — С.27-29.
7. Никонова А. Ясная Поляна в степи // Российская газета. — 2006. — 28 февраля. — С. 6.
8. Соларев А. Ясная Гавриловка // Российская газета. — 2006. — 11 июля.
9. Плотникова Г. Лев Толстой и Самара // Самарские известия. — 2005. — 15 сентября.
10. Брод М. Лев Толстой в Самарской губернии заканчивал «Войну и мир» // Волжская заря. — 2008. — 2 февраля
11. Пескова В. Фекла Толстая: «Я всегда гордилась своей семьей». // МК Бульвар. — 2006. — 28 августа.
12. Пономарев А. Алексеевка приглашает туристов // Волжская заря. — 2006. — 14 августа.
13. Немцев В. Лев Толстой и Самара // Волжская Коммуна. — 1989. — 25 марта. — С. 3.
14. Комин В. Лев Толстой как зеркало Алексеевского района // Волжская Коммуна. — 1998. — 14 августа
15. Шабалина И. В степь, за Львом Толстым // Волжская заря. — 1998, 14 апреля. — С. 17.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ В ЗЕРКАЛЕ КРИТИКИ 20-х–30-х гг.

Работу выполнила
учитель русского языка
и литературы МБОУ СОШ № 167
городского округа Самара
Лесина Анастасия Васильевна

Введение

Достаточно много мы сегодня говорим о литературе XX века, о том, что она принесла, как отражает прошлое столетие. Но сколько бы мы ни говорили об этом, многие писатели и поэты так и остаются не раскрытыми, не изученными до конца. О многих большинство из нас даже не слышало. Вот так же и случилось с одним из выдающихся писателей своего времени — Артемом Веселым. Блестящий писатель, автор великолепных, ярких, красочных романов, очерков и стихов в прозе. Но не многие знают его имя сегодня. Многое остается нераскрытым и непознанным в его творчестве.

Артем Веселый — объект исследования данной работы, а точнее прижизненная критика о нем. Критика — одна из важнейших, неотъемлемых частей жизни писателя. Изучая критику, мы можем проследить не только то, какое место занимал тот или иной писатель в литературной жизни страны, но и проследить его творческий рост, его взлеты и падения. Это совершенно иная, но не менее значимая область изучения творчества писателя.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить критические статьи об Артеме Веселом, сделать выводы о том, как его принимали в литературе, проследить становление писателя через призму данной области.

Для написания данной научной работы использовались статьи из газеты «Комсомольская правда» и журналов «Новый мир», «Красная Новь». Научные и критические работы о писателе. Теоретическая литература, словари, Интернет.

Глава 1. Артем Веселый в зеркале критики

Вся критика об Артеме Веселом еще не выявлена, не вся учтена в библиографических списках. В процессе работы над темой удалось найти еще 2 критические статьи, которые не были учтены прежде.

Роман «Гуляй, Волга» — последний роман, который был написан в 1933 г. Сам писатель о романе говорил: «Я как-то задумал написать целый ряд коротеньких вещей, но несколько строчек на тему русских песен. Вот какие это были песни: «Ухарь-купец», «Ревела буря, дождь шумел...», «Измученный-истерзанный», «Ванька-кинчик», «Во поле березонька стояла...». Одной из первых вещей была «Ванька-кинчик». Я ее написал и забросил. А «Гуляй Волга» расписалась, и я написал вместо пяти страничек двенадцать печатных листов. Увлёкся! Я увидел нетронутые пласты и замечательные мотивы, которых не было в русской литературе. Хотя бы взять вопрос о народах, населяющих Урал и Сибирь. Или взять вопрос о зарождении русского рабочего класса. Мы по некоторым историческим и беллетристическим произведениям знаем демидовские заводы, а о Строгановских ничего не известно. Я это говорю с полной ответственностью. Я написал главу об этом и считаю, что это нужное дело, потому что пролетариат был не таким, каким он иногда кое-кому кажется, не таким, каким он был в 1905 году. Меня увлекли эти темы и по своей художественной прелести, и по своему социальному значению»[3].

Критических статей о романе «Гуляй Волга» немного. Вероятно, это было связано со временем. Исследователи отмечали, что с приходом к власти Сталина критика начинает работать на политику. Она становится орудием политики. «Политическая и авторитарно-эстетическая критика стала критикой репрессивной. Критик стал прокурором, требующим высшей меры. Большое количество статей пишется на заказ, и впоследствии подвергается репрессии большое количество писателей»[4]. Артем был в числе этих писателей. В «Комсомольской правде» за 17 мая 1937 г. была опубликована разоблачительная статья Шпунта, в которой он пишет о романе «Россия кровью умытая». Он пишет, что Веселый облагораживает белогвардейцев и очерняет красных партизан. Изображает только плохих коммунистов. Крайне негативно высказывается критик о содержании романа. Он опровергает все заслуги Веселого в литературе. И пишет, что слава

писателя — это заслуга троцкиста Воронского. «Эту славу ему создал троцкист Воронский при попустительстве близоруких редакторов и издателей. По их следам, в силу укоренившейся репутации, пошли и другие критики, которые стремились пороки А. Веселого возвести в добродетели, просмотрев в его произведениях явную клевету» [5].

Вскоре после этой статьи Артем Веселый был арестован и весной 1938 г. расстрелян.

Печататься Артем Веселый начал с 1921 г. Сначала он выступал в качестве журналиста, а затем как автор небольших очерков и рассказов. Главный роман 20-х гг. «Россия, кровью умытая». Творчество писателя 20-х гг. находилось в центре внимания литературной критики этого периода, которая сумела определить основные константы художественного мира Артема Веселого. Так С. Пакентрейгер (чей отзыв был одним из первых) определил характер творчества как необузданный и стихийный, и при этом критик заметил, что иные за этой стихийностью ничего не усмотрели, кроме озорства. Артем описывал «ураганных», стихийных людей. И словесный поток его такой же стремительный и сногшибательный. Его произведения привлекали, по мнению критиков, простонародной яркостью, первобытной грубостью языка, размашистостью манеры, но они были вместе с тем расплывчаты, неорганизованны, смутны. В этом свойстве творческой манеры писателя В. Полонский увидел «темперамент настоящего художника, еще не нашедшего себя» [6]. Необходимо заметить, что статья Полонского (1927 г.) «А. В. Критические заметки» является наиболее содержательной, программной статьей о писателе, не утратившей своего значения до сегодняшнего дня. Критика Полонского основывается на эстетике литературной группы «Перевал». Известно, что членом этой группы был Артем Веселый, разделявший взгляды «Перевала» на литературу и искусство. Основные положения этой группы сводились к следующему:

- 1) специфика искусства заключается в эстетическом познании жизни;
- 2) искусство тем совершеннее, чем оно непосредственнее и конкретнее;
- 3) искусство и революция должны сочетаться органически, а не механически;
- 4) классовость искусства не исключает, а сплошь и рядом включает объективность;

- 5) голая тенденциозность и преднамеренность вредят искусству;
- 6) изучение классиков не есть только изучение памятников прошлого, они, классики, до сих пор и еще долго будут иметь живое, действующее значение;
- 7) надо изображать живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, избегать штампов, агитплакатности и т.п.;
- 8) надо учитывать, что Страна Советов все еще является по преимуществу страной крестьянской и потому удельный вес попутчиков и крестьянствующих писателей продолжительное время будет весьма значительным, а пока и определяющим. Пролетарское искусство пока слабее искусства попутчиков;
- 9) классовость в искусстве отнюдь не противоречит гуманизму.

Все это, конечно, повлияло на дальнейшее творчество Артема Веселого.

Эти качества отмечает критика и у А. Веселого. Полонский в свете этой эстетики отмечал реалистичность творчества писателя, отмечая при этом, что реалистичность носит романтический характер. Он пишет, что хоть и этот реализм вырастает из революционного быта, но он динамичен, рождается в борьбе, в отрицании, в протесте, и болото быта с вещами, вросшими в землю, ему ненавистно. Он ищет, в противоположность бытовому реализму, общих идей, которые бросали бы свет в «завтра». Его реалистическое искусство имеет дело с материалом реальным, а не идеальным. В творчестве Артема Веселого нет идеализации. Огромное значение, по словам критика, Веселый придает массе. Полонский пишет, что за Веселым утверждается репутация художника масс по преимуществу. «Лишь только из массы выделяется человек с упорной волей, с крепкой духовной мускулатурой... Артем Веселый освещает его с ног до головы, следит за его судьбой» [6]. «Он большой мастер в изображении народных движений, в характеристике человеческого множества. Многоголосье толпы дается ему с легкостью» [6]. Критик обращает внимание на описание эпохи. Здесь он отмечает использование Веселым исторических материалов. Это разного рода доклады, приказы, плакаты, декреты, телеграммы, дневник, продуктовые карточки, продовольственные объявления. «Умелое пользование этим материалом сообщает вещи незабываемый колорит эпохи». Полонский от-

мечает, что, помимо исторических материалов, в произведениях Артема Веселого отчетливо обозначена традиция русской классической литературы. Данную точку зрения Полонского разделяли и другие критики 20-х гг. В частности Красильников усматривает влияние Гоголя на прозу Веселого. Это проявляется в наличии героически-патетического стиля, в любви к гиперболам, в «использовании исчерпывающего эпитета Гоголя» [6].

Веселый мог охарактеризовать своего героя одним эпитетом. Веселый вообще мастер в изображении героев. У него это человек-стихия. Его герои — живые люди. Они матерщинничают, совершают иной раз проступки, далеко не похвальные, но не потому ли они живут, что лишены иконописного схематизма... Артем Веселый счастливо избегает штампа. Его героям ничто человеческое не чуждо. Художник описывает человека многостороннего и противоречивого, со страстями и ошибками, с горячей кровью в жилах, умеющего плакать, мыслить и смеяться. Герои Веселого — люди сильные, люди большой воли. Но главное, что усвоил Артем Веселый, — это любовь к слову. Так, Красильников пишет, что Артем Веселый, как и Гоголь, считает, что «выражается сильно русский народ, и если наградить его словом, то пойдет оно ему и в род, и в потомство, утащит он его с собой и на край света» [7]. Но писатель был настолько же учеником, насколько и новатором. Критики отмечают, что «он (Веселый) не удовлетворяется богатым лексиконом крестьянской центральной России, в большом количестве вводит провинциализмы казачьих станиц, матросский жаргон. Его авторский язык блестяще характеризует соответствующую среду, о деревне он пишет мужичьими словами, о братишках-матросах — «страшными словами Эрзерумских высот» [7]. Это ярко проявляется, когда речь заходит о сказе. Артем веселый активно пользуется сказом.

Любовь к слову отмечает и Полонский: «Артем Веселый и в самом деле мужицкий писатель. Он лишен всякой изысканности, и тонкие эстеты, воспитанные на «изящной» литературе, вряд ли найдут какую-нибудь прелесть в этом воистину неизящном писателе. Его язык ярок и груб, шероховат и непричесан, его остроты, балагурство — все это пахнет деревней и фронтовыми землянками... Язык солдатни, корявый и забористо цветистый, круто осыпанный перцем и солью брани и прибауток» [6].

Артем Веселый изображает специфичность бытовой речи, густо эмоциональный, напряженный, красочный, народный язык.

Что же касается композиции Артема Веселого, то критики находят ее слабым местом в творчестве писателя. Хотя Веселый и чередует эпические сцены с лирическими, но в целом отмечается беднота фабулы, даже практически бесфабульность его прозы. Отсутствие твердого композиционного костяка.

Не менее важным для понимания творчества Артема Веселого является рассмотрение его в контексте современного литературного процесса. Полонский сравнивает писателя с Горьким и Бабелем. В частности он пишет, что «В Артеме Веселом не той сжатой силы, которая характерна для Бабеля, мастера экспрессивного и экономного... Кисть Веселого размахиста...»[6]. А что касается Горького, то здесь критик усматривает в творчестве писателя черты, напоминающие Максима Горького. Но при этом, отмечает Полонский, в Веселом «нет горьковской скорби».

Очень важной в критике 20-х гг. была дискуссия о поэтике Веселого и о его принадлежности к символизму и в частности о влиянии на него А. Белого и Б. Пильняка. Красильников оспаривает мнение критиков о том, что влияние на Веселого было формальное. «К Б. Пильняку и А. Белому восходят лишь технические ухищрения со строкой, ухищрения типографического характера»[6]. Основные положения, характеризующие творчество Артема Веселого, высказанные критикой 20-х гг. по существу повторились в оценке его романа «Гуляй Волга». Вот для чего так подробно была рассмотрена критика его творчества до создания этого романа. Мы увидели, как критика относится к его творчеству вообще, и увидели, что из себя представляла его проза, особенности. Теперь мы можем увидеть, из чего сложился его последний роман. Идеологическая составляющая романа была усилена. Дм. Манзин писал: «Важнейшим достоинством А. Веселого является то, что в нем правильно вскрыт классовый смысл движения Ермака». Автор видит полезность книги в том, что «полезно» оглянуться в прошлое. В сопоставлении прошлого и настоящего (теперь содружество всех народов) — «основная положительная ценность исторического романа А. Веселого»[8].

Критик не согласен с О. Бриком, который в дискуссии о «Гуляй Волге» высказывал свою точку зрения на то, что в данном романе А. Веселый ограничивается лишь пересказом (стоит заметить, что фабула здесь тоже не очень богата) старых схем русской истории, тем самым обесценив свою работу. «В основных решающих пунктах «Гуляй Волга» совпадает с марксистской

схемой русской истории, выдвинутой Лениным, развитой в труде М.Н. Покровского» [8]. Веселый писал художественное произведение, уловил дух эпохи, вскрыл пружины событий, взглянул на них глазами широких трудовых масс — в этом критик видит несомненную заслугу А. Веселого.

Спорные моменты:

- наивная трактовка опричнины. «Ограничится в объяснении террора тем, что, «возненавидя фазы», «в исступлении ума» крушит их — значит остаться на уровне поверхностного летописца тех времен. Здесь не самодурство царя, а борьба классов (дворянство и купечество против бояр и монастырей);
- поверхностный и упрощенный показ сибирских народов;
- влияние летописей на язык.

Язык:

I. Язык масс. «Подлинный демократизм А. Веселого, значительное знание им языка масс, участвовавших в нашей революции, понимание духа XVI века, умение создать сплав двух разных эпох — вот где секрет того, что там, где масса в «Гуляй Волга» митингует, решает вопросы, пирует, дерется, воюет, говор ее правдиво и убедительно звучит со страниц романа».

II. Язык повествования:

- язык литературный наших дней;
- стиль народного сказа, явный лубок: «Царь за всех думал...»;
- опыты словотворчества в духе В. Хлебникова.

Глава 2. Жизнь и творчество Артема Веселого

Краткий обзор жизни и творчества

Артем Веселый — литературный псевдоним Николая Ивановича Кочкурова — родился в 1899 г. в Самаре в семье волжского крючника и был первым грамотным в своем роду. Он получил лишь начальное образование в городской школе.

В собрании Е.Ф. Никитиной хранится листок, где рукой Артема Веселого помечены основные этапы его биографии: «Улица — школа — завод — бродяжка — продавец газет — извозчик — писарь — агитатор — красногвардеец — газета — партработа — красноармеец — студент — матрос — писатель». Тут же названия тех мест, где ему довелось побывать до 1933 г., когда был составлен этот перечень: «Самара — рабочая слободка

— Волга — деревня — Дон — Черноморье — Германский фронт — фронт гражданской войны — уезд — Москва — Средняя Азия — Украина — Кубань — Поволжье — Сибирь». В 1917 г. Артем Веселый вступил в коммунистическую партию; с октября стал бойцом Красной гвардии.

К этому же времени относится начало его литературной деятельности, хотя сам он занятие «писательством» числил лишь с 1920 г.

От времени, когда восемнадцатилетний красногвардеец принес в одну из самарских газет свой первый очерк «Деревенские впечатления», до зарождения в 1920 г. замысла «грандиозной книги о гражданской войне», как он определил роман «Россия, кровью умытая», книги, выдвинувшей его в первый ряд советский писателей, прошло всего лишь три года. Эти три года были до предела насыщены событиями, дававшими богатейший материал для будущих произведений писателя. В июне 1918 г. он участвовал в боях с белочехами, был ранен и только благодаря счастливой случайности избежал расстрела, когда белые, захватив Самару, чинили расправу над лежавшими в госпитале красноармейцами.

В 1918 г. едет в Мелекесс, где становится редактором местной газеты «Знамя коммунизма», членом уездного комитета РКП(б). Весной 1919 г. он возвращается в Самару, где редактирует газету «Красный листок», издаваемую Самарским отделением РОСТА.

Летом 1919 г. ушел добровольцем на деникинский фронт, а осенью того же года был направлен на газетную работу: сначала на уездный город Ефремов и потом — в Тулу. Там публикует на страницах газет ряд своих рассказов и очерков.

Природный талант, наблюдательность, чувство языка — уже тогда необычайно емкого и образного — видны в его первых литературных опытах. Некоторые образы и эпизоды ранних произведений впоследствии в том или ином виде вошли в «Россию, кровью умытую» и «Гуляй Волгу». Период с 1919-1920 гг. сам Артем Веселый расценивал как годы «оголтелого ученичества». Он быстро рос, многое из этого периода уже не удовлетворяло его, поэтому все, напечатанное в провинциальных и фронтовых газетах, а так же оставшееся в рукописях, не включил ни в одну из своих книг.

Тем не менее некоторые из этих произведений представляют несомненный интерес: они не только являются живым, не-

посредственным отражением происходящих в то время событий, но и показывают направление жизненных и творческих устремлений начинающего писателя, быстрого и четкого обретения им своей темы — человек в вихре революционных событий.

В основе ранних рассказов и очерков Артема Веселого достоверные факты: это или лично им пережитое, или увиденное, или услышанное из первых уст.

Артем Веселый не раз применял в своем творчестве метод повторного использования наиболее удачных творческих обретенных.

В 1920-1921 гг. Артем Веселый сотрудничает в РОСТА, работает редактором газеты на агитпоезде «Красный казак».

Журнал «Красная новь» публикует в 1921 г. два произведения Артема Веселого — драму «Мы» и рассказ «В деревне на масленице».

В 1922 г. по комсомольской мобилизации Артем Веселый идет на флот. В Севастополе он пишет повесть «Реки огненные». Демобилизовавшись, приезжает в Москву и поступает учиться сначала в Литературно-художественный институт имени Брюсова, потом в Московский университет, однако вскоре оставляет его и целиком отдается творчеству.

В Москве Артем Веселый входит в группу «Молодая гвардия». Журнал «Молодая гвардия» в 1923 г. печатает «Реки огненные», в следующем году повесть выходит отдельным изданием.

Первое крупное произведение Артема Веселого — повесть «Страна родная», изданная в 1925 г., произведение, написанное на материале, хорошо знакомом писателю по его партийной и советской работе 1918-1920 гг., когда он имел возможность изучить уездный город и деревню эпохи революции и гражданской войны.

Главная книга Артема Веселого «Россия, кровью умытая». Это большое эпическое полотно. Замысел произведения возник у Артема Веселого в начале 1920 г., он тут же приступил к его осуществлению и работал над книгой всю свою творческую жизнь.

Самым неизвестным до недавнего времени, вернее забытым, хотя и наделавшим в свое время много шума, был «полурассказ» Артема Веселого «Босая правда». Увидевший свет в 1929 г., он ни разу не переиздавался до 1988 г.

Последним и не менее важным был роман «Гуляй Волга», написанный в 1933 г. Этому роману будет уделено особое внимание в данной работе [1].

История создания романа «Гуляй, Волга»

Тема гражданской войны была основной, но далеко не единственной в произведениях Артема Веселого. Осенью 1926 г. писатель задумывает исторический роман о присоединении Сибири к Московскому государству.

Обращение Артема Веселого к событиям XVI века не было, как это может показаться на первый взгляд, чем-то неожиданным.

«Я взялся за эту тему, помня великолепное выражение Анатolia Франса, что только рабы не помнят своей истории. А класс победившего пролетариата должен знать свою историю, историю своей страны не только с пятого или семнадцатого года»[2].

Ермак привлек Артема Веселого новизной темы: «Разин, Пугачев — большая дорога народных движений, Ермак — глухая тропа».

В народной памяти Ермак — один из любимых героев, он поэтизирован в русских исторических песнях, в которых рисуется как атаман вольных казаков, человек бесстрашный, умный, решительный, совершающий героические подвиги.

Как на первооснову замысла «Гуляй Волги» Веселый ссылается на думу К.Ф. Рылеева «Смерть Ермака», которая в народной переделке — «Ревела буря, дождь шумел» — стала и до сих пор остается популярной песней. Однако, как вспоминал писатель позднее, вскоре стало ясно, «что по строкам песни далеко не уйти. Нужно было по-настоящему осмыслить, изучить историю». О том, насколько Артем Веселый был поглощен работой над «Гуляй Волгой», свидетельствует одна из дневниковых записей, сделанная им осенью 1929 г. в Ялте: «Сон: степь ночью. Я подхожу к чему-то. Навстречу черная поднимается орда. Иван Грозный, ссутулившись и спиной ко мне, сидит у костра. При моем приближении около царя засуетились люди — я догадываюсь, что отдано распоряжение схватить и сжечь меня. Я очень и очень рад, что вижу Грозного: столько о нем читано и передумано! «Недоразуменье», — решаю я про себя и бесстрашно кричу: «Казнить? Меня? Матроса? В бога господу мать!» Сон обрывается».

В Ялту Артем Веселый приехал, как видно из его дневника, не для отдыха, а для работы над «Гуляй Волгой». Вот некоторые из его записей: «2 сентября... Уже больше трех лет, как я нянчу Ярмака, а дело продвигается туго...

3 сентября. За 3 года о Ярмаке перечитал множество книг: летописи, были, сказания, сказки, ученые доиски знатоков и всякую

чертовщину. Выбрал только самое изумительное. Золота словесного намыл горы. Если напечатать весь этот материал — выйдет три растяжелых тома. А мне нужно написать небольшую книжицу. Меня давит обилие материала, не умею его организовать. И жадность губит. Наталкиваюсь на какую-нибудь частность, вроде: что ели купцы и бояре в XVI в.? И пошла писать — перечитываю множество пособий по кулинарии того времени, материалу набирается столько, что он заливает меня... Устаю и бросаю...

5-е. Окончательно решаю писать Ярмака в двух вариантах.

План первого (литературная игра):

Сказание о походе Ярмака.

Дорога — все о дороге.

Волга и Кама на фоне Московской Руси.

Одежда и обувь — список, пусть читатель сам одевает и обувает персонажей.

Жратва и пития — список — пусть читатель сам кормит и поит.

Строгановы — исторические и поэтические факты.

Лекарства и болезни (перечень) — читатель сам лечит и хоронит.

Любовь — строки о любви.

Кучум и его воинство и так далее по темам без связи

План второго варианта:

Обычно, как почти уже написано».

Следующий день — 6 сентября — поиски заглавия романа:

«Грозная вода.

Жили-были.

Железное братство.

Завоеватели.

Ни одно не нравится вполне».

В личном архиве писателя среди черновиков («бросовиков», по терминологии Артема Веселого; беловеки он называл «красновиками») есть листок с записью других вариантов названия романа: «Грозная земля. Под ярыгой-царем. Могутный ход. Строганские люди. Рыкливый люд. Строганный люд».

Во второй половине сентября Артем Веселый возвращается в Москву и вскоре записывает: «Неделя пролетела бестолково: гости, встречи, беготня в поисках денег, пустые разговоры с чужими людьми. С 1 октября отметаю все к черту и принимаюсь за Ярмака. Даю сам себе обещание кончить роман к новому году».

«Гуляй Волга» вышла в свет лишь в 1932 г. К этому времени книга была переписана целиком трижды, а отдельные куски — по 30-40 раз. Неудивительно, что писатель, по свидетельству современников, знал «Гуляй Волгу» наизусть из слова в слово.

Книга вышла в свет, а Артем Веселый так и не отказался от мысли написать роман в двух вариантах, или «разнословах».

Значительная часть второго — «самого главного», по определению самого автора, — варианта вошла в состав изданной книги в раздел «Литературные додарки»: «Как дело было» — «вольный пересказ», или, точнее сказать, сокращенный перевод летописных известий о походах Ерамака; «Сказки и бывальщины» — литературные обработки фольклорных и народных памятников народов Сибири; «Литературные шутки» — цитаты из нескольких произведений русских писателей и поэтов XIX века, представляющих собой выразительные примеры псевдоисторической литературы и беллетристики, и «Словцо конечное» — краткий рассказ об истории создания романа. Но подавляющая часть «второго разнослова» осталась в рукописи. По сохранившимся в личном архиве писателя материалам этот интересный творческий эксперимент можно представить гораздо полнее, чем по напечатанным «Литературным додаркам». В составленном «Плане» второго разнослова перечислены 40 глав. Каждая глава имеет название, характеризующее ее содержание. Среди них мы найдем и те, что вошли в «Литературные додарки». Правда, «Словцо конечное» в «Плане» называется «Попутное словцо», идет первой главкой и, таким образом, является предисловием. Вот некоторые пункты — главы этого «Плана»: 1. Попутное словцо. 2. Как дело было. 3. Плавающие, воюющие и на корню сидящие. 4. Музыкальный лад романа. 5. На большой воде. 6. Роспись жратвы и питий. 7. Москва. 8. Песни малослыханные. 9. Опись казачьему имению. 10. Оружие. 12. Торг. 13. Охота. 21. Летописцы-краснописцы. 24. Хвори, наговоры. 25. Весна. 26. Лето. 27. Осень. 28. Зима. 31. Роспись главнейших событий по годам. 38. Слова, словечки, словеса. 39. Справки. 40. Литературные шутки, или Что и как писали о Ярмаке».

Сохранились материалы далеко не ко всем главам, но по имеющимся рукописям видно, что включенный в главу материал определял ее своеобразную форму.

Например, глава «Музыкальный лад романа» — это ритмически организованные строки, почти стихи:

«Плыли...

Плыли, кормясь рыбной ловитвой и отвагою.

Плыли...

Плыли, отдыхая на радостных местах.

Плыли...

Плыли, воюя и разбивая врагов».

Эти строки вошли в разные главы «обычного варианта», задавая тон и ритм повествованию.

Глава «На большой воде» — поэтическое описание рек; «Роспись главнейших событий по годам» — хронологическая таблица, отличающаяся от обычных, лишь констатирующих сам факт, исторических хронологий эмоциональным отношением писателя к этому факту. Например, вместо стилистически нейтрального сообщения «1570-1578 — походы Ермака» Артем Веселый пишет: «1570-1578 — Ярмак гуляет по Волге и Каме».

Все издания «Гуляй Волги», кроме 1-го и 5-го, иллюстрировал Д.Б. Даран.

При жизни автора роман вышел шестью изданиями. Оценка его критикой была в основном положительной, роман имел успех у читателя, о чем свидетельствует переиздание романа и читательские письма.

И все же работу над романом Артем Веселый считал незаконченной, намереваясь вернуться к ней, чтобы положить «последние краски и жары». За пределами опубликованного текста осталось большое количество собранного фактического материала, обдуманное и отраженное в различных заметках, набросках и планах эпизоды, отдельные художественно завершенные фрагменты, как, например, история крещения вогула Нуксыя, начатая автором в виде наметки темы: «Туземцы боятся креститься» и вылившаяся в яркую, образную картину. После выхода романа писатель продолжал работу над темой.

В 1933-1936 гг. Артем Веселый создает пьесу и киносценарий по «Гуляй Волге». Но это не просто перевод романа в другой жанр, в пьесе и сценарии появляются новые герои, новые эпизоды и сюжетные линии.

Подготавливая роман для 7-го издания. Писатель вновь подвергает его правке. Он успел поработать только над первой главой. Изменения, в нее внесенные, немногочисленны, но направление правки совершенно ясно: она носит исключительно стилистический характер.

Об истории создания романа «Гуляй Волга» Артем Веселый пишет в своем «Слове конечном». «Вначале книга была задумана как забава и отдых меж ломовых дел, но в песне сердце первое слово: приступил к работе, увлекся и — пошла писать...» Для того чтобы написать роман, автору пришлось провести огромное количество времени в книгохранилищах зимой, а с наступлением весны он плыл на рыбацкой лодке по следам Ярмака (по Волге, Каме, Чусовой, Иртышу). «За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам под двенадцать тысяч верст».

Рассказывает Артем Веселый и о том, как родилось название романа. «Гуляй-городом в глубокую старину у русских звался военный отряд в походе — с обозами, припасами; у сибирцев — кочевое становище. Позднее гуляй-городом назывались подвижные на катках башенки, для приступа к крепостям. Отсюда, в хорошую минуту, родилось и название романа: Гуляй Волга — русской воли и жесточи, мужества и страданий полноводная река, льющая на восток...»[1]

Заключение

Артем Веселый — писатель с очень непростой судьбой, но с яркой жизнью и яркими произведениями.

Псевдоним автора резко контрастирует не только с его судьбой, но и с его внешностью. Пережив большое количество трудностей, добываясь всего в жизни своим талантом, Артем Веселый является редким сокровищем в сундуке отечественной литературы.

Изучение критики о нем — это первый шаг на пути к изучению его творчества, его становлению и росту. Изучая критику, становится понятно, как сложно было выжить в литературном мире данной эпохи. С какой кропотливостью нужно было подбирать слова, выражения, чтобы быть достойным примером и лучшим среди лучших, и как легко можно было стать врагом народа и быть убитым за то, чего не было на самом деле. Мы ясно увидели роль критики. Критика — своего рода орган в организме под название Политика.

Мы увидели в критике разного Артема Веселого. Порой критика была кривым зеркалом, искажавшим действительность, но все же мы проследили, каким был поэт вначале и во что он вырос. Увидели, как принимали его и творчество, и какое место он занимал в литературной среде. Увидели, как менялся язык,

характер произведений. Это еще раз доказывает: чтобы полностью понять писателя, необходимо не только изучить биографию и время, не только прочесть его произведения, нужно изучить, и в какой литературной обстановке он находился.

Все открытия и понимания специфики творчества Артема Веселого, сделанные прижизненной критикой писателя, окажутся плодотворными для создания литературной науки о писателе.

Список использованной литературы

1. Веселый А. «Избранное». — М.: «Правда», 1990.
2. Веселый А. Работа над Романом // Смена. — 1935. — № 11.
3. Веселый А. Рассказы о главном // Волжская Новь. — 1933. — №5-6.
4. Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: критика и общественное сознание эпохи. — СПб: Издательство С-Петербург, 1997. — 308 с.
5. Шпунт Ф. Жизнь. Клеветническая книга: о романе А. Веселого «Россия, кровью умытая» // Комсомольская правда. — 1937. — № 11.
6. Полонский В. Критические заметки об Артеме Веселом // Новый мир. — 1927. — № 3.
7. Красильников В. Веселый А. Большой запев// Красная новь. — 1927. — № 9.
8. Манзин Д. Мечом, рублем, крестом. «Гуляй Волга» Артема Веселого // Литературная газета — 1933. — №14 (242).

«ЛЮБЛЮ ОТЧИЗНУ Я...»

Тема Родины в лирике поэтов Самарского края

Работу выполнила
ученица 11 «А» класса МБОУ СОШ
№ 38 городского округа Самара
имени гвардии полковника
М.И. Косырева
Малышева Виктория

Научный руководитель
Курбатова Елена Александровна

Введение

«Всему начало здесь, в краю моем родном...» Эти слова Николая Алексеевича Некрасова дороги и понятны каждому из нас. Мы привязаны к месту, где родились и провели лучшие годы жизни. Счастлив тот, для кого оно является не только географическим понятием, но и нравственным. Наверное, особенно остро чувствуют эту связь люди творческие, поэтому тема родины неизменно и традиционно присутствует у всех русских поэтов, являясь одной из основных.

«Люблю Отчизну я...» — признался в XIX веке Михаил Юрьевич Лермонтов. В начале XX века Сергей Есенин написал: «Не надо рая, дайте Родину мою!» Александр Блок всю жизнь разгадывал тайну Руси, что «...опоясана реками И дебрями окружена...»

Любовь к родному краю воплощается в стихах и наших поэтов-земляков.

«На родину, которой одиноко, спешу я, под собой не чуя ног», — сообщает с гордостью поэтесса Диана Кан.

Всем врагам, «что влезали непрошенным гостем в избенки России моей», дадут отпор герои стихов Владимира Бондаренко.

Верит, что «не умерло то в народе, что в народе всегда живет» Владимир Осипов.

А поэт Юрий Сизов так обращается к России: «Дай мне обнять тебя, о Русь Святая».

Не может прожить без родной деревни ни дня Борис Сиротин: «Бродишь, во всем узнавая, Родину, волю, судьбу».

Эти строчки из стихов моих любимых поэтов навсегда запали в мою душу. Поэтому выбор темы исследования не случаен: «Люблю Отчизну я...» («Образ Родины в лирике поэтов Самарского края В. Бондаренко, В. Осипова, Ю. Сизова, Д. Кан, Б. Сиротина, В. Шумейко»).

Актуальность темы определяется недостаточной информированностью учащихся о поэтических произведениях самарских писателей, связанных с темой Родины. Мы должны знать свои корни, если не хотим быть «Иванами, не помнящими родства».

Цель работы — исследовать, как раскрывается образ Родины в стихах поэтов-земляков, какие выразительные средства языка используются для воплощения замысла.

Задачи:

- 1) познакомиться со стихами о Родине моих любимых поэтов Самарского края;
- 2) изучить биографические сведения об авторах;
- 3) интерпретировать содержание стихотворений о Родине;
- 4) выявить похожие мотивы.

Метод исследования основан на сравнительном анализе стихов о Родине.

Практическая значимость: данная работа, на наш взгляд, будет полезна на уроках литературы, краеведения, внеклассных мероприятиях.

Глава 1. «Люблю Отчизну я...»

1.1. «Взрастал в степи среди пашен и лугов...»

Владимир Никифорович Бондаренко

В лирике В.Н. Бондаренко образ Родины занимает центральное место. Читая его стихи, мы понимаем, как близка ему судьба России, ее история.

Родная страна вошла в его душу широким полем и высоким небом. В стихах поэта много гулких пространств, бесконечных дорог, быстро бегущих туч, криков полночных птиц,

багровых закатов, предвещающих бурю, лиловых беспокойных зорь.

Сам стих у него словно кружится, искрится, бурлит, сверкает и тревожно, но празднично звенит туго натянутой струной:

*Стонали вербы, скрипели вязы.
И туго в речке вода изгибалась,
А туча в грозном своем экстазе
И хохотала, и изгибалась.
В огнистой дрожи искрилась счастьем.
Такое в редком лишь сне приснится.
Какая буря! Какие страсти!
И все, чтоб только дождем пролиться.*

В первом четверостишии ударные гласные «а» и «у» создают эффект воя и гула — беспокойства природы. Во втором четверостишии торжественность идет на убыль.

В стихотворении «В час тревоги» перед нами эпоха монголо-татарского ига, когда хан Батый захватил русскую землю:

*Рассыпались прахом истлевшие кости,
И заржавели стрелы в дыму ковылей
Всех тех, что влезали непрошеным гостем
В избенки России моей.
И до нынешних дней:
Огромный мне видится призрак Батыея
С отточенной саблей у горла Земли.*

Очень много написано стихов, посвященных тому или иному времени года. Но читая стихи В.Н. Бондаренко, будто видишь все заново, ярко представляешь картину происходящего. Такое впечатление, что все это было именно с тобой, что все ты пережил лично. Но выразить стихами эти чувства дано не каждому. Никого не оставит равнодушным стихотворение «Поздним золотом пожня струится».

Когда читаешь такие строки, как:

*Поздним золотом пожня струится.
Лист багровый роняют леса, —*

сразу представляешь себе эту прекрасную картину, которую уже неоднократно видел, но не обращал внимания на всю прелесть ее. Такие теплые и нежные слова, которые В.Н. Бондаренко посвящает природе, могут рождаться в стихах очень доброго и романтического человека. Иной видит эту красоту, но не понимает того счастья, которое дано ему все это созерцать. А В.Н. Бонда-

ренко не только видит и описывает природу, но еще и грустит, и переживает вместе с ней.

*Гордым криком за сердце хватала,
Гордым криком мне душу рвала, —*

так он говорит о птице, улетающей на юг.

А вот еще строки автора, в которых он показывает свою грусть:

*Улетела, растаяла в сени
Обнаженных до боли небес.
Тихо падают листья осины,
Тихо плачет обугленный лес.*

Только человек с чутким сердцем и открытой, доброй душой мог сочинить такие слова.

Каждый, читая стихотворение, представляет себе свой родной уголок природы. Кто-то вспоминает свой городок, где давно не был, кто-то свою деревню видит в этих строках, а кто-то, может быть, думает о поездке на природу осенью. Но это и неважно. Важно то, какие добрые чувства просыпаются в человеке от этих строк. Здесь также чувствуется несбыточная мечта автора улететь вместе с белой птицей:

*Ах, ты, птица, ты, белая птица,
Если б мог я с тобой улететь.*

О себе поэт В.Н. Бондаренко сказал так:

*Родился я под крышей старой хаты.
Взростал в степи средь пашен и лугов,
Где в речку льют восходы и закаты
Святую кровь низвергнутых богов.
И там под нежный мягкий мык коровы,
Блеяние овец, могучий рев быка
В груди неслышно выкруглилось слово
И запросилось птицей в облака...*

«Любовь к Родине начинается с тропинки, по которой ты бегал босиком, к ручейку, в котором поймал первого пескаря, с березки, где назначил первое свидание. Любимый человек, а тем более пишущий, очень выигрывает, если не отлучил себя от природы», — так считал Владимир Никифорович Бондаренко.

В этом истоки его творчества — в любви к родной земле, к Родине.

1.2. «Бродишь, во всем узнавая, Родину, волю, судьбу»

Обо всем, что связано с судьбой Родины, и о его собственной судьбе, не отделимой от России, пишет наш земляк Борис Сиротин.

На этом пути ждали поэта открытия и в поэтической юности, и в зрелые годы, и в теперешние дни:

*Пыль на тропе вековая,
Пальцы пролады на лбу...
Бродишь, во всем узнавая,
Родину, волю, судьбу.
Эти речные излучи
И окоема кольцо —
Словно родимые руки,
В коих ты прячешь лицо.*

Умение просто и ясно, предметно описать событие, вдохнув в него поэтический смысл, становится главной приметой творчества Бориса Сиротина, который являясь человеком своего времени, не может не откликаться на те события, которые происходят в стране.

Освоение космоса — это то, чем могут гордиться и наши земляки:

*И когда возвратятся они,
Замерцают, смеясь, на экране,
В эти лица простые взгляни,
В простоту их не веря заранее.
Сквозь приветственных слов вензеля,
Сквозь прорывы оаций и гула,
Ты подумаешь: просто Земля
Эти лица нам снова вернула.*

Поэт пишет, конечно, не только о достижениях, но и серьезных проблемах общества. Вот все яснее слышится голос защитников родной природы: безжалостная, а более всего, бездумная то «индустриализация», то «химизация» всей страны ведет к уничтожению самого дорогого, самого святого — заповедной красоты природы — Жигулей:

*Стадо железных больших насекомых,
Спорых, как та саранча,
Недрами тысячелетий влекомых,
Встало попить у ручья.
Что же возьмете вы? Камень возьмете,
Там, где от века народ*

*В древней своей задушевной работе
Новые песни берет.*

Наряду с «сюжетными» стихами поэт пишет стихотворения, в которых, по выражению литературного критика Вадима Кожина, «присутствует тишина». Уже не просто изображается пейзаж в его стихах, а то «легкое дыхание», которое, по замечанию Ивана Бунина, дает жизнь поэзии. Это уже иное качество стиха, в котором есть приметы Божьего промысла. Но чтобы прийти к нему, Борису Сиротину пришлось многое пережить, много пострадать:

*Когда приходит вдохновенье,
Мир как бы ясен до основ,
И смелые черты Творенья
Сквозят через покровы слов.*

Вот тут и начинается уже осознанный путь к Богу, потому что иного пути просто нет у человека творческого и взыскующего правды. Тем более человека, который живет в России — стране с тысячелетней историей православной веры. Словно сами собой складываются у Бориса Сиротина стихи на религиозные темы. Вот, например, всего лишь одна строфа из чудесного стихотворения «Святой Кирилл» — о равноапостольном Кирилле, принесшим вместе с братом Мефодием письменность:

*Леса, бесконечные дали,
Немолкнувший звездный хорал —
Нам букочки с неба упали,
Кирилл их в лукошко собрал.*

Боль утрат стихает, когда размышляешь о вечном, когда занят не копанием в своих болячках, а творчеством, когда о своих родных и друзьях вспоминаешь так, как сказано у Василия Жуковского:

*Не говори с тоской: «Их больше нет» —
Но с благодарностью: «Были».*

Борис Сиротин родился в феврале. Возможно, поэтому у него так много стихов о русской зиме, ее красоте и своеобразии. Поэта можно смело назвать певцом нашей зимушки-зимы, которая так богата своими оттенками и настроениями. Вот зима лютует — в стране хаос, глядишь — и канем в бездну. И все кричат: «Пропала Россия, пропала!» Вот метель завивается в спираль — и, кажется, опять грядет новая страшная беда.

Но молитвой и защитой Богородицы опять спасается Россия. И поэт уже твердо говорит:

*Не рыдайте над темною бездной,
Я принес вам хорошую весть:
Между Русью земной и небесной
Искони мост спасительный есть!*

Размышляя о судьбе родины, автор обращается к теме молодого поколения:

*Мальчик с велосипедом.
Смотрит на поезд малец.
Знает, что всем нашим бедам
Скоро наступит конец.
Эта мальчишечья вера
Взгляд понимающих глаз —
Самая точная мера
Для суетящихся нас.
Нас, изможденных простором
И без большого труда
Свыкшихся с новым позором,
Мчащихся так, никуда.
В это мгновение — здравствуй,
Через мгновенье — прощай,
Маленький мальчик вихрастый,
Нам возмужать обещаи!
Краем речным и лесистым,
О невозможном трубя,
С грохотом, топотом, свистом
Мчимся мы мимо тебя.*

Мне особенно дорого это стихотворение, потому что в нем автор подчеркивает свое доверие нам, детям, он надеется, что у нас есть будущее. И мы ему верим!

1.3. Диана Кан — «подданная русских захолустий»

Была и остается верна «малой родине» — российской провинции, на которой стояла и стоит Россия Диана Кан:

*Я подданная русских захолустий.
И тем права перед Богом и людьми.
И приступаю провинциальной грусти
Моя любовь к Отечеству сродни...*

Практически все ее стихотворения связаны с русским простором. Реки, леса, поля, горы, монастыри, поселки, большие и малые города.

Героиня дышит воздухом всего огромного российского пространства, где автор не гостит, а живет: «Я в реке живу, а не купаюсь», — говорит она в раннем стихотворении от лица русалки — существа воды.

В ее стихах слово «родина» соединено с городом Оренбургом, где произошло ее рождение как русской поэтессы. Оренбург для Дианы Кан стал слепком с облика современной России. Детали этих мест вошли в душу автора одновременно с первыми стихами, крепко связав ее с той пядью земли, от которой началось глубокое, непрерывное вхождение поэтессы в русскую культурную и духовную почву. Она постоянно ведет беседу со своим городом: «мой город степной на польнном просторе»; «мой город — мой данник и кровник, и брат»; «увы, мой город»; «мой город, как ты без меня»; «мой Оренбург, ну в чем ты виноват».

Но удивительно и другое: она, по словам Андрея Анашкина, «сумела так воспеть наш Самарский край, все его речки и речушки, горы и пригорки, как до нее не воспел, пожалуй, ни один из самарских поэтов. Наверное, это потому, что она видит самарскую природу свежим глазом и слышит самарские названия свежим ухом» [1].

В стихах Кан противостояние Оренбурга и Самары соединено с реками, которые их омывают:

*Внимает Волге — хороша! —
Седой Урал-соседушко...
Пусть вечно длится, не спеша,
Их ладная беседушка.*

Урал и Волга — союзницы героини, они принимают ее в свои воды: «Я вброд Урал переходила, переплывала Волгу всласть». Когда поэтесса говорит, что учится у русских рек двенадцати наречиям, — это настойчивое проникновение в историю людей и земли: «они всегда по-разному расскажут о Руси». Очень часто Диана Кан обращается к образу Волги:

*Плывущая вдаль по просторам, как пава,
И речь заводящая издалека,
Собой не тончава, зато величава
Кормилица русская Волга-река...
Устанешь под вечер... Позволила б только
Водицы испить с дорогого лица,
Красавица Волга, работница Волга,
Заботница Волга, сказительница.*

Волга для нее и «матушка», и «Волга-мать», и старшая сестра или даже подруга:

*Любой тебя люблю, я, Волга!
Не налюбуюсь никогда!
И ту, что жалила мне ноги.
И ту, что ластилась к ногам.
И ту, что взглядом недоτροги
Не допускала к берегам.
Отринь меня, я не заплачу,
Моя строптивая родня!
Твоя кровинушка казачья
Течет по жилам у меня.*

Перед нами — свидетельство родства: мать оказывается и подругой, и старшей сестрой.

Ведя разговор о речках-воложках, претендующих на звание главного истока великой реки, лирическая героиня вместе с ними сливается в объятиях «с Волгой — матушкой родной». Поэтическая интонация здесь теплеет и приобретает материнские оттенки:

*Ах, эти воложки! Галдят,
Стекаая прямо с небушка.
Живой водицею поят
Самарский скусный хлебушко.
Одна другую вразной
Перекричать стараются...
И с Волгой — матушкой родной —
В объятиях сливаются.*

В каждой малой речке Диана Кан видит частичку России:

*Искришься, лучишься, как полная чарка,
Слепишь и слезу вышибаешь из глаз.
Речушка с названьем Сухая Самарка,
Никак ты в бега от родни подалась?
Постой, погоди-ка, ну где тебя носит?
Бежишь без оглядки на отчий исток.
Неужто не ведаешь: отчине осень
Опять преподносит плачевный урок?..*

Волга примиряет героиню с Самарой, которая ее не желала и гнала:

*Эх, дородна, матушка Самара!
Здесь в чести купеческий уют.*

*Матушке Самаре я не пара.
Нищим здесь, увы, не подают.
Для меня ты и такая — праздник!
За тебя хоть в омут, хоть в огонь.
Серебрят мороз — седой проказник —
Мне мою разверстную ладонь.
...Не вступлю с тобою в поединок...
Господи, тебя благослови!
Служит мне подошвами ботинок
Мостовые стертые твои.*

Развивая образ своеобразной Самары, Диана Кан насыщает стихотворную речь мягкой иронией («все у Самары — самое»; «в Самаре и скворец свистит громче, чем соловушка»). А затем ведет беседу с неласковым городом по-житейски:

*Поговорим, родимая, «за жись»...
Ну, что опять насупилась, Самара?
Мирись-мирись и больше не дерись!*

Детская присказка подчеркивает горькую память. С печалью говорит она об «огненных зачистках» старой «деревянной лепоты», о новорусских домах, напоминающих «кичливо вставленные зубы».

Олицетворение Самары в образе собеседницы с неровным характером дает возможность Диане Кан произнести и скрытое глубоко в душе:

*Мне не за что любить тебя, Самара!
А вот, поди ж ты — все-таки люблю!*

Ведь Самара для нее «и такая — праздник! За тебя хоть в омут, хоть в огонь...»

И эту любовь и Диана Кан, и ее лирическая героиня не променяют ни на что на свете:

*Судьбы драгоценный подарок —
Усталая Волга... За ней
Мерцает ночная Самара,
Как горсть самоцветных камней.*

1.4. «О, как люблю тебя, Родина милая...»

Главная тема поэзии нефтегорского поэта-песенника Владимира Викторовича Шумейко — природа родного края с ее неповторимыми мгновениями. Природа покоряет человека своей красотой и гармонией.

*Стихами дышит все вокруг:
Грачи на пашне, светлый луг.
В душе рождаются слова.
Сверкает неба синева.
К степной я реченьке иду
И слышу песнь ручья в саду.
И родники поют, поют
В родном загадочном краю.
Земли моей святой покой
За каждой чудится строкой.
И растворяюсь сам в стихах,
В лугах степных и в пенье птах...*

Общение с этим миром успокаивает душу. Здесь и начало года — зима хозяйкой бродит по полям и лесам:

*Наступили холода,
И метели прилетели,
Вот беда, так уж беда,
Не во сне, а в самом деле.*

Написано это такими простыми словами, что поневоле задумаешься:

«Как же ты этого не заметил и не описал так же образно, как поэт»? Насколько уместны здесь олицетворения и метафоры!

*Для деревьев хуже нет —
Стонут знобко от мороза,
Льется с неба белый свет,
Выбивая из глаз слезы.
Птицы жмутся ближе к дому,
Снег дремотно лег в лесу,
Где январская истома,
Студит воздух на весу.*

Это и пробуждение природы после долгой зимы, которая не сразу уступает свои права:

*Целует небо воздух синий.
Степь необъятно широка.
А на деревьях белый иней
Рисует холода рука.*

Но приход весны уже ощущается в каждой сменяющей друг друга картине: и «и мороз весною слаще», и ледоход уже начался...

*Мороз весною будто слаще.
Повсюду слышен тихий звон:*

*Река свой лед куда-то тащит —
Прощаясь с нами, стонет он.*

А в следующей строфе через олицетворение « День, разгораясь » и метафору « радостно искрится оттаявшая красота... » передается торжество возрождения природы:

*День, разгораясь, долго длится.
И — благодарна, и чиста —
Над миром радостно искрится
Оттаявшая красота.*

Это и размышления о прожитом, и душевные переживания. И во всем этом чувствуется любовь к жизни, к русской природе:

*Перед грозю вновь затишье.
Умолкли сразу соловьи.
И ветер быстрой серой мышью
В хоромы спрятался свои.
Но вот взыграла в небе туча,
И теплый дождь накрыл поля.
И ртом своим большим, могучим
Пьет влагу вешняя земля.
Вокруг все вмиг преобразилось.
От счастья плачет светлый лес.
Вдали калитка отворилась,
И сам Господь сошел с небес.*

Природа у поэта одухотворена. И опять поэт находит удивительные сравнения, олицетворения и метафоры.

Метафора « и ветер быстрой серой мышью в хоромы спрятался свои » одухотворяет небольшую пейзажную зарисовку:

*Но вот взыграла в небе туча,
И теплый дождь накрыл поля.
И ртом своим большим, могучим
Пьет влагу вешняя земля.*

Строки эти задушевные и ясные. Поэтические определения опять же просты. И хотя стихи автора пронизаны разным настроением, лирический герой гордится, что он родился на этой земле:

*Земля надежды и раздолья,
И ветра тихий нежный стон.
Душа моя в лугах, на воле,
Поет с рекою в унисон.
Мила мне степь родного края,
И деревенский мил мне быт.*

*Свою страну не выбираем,
Но ей никто не позабыт...*

Есть у поэта строчки радостные: о приятии жизни, о благодарности за счастье любоваться родной природой:

*А в затоне, а в затоне
Вечеру лягушки стонут.
Кони бродят на лугу,
На зеленом берегу.
Песня дивная кукушки
Раздается на опушке.
Лес колдует день и ночь,
Попугать меня не прочь.
Но нисколько не боюсь,
В нежных вербах затаясь,
Будет слушать соловья
До утра душа моя.*

Или:

*Музыку леса слушаю я —
Трели веселые в ней соловья.
Шум осторожный воды родника.
Сердце мое покидает тоска.
Тихо о чем-то шумят тростники,
Шепчутся будто с потоком реки...
Чудные звуки я слухом ловлю —
Землю рассветную очень люблю.
Ласковый шепот осин и берез
Трогает душу до радостных слез.
Есть у лесов беспокойная грусть.
Вся эта прелесть — родимая Русь...*

Но есть их горестные раздумья о гибели деревни, которую теперь не возродить:

*А я теперь чужой в деревне:
Нет ни друзей там, ни родни.
Позарастали все деревья
И разлохматились все пни...
Зачем сюда опять приехал,
Где ни кола и ни двора?
И мне об этом в спину эхо
Твердит тихонько с самого утра.*

Нельзя без волнения читать и стихотворение Владимира Шумейко «Я вернулся туда...».

В нем говорится о любви к своей Родине. О счастье человека, вернувшегося в родные места. Видно, что герой очень скучал по этому месту:

*Я вернулся туда,
Где равнина манит небывалым,
Где пасутся стада
И пастух отдыхает усталый.*

Здесь нет сложных и замысловатых слов. Читая эти строки, сразу же представляешь образы, места, описанные поэтом. Судя по горечи, сквозившей в строках, лирический герой безумно тоскует по Родине. Очень хорошо понимаю этого человека, меня всегда тянет туда, где я родилась.

И подтверждением этому звучит для нас стихотворение:

*Жить в России, не любя родное,
Никогда, поверьте, не смогу.
Машет ива веткой, как рукою,
На речном зеленом берегу.
Ранят сердце нежные закаты
И рассветы над землей моей.
Здесь по-царски вырос я богатым
Колосистым золотым полей.
Ни душе, ни песне нет предела.
Лейся в небо, ширься тут и там.
Никогда бы мне не надоело
Колобродить по родным местам.
Кто сказал: «Уехать из России?»
Здесь пророс я в поле колоском.
Для меня поет здесь ветер синий
Мне понятным русским языком.*

Не случайно, как объяснение в любви, безграничной и трепетной, звучит еще одно из стихотворений поэта:

*О, как люблю тебя, Родина милая,
Эти луга и поля.
Ты, как девчонка, такая красивая,
Ты словно песнь журавля.
Знай, от твоих бесконечных просторов
Мне некуда не уйти...
Машут березоньки мне с косогора,*

*Будто платками в пути.
Родина милая, Родина светлая,
Сколько всего впереди!
В сердце звучит твоя песня заветная,
Тихим напевом в груди...*

1.5. «Монастырская дорога» Владимира Ильича Осипова

Для В.И. Осипова любовь к родине также является неотъемлемой частью бытия. Он рисует простые, знакомые каждому картины сельской природы:

*Вспоминаю все чаще и чаще
На вокзалах, среди толкотни,
Тишиною звенящие чащи
И осенние теплые дни.
Солнца свет, отраженный в окошке.
Дым над речкой. Большой огород.
Тетя Настя копает картошку
И негромкую песню поет.
И негромкая родина слышит.
Догорает негромкий закат.
Ветер ивы над речкой колышет.
Птицы низко над полем летят.
И близки просветленные дали.
Далеки бесконечно снега.
Детство. Осень. Все только в начале.
Будто дремлют на поле стога.
Вспоминаю — и светит окошко,
Щедро платит за труд огород.
Тетя Настя копает картошку
И негромкую песню поет.*

Годы наступления зрелости поэта пришлись на начало девяностых годов. Несмотря на очень непростой период для нашей страны, он сумел остаться верным правде, верным себе. С горечью пишет В.И. Осипов о том, что происходит вокруг:

*А в лесу моем глухо стучат топоры,
И река моя полнится рыхлой шугою.*

Именно в храме находит он для себя точку опоры, именно здесь ощущает пересечение своей личной судьбы с «национальным историческим моментом»:

*Вспомни, друже, какие мы дали прошли,
Как бездарно страну прогуляли!
Нам оставили краешек нашей земли
И бесценные памяти дали.
Как бурьяном могилы друзей поросли,
Как красиво в судьбу мы входили!
И не предали нашей родимой земли,
Хоть и сирь, юродивы были...*

В переломный исторический момент поэт черпает силы в окружающей природе родного края, «священной русской (поволжской, мордовской) сельщине», где все одухотворено:

*Течет неспешная река.
Неторопливо зреет колос.
Плывут спокойно облака.
И слышен колокола голос.
Вершиною холма — собор,
Что пережил года глухие.
И взглядом не объять простор.
Глубинная моя Россия.*

Красота сельского пространства малой родины обретает эстетическую связь с небесами при помощи связующего звена — собора. Владимир Ильич Осипов пишет очень эмоционально, и свет его чувства освещает его картины. Автор делится своим удивлением, пытается разбудить утрачиваемую нами с каждым днем способность восхищаться обыкновенным пейзажем, который оживает в свете умиротворенного мирозерцания:

*Какая церквушка у пристани!
Какой вековой перевоз!
Здесь цельно все, чисто и истово,
Не стыдно нечаянных слез.*

Восклицательные знаки передают здесь не только радостные эмоции автора, но и подчеркивают его стремление к небесным идеалам.

Метафорические олицетворения пронизывают все стихотворение, напоминают о вечности:

*И никогда, и никогда
Такое не случится более:
Грустит о чем-то лебеда
В обыкновенном русском поле,*

*Обыкновенные стога
Застыли строго за рекою.
И никогда, и никогда
Не повторится вновь такое.*

Рефреном повторяющиеся слова «и никогда, и никогда» напоминают нам о быстротечности жизни, о том, что каждая картина природы по-своему неповторима, потому что в следующий миг она будет уже иной, как и настроение человека.

У истоков родины, в ее полевом поднебесном великолепии, там, где «не умерло то в народе, что в народе всегда живет», Владимир Осипов с тревогой и надеждой ищет потенциала будущего, способности к возрождению Святой Руси. Однако поэт всегда помнит о реалиях, об «обоженной стране», замерши на краю тысячелетия, которое кончилось. При всей кажущейся отвлеченности его элегии публицистичны, потому что автор призывает нас не только любить родину, но и заботиться о ее процветании.

1.6. «Дай мне обнять тебя, о Русь Святая...»

Любовью к родному краю пропитаны и стихи Сизова Юрия Александровича. Как ярко и точно поэт описывает скромную красоту наших мест:

*Земли моей неброские наряды
Хранят ее любовь и красоту.
Стыдливо притаившись за оградой,
Черемуха купается в цвету.*

Рисуя картины природы, автор обращается к историческому прошлому своей родины и верит в воскрешение святой Руси:

*Дождь в январе и слякоть, и капли,
И мокрый снег на несколько часов,
Но все ж крещенские приходят к нам метели
Из тех дремучих, муромских лесов,
Где синь снегов и гул ветров в просторе,
Янтарный сруб и башенки кремля,
Где радость тихая живет в печальном взоре
И звуки светлые звучат, минуты для.
Где древний мир от края и до края
И черный дым старинных деревень,
Дай мне обнять тебя, о Русь Святая,
Яви с небес пророческую тень.*

У Юрия Сизова болит сердце о заброшенных деревнях:

*Лебеда и полынь.
Тихим эхом встречает опушка.
Комариная глушь
Да слепни окружили коня.
Захолустье мое,
Заунывно кукует кукушка,
В окнах сгорбленных изб
Предвечерние блики огня.
Виснет бледный туман
По глухим и ухабистым весям.
Через речку мосток.
Одичал мой березовый край.
Так внутри зацемент:
На колодце зеленая плесень,
Покосившись, стоит
От дождей почерневший сарай.*

На фоне этой забытой деревушки поэт рисует образ одинокой старушки-матери, сердце которой наполнено добротой ко всем людям, несмотря на страдания, выпавшие на ее долю:

*В полинялом платке
Ковыляет старуха с клюкою,
Глохнет мертвая тишь,
Ничего не случается здесь.
«Здравствуй, мать». — «Да ты кто? —
Заслонила от солнца рукою, —
Не признаю никак,
Не из нашенских, видно, ты мест».
Покачав головой,
За калиткой скрипучею скрылась,
Засветила огонь —
Просветлело в заветном краю,
Положила поклон
И Христу помолилась
За властей, за сынов
И за тихую землю мою.*

И нам верится, что ее молитва о «тихой родине» будет услышана, ведь «эта земля под Покровом особым Девы Святой».

Ю.И. Сизов — поэт, который способен окинуть взором не только родные просторы, но и всю страну с космической высоты:

*Вижу суровые дали России,
Место мое на земле,
Храмов ее купола золотые
Святят во мгле...*

Заключение

В Самарском крае живут люди разных национальностей, разных религий, которые прекрасно дополняют друг друга. Приверженность к одной вере не означает враждебное отношение к другим. И любовь к родине, родной природе — это то, что всех объединяет. А поэты помогают нам осознать свою ответственность перед родной землей.

Стихи Владимира Бондаренко, Владимира Осипова, Юрия Сизова, Бориса Сиротина, Дианы Кан, Владимира Шумейко роднит любовь к малой родине, которая в их произведениях поэтично раскрывается через картины природы.

«Любовь к Родине начинается с тропинки, по которой ты бежал босиком, к ручейку, в котором поймал первого пескаря, с березки, где назначил первое свидание, — признается Владимир Никифорович Бондаренко.

*Жить в России, не любя родное,
Никогда, поверьте, не смогу,*

— с гордостью пишет Владимир Шумейко.

Удивительное сравнение находит Борис Сиротин, объясняясь в любви к родной стороне:

*Эти речные излучья
И окоема кольцо —
Словно родимые руки,
В коих ты прячешь лицо.*

Скромную красоту наших мест видим мы в стихах Юрия Сизова:

*Земли моей неброские наряды
Хранят ее любовь и красоту.
Стыдливо притаившись за оградой,
Черемуха купается в цвету...*

А Диана Кан объясняется в любви к Волге:

*Красавица Волга, работница Волга,
Заботница Волга, сказительница.*

«В родном краю, «среди пашен и лугов, где в речку льют восходы и закаты святую кровь низвергнутых богов», рождалась любовь к Родине у Владимира Бондаренко.

Поэты переживают не только за свой родной край, но и за всю страну в целом. Они верят в спасение России и связывают это с православной верой, поэтому образ храма очень часто встречается в их произведениях.

*Какая церквушка у пристани!
Какой вековой перевоз!
Здесь цельно все, чисто и истово,
Не стыдно нечаянных слез*

— устремленность к небесным идеалам ярко и непринужденно звучит в стихах Владимира Осипова. Юрий Сизов словно поддерживает эту мысль:

*Храмов ее купола золотые
Святят во мгле...*

Так, у истоков родины, в ее полевом великолепии, там, где «не умерло то в народе, что в народе всегда живет», наши поэты-земляки с тревогой и надеждой видят будущее Родины:

*Между Русью земной и небесной
Искони мост спасительный есть!*
(Борис Сиротин).

Список литературы

1. Кан Д.Е. Обреченные на славу: Стихи. — Русское эхо, 2009.
2. Осипов В.И. Биография // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/
3. Осипов В.И. На русском рубеже: Стихи.— Самара: Духовный собеседник: Православ. Самара, 1999.
4. Сиротин Б.З. Большая биографическая энциклопедия.// <http://dic.academic.ru/>
5. dic.nsf/enc_biography/
6. Сиротин Б.З. Стихотворения и поэмы: В 2 т. — Самара: Русское эхо, 2009.
7. Стихи самарских поэтов. Владимир Осипов. Борис Сиротин / <http://gorodok.>
8. Сизов Ю.А. Биография // <http://www.bard.ru/cgi-bin/trackography/>
9. Сизов Ю.А. Биография // http://zhurnal.lib.ru/s/sizow_jurij_aleksandrowich/
10. Сизов Ю.А. Праведный край: Стихи.— Самара: Духовный собеседник, 2007.

«СКАЖИ, РОССИЯ, КАК ЖИВЕШЬ?»

Тема России в произведениях современных самарских авторов

Работу выполнила
ученица 10 «А» класса МБОУ СОШ
с углубленным изучением
отдельных предметов
«Дневной пансион-84»
городского округа Самара
Поликарпова Елена

Научный руководитель
Корягина Тамара Михайловна

Введение

Россия... Воспетая славой в веках, ты несешь свой тяжкий крест и, подобно птице Феникс, восстаешь из пепла и праха, сожженная, растоптанная, униженная, расстрелянная, распятая, но, несмотря ни на что, непокорная, гордая, свободная и святая Русь.

Наверное, нужно здесь родиться, вырасти, иметь русскую душу, чтобы горячо любить эту землю с туманом над рекой, с запахом сена на лугу, с седой задумчивостью облаков в бескрайнем небе, с малиновым колокольным звоном над белоснежным храмом...

Родина, Россия — основная тема произведений поэтов XIX–XX веков. Свою лепту в раскрытие этой темы внесли и самарские поэты. Большая часть жизни представителей старшего поколения прошла в Советском Союзе. Молодые поэты начали свою творческую деятельность уже в XXI веке и имеют свою точку зрения на проблемы современной России.

Цель исследования — проследить, какой показана Россия в произведениях самарских поэтов разных поколений.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач:

- провести обзор произведений о судьбе России В. Полякова, А. Воронцова, Б. Сиротина;
- проанализировать стихотворения И. Никульшина и В. Осипова, изображающие родные места России;
- отметить особенности восприятия современной России молодыми поэтами.

Актуальность темы не вызывает сомнения: тема России, многогранная и неисчерпаемая, близка каждому русскому человеку.

Новизна работы состоит в попытке определить особенности изображения России самарскими поэтами разных возрастов и разного уровня профессионализма.

В процессе работы были использованы произведения, опубликованные в журналах «Русское эхо» и «Молодежная волна» за 2010-2012 годы.

Работа имеет характер самостоятельного исследования.

Глава 1. Раздумья о судьбе России в произведениях самарских поэтов старшего поколения

1.1. «Две России» Виктора Полякова

Двойственное отношение к России испытывают поэты, перешагнувшие рубеж XX-XXI веков. Стихотворение Виктора Полякова так и называется «Две России».

Уже давно живу я в двух Россиях.

Одна — бедна и с детства мне близка.

В другой — помпезной, сытой и спесивой

Голодному не подадут куска.

В основе композиции стихотворения — антитеза. Объект противопоставления автора — те, кто «ютятся... в бараках, по подвалам», и те, кого «лазурный берег манит полежать».

В одной России — «изобретают, создают»,

В другой — «все это... «за кордон» —

на виллы продают».

Содержание стихотворения В.Полякова позволяет рассуждать о судьбе людей, живущих в нашей стране. К сожалению, это расслоение, подмеченное автором, характерно не только для тех годов, но и для нашего времени.

Автор рисует «уныло-безотрадную картину и делает вывод: общество, в котором люди с набитыми карманами «поют и пляшут беспробудно», безнравственно.

1.2. «Негасимая заря» надежды Александра Воронцова

Стихотворение Александра Воронцова тоже начинается с вопроса: «Скажи, Россия, как живешь?» Интересна композиция произведения. Каждое из пятистиший, входящих в состав стихотворения, заканчивается повтором одной из строк, несущей основную смысловую нагрузку:

*Скажи, Россия, как живешь?
Да и живешь ли ты, Россия?
Все так же колосится рожь?
И ковыли все так же сини?
Скажи, Россия, как живешь?*

Стихотворение-рассуждение о судьбе страны сопровождается рядом вопросов, которые явно не требуют ответов:

*Тебе заморские цари
Все так же не указ, как прежде?
И над тобою две зари
Все так же светятся надеждой?*

Они, скорее всего, служат своеобразными вехами, обозначающими этапы в судьбе России. Некую цикличность, предопределенность подчеркивают слова «все так же», повторяемые шесть раз. В стихотворении, пожалуй, есть все, что в нашем привычном понимании характеризует Россию: поля с колосащейся рожью, ковыльные степи, самостоятельность в принятии судьбоносных решений, открытость русской души («ты так же спишь, открывши двери?»), любящие сыны и дочери... Но самое главное, что отличает стихотворение А. Воронцова от упомянутых уже произведений, например, В. Полякова, это «две негасимые зари», которые «светятся надеждой». Стихотворение оптимистично. Неоднократно повторенное «я должен» подчеркивает активную жизненную позицию автора, желание сделать Россию счастливой.

1.3. «Дух Отечества» в стихотворениях Бориса Сиротина

Об этом мечтает и Борис Сиротин, чье имя знакомо многим самарцам. Автор тридцати сборников стихов, лауреат нескольких литературных премий, в том числе Всероссийской премии

имени А. Фета, в 2014 году будет отмечать свой 80-летний юбилей. В последние годы его лирика полна философских раздумий о быстротечности времени, о значении непреходящих ценностей в жизни человека, о судьбе России. Больно поэту слышать, как отовсюду звучит: «Пропала Россия, пропала!» Действительно, в стране, вступившей в XXI век, немало проблем, которые находят отражение в произведениях Б. Сиротина. Одно из стихотворений начинается антитезой:

*XXI — век разноцветных мельканий
И серой, обыденной жизни...*

«Что нового в нем?» — спрашивает автор и сам отвечает: «... тащат Россию в разные стороны, придают ей блеск заграницы...», «создали департаменты, мэрии», «русский батюшка над убиенными читает молебен», «умирает девочка с разрезанными венами...». Эмоциональная реакция на проблемы современной России выражается посредством эпитета «беззащитная» и разговорной лексики:

*Беззащитная Россия:
Поперек и вдоль
Рыщут два зеленых змия —
Доллар, Алкоголь.*

Такую Россию Б. Сиротин не приемлет. Но он видит и другую сторону, где соседствуют уважение к прошлому и вера в будущее. Рассмотрим стихотворение «Сумерки». Стихотворение, которое начинается привычной зимней картиной со снежирями на ветвях, у другого поэта, наверное, стало бы обычной пейзажной зарисовкой. У Б. Сиротина увиденное за окном вызывает философское размышление о сущности человеческого бытия, о непостижимой душе России.

Образ, нарисованный автором, необычен, создать его помогает и плеоназм («прозрачно особенной прозрачностью»), и эпитеты «невзрачны, таинственны». О чем это? Что символизируют «таинственные сумерки России»? Непостижимую русскую душу? Противоречивое восприятие действительности?

*И я смотрю в окно, оно прозрачно
Особенной прозрачностью, в окне
Предметы, что средь бела дня невзрачны,
Таинственны у сумерек на дне.*

Совершенно очевидно, что сумерки не вызывают страха. «Дух святой», как отблеск неба, озаряет светом души людей.

*Таинственные сумерки России,
Где глубина совместна с простотой;
И растворен в них в нежности и силе,
Как дальний отблеск неба, Дух святой.
Свет, задремавший на остатках Рима,
Как незаметно в этот вещий час,
Как незаметно и неумолимо
К себе самим он обращает нас!*

Контекстные антонимы в стихотворении подчеркивают противоречивость образа России, двойственность восприятия ее автором: в ней сочетаются глубина и простота, нежность и сила. Сущность ее нам открывается в «вещий час», истина, подкрепленная верой, отгоняет «мысли о гибели», что терзали душу. Лексические повторы, анафора подчеркивают трепетность автора и волнение по отношению к родине и еще больше убеждают в искренности чувств.

*Из мглы сомнений на родную сушу
ступаем мы; о краешек земли!
и мысли о гибели, что душу
терзали днем, растаяли, ушли.
А снегири давно уж улетели,
В окне лишь веток тонкая резьба,
А сумерки, синяя, загустели,
Но брезжит в них молитва и судьба.*

Поэт противопоставляет дневные «мысли о гибели» сумеречному душевному спокойствию. Такое состояние мысленного перехода от дневных тяжелых воспоминаний к «молитве и судьбе», внушающее веру в счастливое будущее России, напоминает философское стихотворение Тютчева «День и ночь». Там тоже образ ночи возникал как некое спасительное средство от безобразий дня, а вечер был переходным моментом от дня к ночи, от смерти к жизни. В финале «Сумерек» Б. Сиротина тоже наступает гармония в природе и душе человека, это внушает надежду, что не все потеряно в России, и пока есть вера, будет и родная земля.

В стихотворении «Два дыма Андрея Рублева» Б. Сиротин обращается к ценностям, на которых испокон веков держалась русская земля.

*Иконы Рублева написаны дымом —
Печным и лучинным, привычным, родимым.
И так этот дым ему выел глаза,
Что он заглянул за привычное, за...*

Этот дым, по мнению автора, — русский дух, который помог великому художнику «заглянуть за...» и создать шедевры. Иконы дороги автору, они излучают теплоту и свет, свет солнца, жизнелюбия. Оттого, наверное, лирическому герою кажется, что Рублев сумел увидеть больше, чем могут видеть простые обыватели.

*Он с кистью стоял над зияющей бездной —
И дым снизошел к нему тонкий, небесный,
Два дыма смешал он и кистью нанес —
И вот на левкасе явился Христос.*

«Тонкий дым Вселенной» и «горький и сладкий дым отечества» сливаются в единый образ Христа. Философский смысл стихотворения заключается в том, что поэт рассуждает и о природе мироздания, о том, что в мире есть гармония между дном, бездной, смертью и тонкими линиями божества, которое является к нам вместе с нашей верой. Эти «два дыма», два явления, которые существуют неразлучно друг с другом, и поддерживают баланс на земле:

*Не царственный муж, самый обыкновенный
Явился из тонкого дыма Вселенной,
Но только для этого необходим
Был горький и сладкий Отечества дым.*

В жизни бывают разные ситуации, и многие люди обращаются к Богу лишь в случаях безысходности и полного отчаяния. Наверное, русский народ настрадался за свою историю достаточно, чтобы сейчас насладиться божественной милостью духа из «тонкого дыма Вселенной». Но Борис Сиротин считает, что иногда даже вера одного человека способна воскресить павший народный дух и не дать погибнуть народному самосознанию:

*И говорю не нулю, на всю одну шестую:
— Я русский народ люблю, а стало быть, существую!*

По мнению поэта, все-таки главной ценностью в нашей стране является человек, простой человек с открытой душой и добрым сердцем. Именно о нем пишет Борис Сиротин в стихотворении «Глубинка». Незатейливая ситуация: в сельском клубе выступают приезжие артисты, собрались зрители:

*Доярки пришли, пастухи,
И слушают чудное пенье.
Душой принимают стихи.*

Стихотворение сюжетное, и автор продолжает свой рассказ: старушка, пожалевшая артистку с голыми плечами, решает отдать ей свою «шаленку».

*На сцену вскарабкалась смело
И ловко накинула шаль,
И словно бы звонче запела
Певица — про русскую даль.
А бабушка смеется и плачет,
А то вдруг сама подпоет.
Так вот он какой у нас, значит,
В глубинке душевный народ!*

В стихотворении Б. Сиротина дважды встречаются слова с корнем «душа», это и есть главное, что пытается постичь поэт. Душа народа, вера в Россию, вера в Бога и составляет то, что автор называет «Духом Отечества».

Глава 2. Православная Россия в изображении

И. Никульшина и В. Осипова

2.1. Родной край в лирических миниатюрах И. Никульшина

Россия... С чем ассоциируется у нас это слово? Для одних это — «широка страна моя родная», для других — «страна березового ситца», для третьих — «Россия — буря...». После прочтения стихотворений известного самарского поэта Ивана Никульшина не остается сомнений: для него Россия начинается с его малой родины, степного края:

*Где соломою пахнут хлеба,
Где лежат под кустами калины
Половецких князей черепа...*

Родной край поэта — деревня Сосновка, речка Грачевка, поля поспевающей ржи, березовые рощицы, озерца, заросшие осой... Этой неброской красоте посвятил поэт свои лучшие песни.

*Любимый мой край майским солнцем обласкан:
Зеленым костром запылали леса,
На светлых полянах аютины глазки
Синеют, как девушек наших глаза.
Приволье родное в рассветах румяных;
В ромашковом платье, в венке из лучей,
В березовой роще, как десять баянов,
Поет о весне голосистый ручей.*

Создается впечатление, что стихотворение представляет собой одну развернутую метафору: образ малой родины ассоциируется у И. Никульшина с девушкой «в ромашковом платье, в венке из лучей». Образ, нарисованный поэтом, настолько ярок, что напоминает калейдоскоп с меняющимися картинками. Созданию образа способствуют эмоционально окрашенные эпитеты («любимый край, приволье родное, голосистый ручей»), необычные сравнения и олицетворения. В стихотворении леса пылают «зеленым костром», ручей поет, «как десять баянов», черемуха, «совсем, как девчонка», «манит букетом цветов», клен у поэта — «друг закадычный», а «озерная гладь» кажется небом.

Удивительно светлую и теплую картину помогают создать многочисленные «цветовые» слова: это и «румяные» рассветы и характерные для образа России синий цвет (неба, озер, глаз девушек) и зеленый (леса, кусты, рощи).

Картина, нарисованная в стихотворении, дорога не только И. Никульшину, но и нам, живущим в Самарском крае, и мы вслед за автором повторяем:

*Наверно, с такой вот картины обычной,
Для нас начинается Родина-мать!*

Беззаветной любовью к родным местам проникнуто и стихотворение «Глухари».

*За притихшим селом, как всегда, на рассвете,
Окропленные светом весенней зари,
Так прозрачно и мудро тоскуют о лете,
Приглашая тетерок на ток, глухари.
И от этой тоски никуда мне не деться,
Я уйду за село, между кленов скользну:
Станет сердце во мне глухарем, а не сердцем
Колотиться и звать в голубую страну.*

Здесь не просто любование знакомым пейзажем с глухариным током, но и полное слияние с природой (почти растворение в ней), проникновение в глухариную душу с ее неизбежной тоской о чем-то несбыточном.

Глухариное пение в стихотворении представлено как некий ритуал, таинство. Действо происходит на рассвете. Глухари, «окропленные светом весенней зари», приглашают «тетерок на ток». Обращают на себя внимание необыкновенный эпитет «окропленные» (вспомним: окропление святой водой) и метафорические эпитеты «прозрачно и мудро» применительно к глаголу «тоскуют».

Глухариную тоску, зовущую лирического героя «в голубую страну», почти физически ощущаем и мы, читатели, благодаря удачно найденной метафоре «станет сердце мое глухарем». И произойдет чудо: «глухариной любви пронесется гроза» (еще одна удивительная метафора!), и лирический герой внутренне очистится, тоже окропленный, только теперь не светом, а «пламенем» чувства, заключенного в песне. Кстати, чередование гласных [э], [и], [у] создают звуковые вибрации, позволяющие и нам «услышать» глухариное пение.

В стихотворении много света, несмотря на «полутьму глухариного древнего леса», он и высвечивает самое лучшее, затаившееся в душе героя, что побуждает его сделать выбор:

И оставляю я там ружье из железа

И уйду,

И заплачут от счастья глаза!

Кажется, еще минута — и заплачем мы, потому что прозрели и вместе с героем открыли формулу счастья: надо просто любить.

Я настолько очарована лирикой И. Никульшина, как лирический герой пением глухарей, что не могу отказать себе в удовольствии проанализировать еще одно замечательное стихотворение — «Лунный свет».

Нынче в небе луна.

Ах, как светит она!

В лунном свете село мое тонет.

А туманная даль далека и близка,

Будто даль — у меня на ладони.

И течет, и колеблется призрачный свет,

В нем мне кажется все неслучайным:

Что ни всплеск — то вопрос,

Что ни шорох — то робкая тайна.

О звезда голубого, живого огня,

Словно лунная пала росинка!

И широким крылом осеняет меня

Задремавшая птица — Россия.

В этом стихотворении, как и во многих других произведениях поэта, много света. Ночь, но светит луна, «колеблется призрачный свет», на небе звезда — как отблеск «живого огня». С лунным светом часто связывают что-то таинственное и недосягаемое. И в стихотворении мы ощущаем это нечто таинственное и даже мистическое. Этому способствует и оксюморон «туман-

ная даль далека и близка», и сравнение в сочетании с метафорой: «будто даль — у меня на ладони». Кажется, лирический герой хочет приблизиться к раскрытию какой-то тайны, но она неуловимо ускользает от него. Отсюда это мерцание, призрачность, удачно переданные с помощью ассонанса на гласные [О] — [А] и аллитерации на шипяще — свистящие [ч], [ж], [з], [с]. Что же пытается постичь герой И. Никульшина? Может быть, таинственный образ России? Синтаксический параллелизм подчеркивает нелегкий процесс поиска:

*Что ни всплеск — то вопрос,
Что ни скрип — то секрет,
Что ни шорох — то робкая тайна.*

Но вот, кажется, образ найден:

*И широким крылом осеняет меня
Задремавшая птица — Россия.*

Птица... Это не гоголевская птица — тройка, несущаяся куда-то вдаль, хочется верить, что эта птица, как ангел, распростерши крылья, заслонит нашу землю от бед и несчастий. Наверное, не случайно И. Никульшин выбрал глагол «осеняет» (меня). Слово имеет несколько значений: покрыть своей тенью, затенить; осенить крестным знаменем (крестом) — перекрестить. В любом случае — закрывает собой или крестит — защищает и внушает веру в лучшее.

2.2. Путь служения России Владимира Осипова

С верой в Россию и Бога жил и творил православный поэт Владимир Осипов. Родился он в Самаре, окончил нашу школу № 84 (чем особенно горжусь!), учился в педагогическом институте, потом в Москве, в театральном, вместе с Ф. Бондарчуком и И. Охлобыстиным, снимал фильмы, писал прозу и стихи. К сожалению, его не стало в 2010 году, он умер от неизлечимой болезни, оставив нам в наследство удивительно чистые и проникновенные стихи о родной самарской земле, о Волге, о России, о вере и надежде, которые согревали его до последних дней жизни.

Владимир Осипов — человек с чувствительной и восприимчивой душой, что помогает ему видеть все, что происходит с нашей родиной. Его привлекают не большие города, а отдаленные места нашей страны, где можно ощутить естественную энергию родного края:

*В потрепанной роще осина
осеннюю болью полна.
Проселочная Россия.
Вечерняя тишина.*

Уже в первом предложении стихотворения «Родина» при помощи эмоционально окрашенного эпитета «потрепанный» и олицетворения осины он создает знакомый образ России. Метафорический образ «осина осеннюю болью полна» передает задумчиво-печальное настроение лирического героя. Пространственный хронотоп расширяется (осина — проселочная дорога), и становится ясно: Россия ассоциируется у поэта с этим печальным деревом. Появляется звуковой образ, вернее отсутствие звуков, тишина. Наверное, лирическому герою крайне важно ощущать силу безмолвия, тишину природы, чтобы ничто не мешало предаться размышлениям о духовном. Эта «негромкость» характерна для лирики В. Осипова, в этом можно убедиться, перечитав некоторые из его стихотворений: «Родина. Тишь над рекою» или «И негромкая родина слышит. Догорает негромкий закат...» и т.д.). Гармонию души с природой лирический герой может почувствовать только вдали от городов, рядом с «проселочной Россией».

*Исхожены эти дороги.
Даль пасмурна и свежа.
Тальник неказистый, убогий,
как чья-то больная душа.*

И снова ива, «тальник неказистый, убогий» сравнивается с «больной душой». Откуда эта боль, почему автор часто использует этот эпитет? Может быть, у самого поэта болит душа за судьбу родины? Статичность пейзажа не вызывает отрицательных эмоций, «даль пасмурна», но она и «свежа», нет дисгармонии, это обычные приметы осени, когда природа увядает. В это время она внушает нам какое-то чувство покорности и смиренности. Но именно этот пейзаж, привычный для русского человека, с «птицами, летящими вдаль», дорог нам и дает веру и надежду в Россию, за спокойствие которой и «жизни не жаль».

*Притихшие, стылые реки
и птицы, летящие вдаль, —
все это дано нам навеки,
за это и жизни не жаль.*

В лирике В. Осипова часто родной края является синонимом слова «Россия». У него есть непритязательные, но удивительно

искренние стихи о родной природе. Так, в стихотворении «Пейзаж» поэт использует парцелляцию, чтобы отделить каждую маленькую, привычную, но важную деталь пейзажа, чтобы мы могли найти привлекательность в природе своей малой родины:

*За оврагом редколесье.
Кучевые облака.
Жаворонок в поднебесье.
Баня. Изгородь. Река.
Тихо. Солнечно. Высоко.
И в округе — ни души.
На ветру звенит осока,
что-то шепчут камыши.
Дождь прошел... И слава Богу:
не нарушит он покой.
И теряется дорога
в чистом поле за рекой.*

Композиционно это стихотворение можно разделить на три части: в первой — короткие назывные предложения рисуют картинку сельского быта, взгляд лирического героя обращается то к небу, то к земле, здесь соединилось высокое и низкое: овраг и облака, баня, изгородь и поднебесье с жаворонком. Наступает покой в природе и душе. И это уже тема второй части стихотворения. Появляется знакомый образ: «И в округе — ни души». Природа потому прекрасна, что ничто не отвлекает лирического героя от процесса восприятия окружающего мира. Благодаря аллитерации на шипящие [ш], [ч], читатель тоже может насладиться звуками природы. Третья часть начинается со слов «Дождь прошел... И слава Богу...». Автор поставил многоточие, как будто давая читателю перевести дыхание, перечитать последние строки и понять, что спокойствие не нарушено и можно дальше любоваться «чистым полем». Заканчивается стихотворение образом дороги, уходящей вдаль. В понимании В. Осипова это путь, который должен пройти человек, чтобы понять суть происходящего и свою роль на Земле.

Чтобы подтвердить эту мысль, обратим внимание на еще одно стихотворение поэта «Услышать шорох листопада...»:

*Услышать шорох листопада,
увидеть звезды над собой,
почуять дым костра из сада
и ощутить чужую боль...*

В одном ряду однородных членов слова «услышать», «увидеть», «почувать» и «ощутить чужую боль». Очевидно, что главное для героя, для него нет выбора:

*...стать не пророком — сыном, братом,
идти по торному пути
и быть повсюду виноватым,
и крест свой до конца нести...*

Это путь В. Осипова, последние годы своей жизни он посвятил служению Богу. Не случайно все свои книги поэт издавал по благословлению правящего Архиепископа Самарского и Сызранского Сергия. Посмотрев на фотографию рабочего стола Владимира Осипова, я увидела на нем много икон. Наверное, каждый вправе сам выбирать для себя опору в жизни, и Владимир Осипов увидел свою поддержку в чистой вере в Бога.

*По России — снова стон.
родина, тебе поклон
за минуты роковые,
за вечерний тихий звон.
Незачем смотреть нам вслед.
Над Россией Божий свет.
Покрова — снег белый-белый,
И пути иного нет.*

В этом стихотворении звучит мотив благодарности своей родине за все пережитое. «Вечерний тихий звон» — это звон колоколов в церкви, призыв к миру и единению. Наверное, действительно «над Россией Божий свет», если мы до сих пор живем в стране, которая, несмотря на обиды со стороны человека, прощает и вселяет бесконечную веру в незыблемое, исцеляет души.

Глава 3. Россия глазами молодых самарских поэтов

3.1. Людмила Калязина

Россия XXI века... Шикарные особняки, незаслуженно богатые олигархи и заслуженные, но бедные пенсионеры, гуманная передача «Жди меня» и эталон безнравственности «Дом-2», спившиеся родители, отказавшиеся от своих детей, и люди, взявшие на воспитание детей-инвалидов, собачки в шубках из натурального меха и стаи бродячих животных на улицах... Все это приметы нашего противоречивого времени. Многие из них нашли отражение в произведениях молодых самарских поэтов.

Больше всего меня привлекли стихи Людмилы Калязиной. Ей 28 лет, родилась в Ростовской области, сейчас живет в Самаре. У нее уже есть три поэтических сборника: «Я остаюсь не пойманым мигом...», «Вся любовь да сбудется во мне...», «Рыцарь из картона».

Поэтесса затрагивает в своей лирике многие актуальные проблемы нашей жизни: дети-сироты при живых родителях, бомжи и пьяницы, непростые семейные отношения; она пишет о простых людях: дворничихе, которой хочется быть «королевой», водителе трамвая, бабушке, приехавшей навестить внуков, обделенных лаской... Она пишет о нас, о Самаре, о родном волжском крае, а значит — о России.

Почему меня привлекли стихи Л. Калязиной? Своей искренностью. Она не пишет с пафосом о великом русском народе, о наших безграничных лесах и полях, о жизни, к которой каждый стремится: идеальной, возвышенной и безгрешной. Она пишет просто и о людях России, и о городах, в которых они живут. Например, стихотворение «Самара». Казалось бы, привычная тема. Сколько раз мы читали о своем городе! Стихотворение Л. Калязиной уже композиционно отличается от других. Рефреном через все стихотворение проходит фраза-приглашение «Приезжайте в Самару».

*Приезжайте в Самару. Здесь улицы прямо от неба
И до самых заветных, заветных, забытых,
глухих уголков.*

*Приезжайте в Самару. Тут соли довольно и хлеба
Для хороших людей, и души — для хороших стихов.*

Уже в этих строчках автор передает характерные особенности нашего города. Город стоит на возвышении, поэтому улицы, особенно в исторической части, то поднимаются «прямо до неба» (красивая метафора!), то спускаются к Волге. Здесь много «заветных, забытых, глухих уголков» (ряд эпитетов), где в зелени деревьев прячутся старинные домики. Опять же права Л. Калязина: Самара всегда славилась солью и хлебом, которых не жалко «для хороших людей». Заманивает она в гости еще одной достопримечательностью города:

*Приезжайте в Самару...
Вам покажем над Волгой закат,*

а потом и рассвет...

Но самое главное богатство Самары, на мой взгляд, — люди.

*Приезжайте в Самару. Мы вам ничего не подарим,
Кроме наших улыбок и наших открытых сердец...*

Доброта, искренность, открытость — основные черты россиян (и, конечно, самарцев), которые отмечают все, приезжающие к нам в страну. Л. Калязина принимает город таким, какой он есть, не стыдясь его «пыльных одежд», принимает, как «апостолы правду Христа». Поэтому поэтессе непонятны те, кто покидает родину, Россию.

*Так вышло, что с душою нараспашку
Вернулся я в родимые края.
Перрон. И пальцы ветра под рубашкой.
Ты, родина, все девочка моя.
Та самая, что прежде отпустила
Меня, юнца, на поиски себя.
Которая меня благословила
И росами оплакала, любя.*

Лирический герой возвращается на свою родину из долгой заграничной поездки, он осознает, что там была не настоящая жизнь, а сон: «Иначе не назвать никак разлуку» — // Мельканы городов и лиц чужих». Сейчас модно уезжать за границу, если есть деньги, покупать там дом, заводить бизнес. Но не все могут остаться навсегда за границей, и они возвращаются в Россию. Поэтесса рассказывает об одном из вернувшихся на родину. Человек только что сошел с поезда. Он сравнивает себя не с блудным сыном из библейского рассказа, а с обычной дворовой собакой. Только сейчас приходит прозрение:

*Я без тебя такой же сиротинка,
Как этот пес, что лезет под вагон.*

Человек благодарит судьбу за то, что вернулся в родные края («понял я, что принят и прощен»), и у него возникает идущее от сердца желание, понятное и нам, читателям:

*А можно я сейчас раскину руки,
Обняв тебя, на сколько хватит их?*

Л. Калязиной не понять тех, кто уезжает из России в поисках лучшей жизни, кто не дорожит местом, где он родился. Если говорить начистоту, кто из нас не слышал, что за границей люди живут богаче. Да, некоторых не устраивает жизнь в России, и они уезжают далеко за пределы родины.

«Ну, а мы живем в России», — пишет поэтесса и подчеркивает самобытный характер народа, идущего своим путем:

*Мы свои снимаем фильмы, пишем книги, ставим пьесы.
И своих — не из пробирки — честно делаем детей.
Это в нас нашли слиянье грех земной и дух небесный.
Это мы приходим к Богу или гибнем от страстей.*

Финал стихотворения — это еще один перифраз на тему «Умом Россию не понять...». Автор создает метафорический образ многострадальной, прошедшей многие испытания, но непобедимой и хранимой Богом страны:

*По России звезды сохнут, над Россией небо плачет.
Но росистые рассветы искупают кровь и боль...*

Такова Россия, представленная в стихотворениях Л. Калязиной, где слились «грех земной и дух небесный».

Да, в нашей стране много противоречий: рядом уживаются мягкость, трепетность души и жестокость; агрессия; бескорыстие, доброта и алчность; прижимистость и расточительство, целомудрие и разврат... Носителями этих качеств являются люди, живущие рядом с нами.

В обществе, как в зеркале, отражается деятельность и мысли каждого человека. От нас зависит, посадить дерево возле дома или нет, накормить собаку или бросить в нее палку, пожалеть бездомного человека или прогнать его из подъезда в минус 30. Когда важнейшие нравственные ориентиры будут установлены, тогда мы можем говорить о благополучии и духовности общества, о могуществе великого государства.

*И в снег, и в пронзающий ветер
Приюта душе не найти.
А если и солнце не светит,
То как ей не сбиться с пути?*

Россия многонациональна, на ее территории живут люди с разными судьбами, разными взглядами, трудно говорить об особенностях нации в целом, но можно рассмотреть некоторые черты русского народа, отрицательное влияние которых отражается и в культуре, и в качестве жизни, и даже в народном самосознании, потому что меняются приоритеты:

*Плачет некрасивая принцесса:
Добрый друг решил на ней жениться.
— Папа твой ключи от «Мерседеса»
Мне вручил как будущему принцу.*

Похоже, Людмила Калязина как истинный романтик размышляет о том, что важнее в жизни современных людей: душа

или материя? Догадываетесь, что побеждает? Стихи поэтессы побуждают задуматься о смысле жизни. Люди не вечны, одно поколение непременно сменяется другим, нам нужно понять, что у всего на земле есть свой срок, кроме памяти, идеи, духа, а русский дух — это и есть основа нации.

К сожалению, в последнее время все больше пишут о падении нравственности, и страдают от этого, прежде всего, дети — будущее нашей страны. Л. Калязина с болью пишет о земных страстях, которые калечат детские души:

*Праздник сегодня — Девятое мая.
Курит в подъезде соседский пацан.
Отчим, видать, хорошо отмечает.
Да и когда он бывает не пьян?*

Рассказывает поэтесса и о Сашке, у которого:

*Мамы нет, а отец опять вчера побил.
Семь годков, но в сердце столько боли.*

Узнаем мы и о девочке Полечке, которой еще и тринадцати нет, но она уже «зарабатывает» в «пустой подворотне», потому что у нее нет родителей, а тетка грозит сдать в детдом.

Что же сделать, чтобы «дух небесный» восторжествовал над «грехом земным»? По мнению Л. Калязиной, нужно помнить, что есть общечеловеческие ценности: дети, родители, дом, где царствует любовь. У нее есть стихи, где дом представлен как «недостроенный храм». Героиня одного из стихотворений понимает: «Если отречься от земных страстей («денежной гонки», «нетрезвых объятий»):

*Мне станет тепло от огня
Моей негасимой лампадки.*

И, самое главное, нужно принять свое несовершенство, исповедаться перед самим собой и попросить у земли, родившей нас, прощения. И тогда Россия вновь обретет свое спокойствие и гармонию, и все пойдет своим чередом:

*Я белый ангел, только и всего.
Я первый снег, спасающий вам души.*

3.2. Денис Домарев

По-иному к раскрытию проблем современной России подходит молодой самарский поэт Денис Домарев. В ироничной форме он выражает свои мысли в стихах, опираясь на современное положение России и на свое индивидуальное видение

несовершенств нашей страны. Мы не проводили подробного литературного анализа стихотворений Людмилы Калязиной и Дениса Домарева из-за специфического разговорного стиля поэтов. Это не означает, что их стихи лишены образности. Наоборот, лирика современных поэтов очень эмоциональна, по своему глубока и интересна прежде всего своей доступностью для читателя.

Прежде чем представить несколько стихотворений Дениса Домарева, хочется рассказать о самом поэте, иначе можно не оценить его оригинальности. Денис Домарев родился в Куйбышеве в 1982 году, учился до 10 класса в нашей школе № 84, окончил пединститут, живет в Самаре. Им написана книга «Творения гения, или Пакости бездарности» (2007 г.). Он является членом Союза писателей России, руководителем молодежного отделения Самарской областной писательской организации и Самарской областной организации молодых литераторов, главным редактором журнала «Молодежная волна». Занимается поиском и поддержкой молодых литераторов в Самарской области, популяризацией творчества молодых авторов в губернии. Мне самой удалось пообщаться с Денисом Домаревым на одной из литературных встреч в моей школе, куда он был приглашен в качестве выступающего. Именно тогда я впервые заинтересовалась его творчеством и отметила, что поэт пишет в жанре юмористической поэзии, поэтому в его лирике часто можно почувствовать игривое настроение и самоиронию: «Поэтом можно быть плохим, // А можно быть, как я, хорошим. // И повсеместно я любим, // И на цитаты я разложен» («Стихи о хорошем поэте, обо мне»).

У современных поэтов однозначно есть свой, порой оригинальный, стиль, который основывается на простоте речи, часто резкости и прямолинейности суждений. Вот, например, стихотворение Дениса Домарева «Я и Путин»:

*Все распродали задарма,
Остались сами с голым задом.
Такая вот у нас страна,
Взглянуть боишься трезвым взглядом.
У всех — одно: где денег взять.
У каждого — свои заботы.
Всем на Россию наплевать,
Лишь я и Путин патриоты!*

Смешно так, что аж плакать хочется, не правда? В одно восьмистишие вместились глобальная проблема отсутствия духовных ценностей у людей. В России не привыкли вкладывать в дело много денег, все хотят только быстрой прибыли. Наверное, поэтому из нашей страны уезжают за границу ученые, которые не находят поддержки у себя на родине. Гонка за деньгами делает нас чужими в родной стране, мы готовы продать природные богатства, отдать свои леса под застройку, а в итоге, что получаем? Несчастных и подозрительных людей, которые активно борются с российской коррупцией, а себя в этом плане жалеют и обходят стороной. Денис Домарев в своем стихотворении шуливо называет двух последних патриотов России, которые указаны в названии: «Я и Путин». Скорее всего, поэт и себя причисляет к тем, у кого «свои заботы», и, судя по следующему стихотворению «Путин и Чубайс», родина для поэта начинается с крепкой политики государства:

*В жилых домах погасли окна,
И лишь в Кремле огонь горит.
Без пиджака в рубашке модной
Один наш президент сидит...
Работа движется нескоро,
И президент совсем устал...
...Но нет! Огромная, большая
Страна его указов ждет.
Народ надеется. Он знает,
И он народ не подведет.*

Конечно, это ирония, и, конечно, Денис Домарев через восклицание «Но нет!», которое звучит с некоторой издевкой, критикует бездействие государственного аппарата и неэффективность проводимой политики. С другой стороны, страна действительно ждет, когда наконец в жизни что-то поменяется. Поэтому не хочется возвращаться к ситуации, отмеченной в финале стихотворения:

*...Ведь если вдруг Чубайс проснется,
Опять работать при свечах.*

Мы не будем ругать того или иного политического деятеля, просто отметим, что капиталист живет, наверное, в каждом из нас. Мне кажется, Денис Домарев прочувствовал это, отчего его ирония соседствует с грустными нотами.

Таким образом, лирика современных писателей отражает «больные места» нашей родины, России, бьет в самое сердце своей неприкрытой очевидностью и вызывает искреннее сочувствие к себе и жизни своего народа. Поэты во многом опираются на свой опыт, и от лица всех современников хочется сказать: «Родина — она одна, давайте начнем уже защищать, а не грабить ее».

Заключение

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам:

- представители старшего поколения находят много негативного в современной России, поэты постоянно обращаются к своим воспоминаниям, сравнивая страну в прошлом и настоящем; в то же время А. Воронцов создает светлый образ родины, у него вызывает уважение русский человек, облагораживающий свою землю, с ним и связывают автор надежду на возрождение России; Б. Сиротин обозначает в своей лирике проблемы XXI века и видит их решение в искренней вере в Бога и русский народ.
- внутренний мир И. Никульшина и В. Осипова основан на вере в Бога и надежде на лучшее будущее, они отдаляются от городов, чтобы стать ближе к природе родного края, почувствовать духовную связь с ней и обрести гармонию;
- современные самарские поэты, Людмила Калязина и Денис Домарев, воспринимают Россию со всеми ее недостатками и с помощью иронии стараются донести до читателя проблемы современного общества.

Россия меняется с годами так же, как и восприятие ее талантливыми поэтами Самарского края. Одни предаются безграничной любви к своей родине, дают волю воспоминаниям, лелея ушедшие годы. Другие верят, что Россию находится под божественной защитой и людям нужно больше времени уделять общению с природой родной земли. Третьи не всегда одобряют современную жизнь, но уверенно смотрят в будущее, потому что идут в ногу со временем. Так или иначе, проделанная работа заставляет задуматься о том, что патриотизм живет в наших сердцах, мы так же любим свою страну и способны писать стихи о своей родине, как и великие поэты прошлых веков.

Список использованной литературы

1. Анищенко М. Стихи / Журнал «Русское эхо» — № 10. — 2012.
2. Воронцов А. Стихи / Журнал «Русское эхо» — № 10. — 2012.
3. Домарев Д. www.stihi.ru
4. Калязина Л. «Ну, а мы живем в России...»: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2009.
5. Никульшин И. Стихи / Журнал «Молодежная волна» — № 7. — 2011.
6. Осипов В. За наших: Поэзия. Проза. — Самара: Русское эхо, 2012. — 460 с.
7. Поляков В. Стихи / Журнал «Русское эхо» — № 4. — 2012.
8. Семенов В. Стихи / Журнал «Русское эхо» — № 1. — 2012.
9. Сиротин Б. Избранное. — Самарское отделение Литфонда России, 2001. — 384 с.

СТРАНИЦА
«ЛЕТОПИСИ РУССКОЙ ГОЛГОФЫ»
АЛЕКСЕЯ СОЛОНИЦЫНА

по повести «Врата небесные»

Работу выполнила

ученица 8 «А» класса МБОУ СОШ
№ 3 с углубленным изучением
отдельных предметов имени Героя
Советского Союза В.И. Фадеева
городского округа Самара
Пономарева Ирина

Научный руководитель

Пономарева Тамара Николаевна

Введение. Истоки духовности
русской художественной литературы

Православные храмы и монастыри — это истоки русской духовной культуры. К такому выводу я пришла, совершая путешествия по Золотому кольцу России, на Беломорье, по городам Поволжья. В Саратове и Волгограде, Нижнем Новгороде и Ярославле, в Ростове Великом и Костроме, в Самаре и, конечно, в Москве — всюду нас встречали золотые купола величественных сооружений сказочной архитектуры, например, Храм Христа Спасителя. Незабываемые впечатления произвели на меня и северный Соловецкий монастырь, и Макарьево-Желтоводский возле Нижнего Новгорода.

Церковь издавна являлась центром жизни русского человека. Несколько дней отроду младенца — будь он крестьянских или княжеских кровей — приносили в Божий храм крестить, и весь его дальнейший земной путь был связан с этой святыней. И неудивительно желание наших предков выделить церковное строение из ряда других построек. Храм должен был превосхо-

дить все окружающие здания красотой и прочностью, возвышать душу. Белоснежные церкви Русского Севера, узорчатые московские и самарские храмы — все это песнь о любви человека к Богу.

После Октябрьского переворота 1917 года, когда в стране началось победное шествие атеизма, были закрыты монастыри и церкви, изгонялись церковные служители, многие из них оказались в тюрьмах и ссылки. Такая же участь постигла и Иверский женский монастырь в Самаре, где монахини были подвергнуты чудовищной казни. О гибели семи насельниц монастыря поведал известный писатель, наш земляк А. Солоницын в повести «Врата небесные».

Прочитав это произведение, я поставила цель — раскрыть идейное содержание и особенности художественного мастерства автора. Для этого необходимо выполнить следующие задачи.

Определить главную мысль и систему образов; особенности композиции; роль пейзажа; роль портрета как средство характеристики образа; стилевые особенности речи; художественные средства языка.

Доказать духовное превосходство насельниц монастыря над их палачами.

В аналитической работе над повестью Солоницына была использована статья протоиерея Сергия Гусельникова «Летописец русской Голгофы», в которой он доказывает, что вся русская культура, в том числе великая русская литература, «вышла из монастырских врат и есть зеркало Евангелия и всего Священного Писания».

В современной литературе таким автором является известный писатель Алексей Солоницын, создавший целый ряд правдивых произведений о лучших людях Отечества. Его повесть о самарских монахинях-мученицах «Врата небесные» проникнута мыслью о том, что «без истинной веры в Бога, жертвенной любви к Нему и надежды на жизнь будущего века невозможно победить зло».

Обычно проблему духовной культуры, ее значения в жизни общества и государства поднимают публицисты. «Врата небесные» — это художественное произведение. Поэтому перед автором стояла далеко не простая задача — представить трагическую картину гибели последних насельниц монастыря не как документальную хронику, а как живую, выстраданную страницу человеческих судеб.

Центральная часть повести состоит из десяти глав: это новеллы о мирской жизни семи монахинь, где раскрывается их внутренний мир, а также причины ухода в обитель.

Основная часть. Идеино-художественное мастерство А. Солоницына в повести «Врата небесные»

Глава 1. Александра — сестра Феодора

Галерею образов иверских монахинь открывает Александра — купеческая дочь, воспитанная в строгих правилах.

А. Солоницын удачно использует распространенный литературный прием: герой перед лицом смерти вспоминает и осмысливает прошедшую жизнь, значительные в духовном плане события, по-новому оценивает окружавших его людей. Одновременно читатель видит человека, стоящего перед порогом вечности, перед Небесными вратами и просматривает его путь, пройденный до этого последнего порога.

Александрке нравился размеренный ход жизни ее семьи: «Жизнь шла, как отлаженный механизм у больших напольных часов». Хотя не было ярких событий и запоминающихся встреч, Саша не испытывала тоски, любила читать, много вышивала, постоянно молилась в церкви.

Спустя год после окончания гимназии она уже не знала, куда себя деть. Вот тогда-то напольные часы стали тикать и звенеть не радостно, как раньше, а тоскливо и уныло. Кольцо внутреннего одиночества Саши сжималось все сильнее. Не спасла и попытка общения с передовой молодежью. Во-первых, ее смущало развязное поведение молодых людей. Во-вторых, воспитанная в православных традициях, она не приняла громких рассуждений студента Ярцева о темноте и дикости русского народа, находящегося «под влиянием церкви и попов». Его призыв идти в деревню с целью пропаганды идей свободы, равенства, братства и уничтожения религии Александра категорически отвергла и высмеяла с присущей ей смелостью: «Если вы в деревне скажете, что человек произошел от обезьяны, а не есть творение Божие, вас просто огреют дубиною по башке. Вы в университете учитесь, а безграмотны хуже гимназера 4 класса. Божественный акт творения не может быть доступен пониманию ума человеческого. Человек создан по образу и подобию Божию»¹.

¹ Солоницын А. Избранное. Книга II. «Самарский Дом печати», С. 202.

Саша умна, самостоятельна в суждениях, самолюбива. Ее оскорбило презрительное отношение молодых кружковцев: «Купчиха! Отсталость!» От встречи с ними родилось чувство злости и недовольство своей внешностью: крепкие плечи, руки, а также пухлые щеки. Зато ей достался волевой отцовский характер и материнская набожность. Вера в Бога спасает ее от отчаяния. Она понимает, что только в церкви может обрести спокойствие, уверенность в себе и смысл жизни. Александра идет в Храм Вознесения Христова на исповедь к своему духовнику — отцу Иоанну.

Описание его портрета начинается со слова «глаза». Это самая яркая деталь во внешнем облике человека, характеризующая его внутреннее состояние. Глаза — зеркало души. Они играют доминирующую роль и в иконописи, и в портретной живописи, и в художественной литературе. У Солоницына описание глаз не столько средство художественного выражения, сколько средство раскрытия евангельского образа: «Светильник для тела есть око... Если же око все будет худо, то все тело твоё будет темно». Итак, портрет отца Иоанна: «Глаза бледно-голубые, высветленные временем, кожа на лице тонкая, слегка розовая на щеках. От его облика веяло теплом, чистотой, и был он таким родным и близким...»

Всю глубину чувств, всю боль души Саша может доверить только ему. Отец Иоанн размышлял: «Как не видеть, что сердце у нее — чистое золото? В глазах-то вся душа светится. Ах, балбесы, балбесы...» По совету о. Иоанна Саша стала учиться шить золотыми нитями, а вскоре вышила покровец для церкви. Так ей открылся смысл жизни: «Если посвятить всю свою жизнь Богу...» Окончательно определила ее судьбу встреча с матерью Маргаритой, игуменьей Иверского женского монастыря. Именно она предложила Александре открыть в монастыре золотошвейную мастерскую: «Жизнь-то у тебя сразу с большим смыслом станет».

В мирской жизни Саше пришлось пережить и предательство жениха Федора: «Он мне в любви клялся. А тут говорит: «Ладно, стерпится — слюбится». Но она пока не может подняться над своим чувством и молиться за обидчика не умеет: «Обида такая, что черно в глазах». И вот «тарелку с селедкой... шваркнула Федьке в морду, тарелку с икрой — да опять ему по роже, и соленые помидоры ему на башку!» Однако решение уйти в монастырь Саша

приняла не сгоряча, а обдуманно: «Еще неизвестно, сгожусь ли я в монахини. Это честь великая — молиться за всех сразу».

Самой яркой страницей в монастырской жизни сестры Феодоры (Саши) была встреча с Петром Владимировичем Алабиным. Автор рисует его выразительный портрет: волевые, зоркие глаза, коротко остриженные седые волосы, седые усы. Статный, сильный, сразу располагающий к себе. Когда Алабин предложил сестре Феодоре вышить знамя братьям-болгарам, чтобы они всегда помнили, что бьются за веру Христову и что они не одиноки в борьбе, его предложение с радостью было принято. Более того, молодая монахиня показала, что она в состоянии вести ученый спор с художником по поводу цветов: «Но только я знаю, что цвет святости — белый. А цвет синий — это цвет Богородицы, потому у Русской церкви это два главные цвета».

Героическое сражение болгар под покровом Иверской Божьей Матери сестра Феодора увидела во сне. Знамя реет высоко, залито солнечным светом, нашему воинству нет числа, до самого горизонта видны идущие в бой дружины православные. Да кто же может их победить? Никто и никогда! Теперь сестра Феодора знала, что Покров Божьей Матери Иверской был над ней в самые высшие мгновения ее жизни. И теперь он над ней — вот в эту грозную минуту, когда расстается она с земной жизнью.

Читатель словно пробуждается ото сна: перед ним иверские затворницы. Вой ветра, удары волн о баржу, треск доски — все это пугает предстоящими муками. Больная послушница Авдотья кричит: «Страшно! Будь они прокляты, звери! Нет, они хуже зверей: те на такое злодейство неспособны». Сестра Фотиния обнимала Дуню и гладила по голове: «Не надо, Дуня, не надо, милая. Мы никого проклинать не должны, нельзя. Вспомни, как Спаситель наставлял: молитесь за врагов своих». Сестра Марфа низким, зычным голосом начинает читать молебен. И самые слабые сердца, как у болящей Дуни, укрепились. А сердца, закаленные в горниле любви к Спасителю, уже горели молитвенным огнем.

Глава 2. Вера — сестра Марфа

По мнению А. Солоницына, каждый человек имеет свое предназначение. Не только в монастыре, но и в мирской жизни он несет свое «послушание». Вере (сестре Марфе) «Господь определил навести наконец в этой жизни чистоту и порядок».

Внешне некрасивая и грубая девушка из рабочей семьи, с сильными руками, красными ладонями, Вера — враг любой грязи: и бытовой, и нравственной, и духовной. Сколько себя помнила, она все время мыла и стирала.

Во время встречи с монахиней Евфросинией из Иверского монастыря она помогает «красавице» полоскать белье. К пьяным гостям отца, которые пристают к ней, она испытывает физическую брезгливость. А когда отец безжалостно, зверски избивает Веру и ее мать, этот произвол вызывает у нее такой гнев, что дочь вступает с отцом в драку и бьет его табуреткой по голове.

Не случайно автор дал своей героине имя Вера. Вера — основополагающее понятие в жизни героев Солоницына. Она не только помогает человеку мужественно претерпеть все испытания и спокойно встретить смерть, но и дает нечеловеческие силы — молиться кротко за врагов. Однако это пришло к героине не сразу. Испугавшись ярости отца, готового убить ее, Вера живет в постоянном ожидании кровавой развязки их семейной драмы. Не получив помощи у священника Игнатия, она решает расстаться с жизнью. Нет, она не черствый, огрубевший душою человек. Наоборот, ее сердцу свойственно чувство жалости, сострадания и любовь ко всему прекрасному.

Именно ей открывается великолепный волжский пейзаж — творение Божие. «Справа, в дымке, виднелись Жигулевские горы. У поворота реки, близко сойдясь, они высились так, что получались врата для реки. Сейчас солнце хорошо освещало горы. Покрытые хвойным лесом, они были почти голубыми, охваченные снизу белой рекой, а сверху синим небом.

— Благодать Божья, — думала Вера, глядя на простор реки, на горы, на небо. — А мы живем в грязи и смраде. Почему в домах вонь, во дворах помойки и крысы? Неужели нельзя сделать жизнь чистой? Ну хотя бы не так загаживать Божий мир? Вон Он устроил все прекрасно. Живите, радуйтесь! Сколько раз отец Игнатий говорил, что человек создан по образу и подобию Божию. Но почему отец мой превратился в зверя? — и нашла ответ: «Потому что живет без Бога. Человек без веры в Бога разрушает и свою бессмертную душу, и прекрасный Божий мир»¹. Слова Веры (монахини Марфы) звучат так, как будто сказаны сегодня.

¹ Летописец русской Голгофы / С. Гусельников // Русское эхо. — № 3. — 2010. — С. 284.

Именно красота мира и человека в нем спасает Веру от рокового поступка, когда она стоит на пороге жизни и смерти. Во время беседы с игуменьей Вера так рыдала, что та была потрясена: «Это что же... это сколько же ты претерпела...» Она вытирала девушке слезы и гладила ее по голове.

В монастыре послушница Марфа (Вера) научилась прощать своих обидчиков и молиться за них. «А я за тебя и за маманю все время молюсь», — говорит она отцу, пришедшему с покаянием к дочери. Монахиня Марфа не просто добра к ближним, она самоотверженна.

Увидев возле Сретенского храма двух девочек, убежавших из деревни от голода, сестра Марфа стала их спасительницей. Исхудавшие Паша и Варя (так звали этих сестренок), состоящие из кожи и костей, да еще синих васильковых глаз, перевернули ее сердце. Она ощущала себя матерью для всех детей сразу, молилась о них непрерывно и работала целый день для них. Паша и Варя тоже стали ее детьми.

Перед смертью именно сестра Марфа, самая сильная из монахинь, закрывает своим телом пробоину в барже, хотя сама застывает от холода. Именно она своим зычным голосом читает сестрам молебен, давая им силы выдержать страшные муки, на которые обрекли их «люди в фуражках и гимнастерках».

Глава 3. Любовь — сестра Евфросиния

Всю силу авторской любви А. Солоницын вложил в образ монахини Евфросинии (Любушки). Сердце ее матери таяло от счастья, когда она смотрела на свою маленькую чудесную дочку. Рисуя портрет девочки, автор использует целый арсенал художественных средств языка: и эпитеты, и метафоры, и сравнения. «Голубенькие глазки стали синими, будто речка плеснула в глаза осенней водицей»; «желтые волосенки вились колечками»; «ножки стали... ровненькими»; «нежное, мягкое, пахучее тельце». «Чудо», «чудеса», «чудесное» — это словно талисман Любушки, он не покидает ее всю жизнь. В 6-7 лет в церкви слышится чистое, правильное, возвышенное пение девочки. Это чудо! «Все замерли, услышав ангельское пение. У отца Василия выступили слезы». Ощущение неземной красоты и чистоты не покидает читателя, когда он видит Любушку уже девушкой в храме Иверского монастыря. «У девушки было такое чистое лицо, что монахиня-регент неволью залюбовалась ею». Мотив

красоты и чистоты постоянно сопровождает героиню. Вот она пришла в цветник монастыря. Автор подмечает: «Было чисто, свежо, празднично». А Люба словно дополняет его впечатление: «У вас здесь как в раю». Взволнованная увиденным в монастыре, девушка не может заснуть. Лунный свет сотворил чудо: «Сад, церкви, колокольня, все дома монастырские были облиты ясным лунным светом». Короткая пейзажная зарисовка помогает автору передать высоту духовного мира Любушки. Чудо, открывшееся ей, породило чудесное прозрение: «Это мое», — поняла Любушка, встала на колени пред иконой Богоматери и молилась, что обрела чудесный дом. Это было как прекрасный сон.

Теперь монахиня Евфросиния, когда ей предстоит войти во врата Небесные, находится все на той же духовной высоте, у нее нет ни слез, ни раскаяния, ни сожаления. Она знает, что служение Богу — призвание. А для этого необходима вера. Вера — это как любовь. Кому-то она дается, а кто-то не в состоянии понять ее необходимость. Сестра Евфросиния благодарна судьбе, что в ее жизни был отец Василий, сестра Феодора, которая привела ее в монастырь. Ее мечта сбылась, жизнь прожита в согласии с душой. У нее не было семьи, так как Господь дал ее иное назначение: молиться не только за ближних, но и за дальних.

Вообще Солоницын почти не пользуется распространенным в современной прозе методом изображения действительности через поток сознания героя. Для него важнее передать внутренний душевный мир человека, жизнь его сердца, а не воспаленного ума¹. В этом плане сестре Евфросинии противопоставлен ее искунитель Яков Корецкий. В его портрете автор передает мятущуюся душу, полную сомнений, страстность: лицо как будто опаленное огнем, глаза так и сверкали, острые скулы, прямой нос, впалая грудь. Сестра Евфросиния познакомилась с ним, когда ухаживала в больнице доктора Постникова за больными и увечными. Корецкий буквально требовал, чтобы она научила его верить и убедила в необходимости веры. Он же пытался опрокинуть и сокрушить самое святое в сознании девушки: «А может, вы и не веруете в Бога? Может, только Христом прикрываетесь?» Однако сестра Евфросиния вышла победительницей из этого словесного поединка: «Бог есть любовь. Но есть и наказание Господне за грехи наши. Никакой безмозглости здесь нет. Просто есть вера,

¹ Летописец русской Голгофы / С. Гусельников // Русское эхо. — № 3. — 2010. — С. 285.

в которой у меня нет сомнений». В голосе Корецкого раздражение, обида, злость: так далек он от евангельского мироощущения. «Вы прочли много ненужных книг, и оттого мозг ваш горит. Читайте Евангелие, больше ничего не нужно», — говорила сестра Евфросиния.

Вскоре Корецкий уехал на фронт, где был убит в бою под Свенцьянами. Все свое имущество он завещал Иверскому монастырю, а фамильные драгоценности, прекрасные часы и тетрадь с вопросами о Боге — сестре Евфросинии. Драгоценности она отдала монастырю, а тетрадь оставила себе.

Теперь, перед уходом из земной жизни, у нее нет сомнений в том, что тайну самой жизни знает лишь Господь. Бог есть все сущее. Вот Яков Корецкий решил быть умнее Бога, и голова его пошла кругом. И он погиб — сам полез под пули. И в мыслях пронеслось: «Богородице, Пресвятая и Пречистая! Не скорблю и не ропщу, а радуюсь, что принимаю смерть во светлое имя Твое...».

Такова любимая героиня А. Солоницына Любовь — чистая, цельная, искренне преданная Богу.

Глава 4. Прасковья и Варвара

Глава, посвященная Прасковье и Варваре, — это новая творческая удача автора. На барже смерти, в залитом водой трюме, мы видим двух юных девушек. Они сидят рядом с умирающей сестрой Марфой. Скупое, отдельными штрихами А. Солоницын показывает контраст жизни и смерти. Паше и Варе здесь страшно и жутко — это правда жизни. А что еще может испытывать юное существо в этой ситуации? Но другие монахини более сдержанны, не потому, что они старше, а потому, что у них богаче духовный опыт. Сестра Евфросиния читает канон молебный. Когда она запевала, все подхватывали молитвенное пение. И в это время Паша и Варя забывали о страхе смерти. Голоса сестер звучали стройно, как в храме, и не было в них ни тоски, ни отчаяния.

Юная жизнь на плахе земной! Как вынести это достойно? Где взять силы? Изображая не поступки, а поведение своих героинь, автор отвечает: «В вере!» Но путь к ней тяжелый и тернистый.

Вторая сюжетная линия этой главы — жизнь крестьянской семьи во время голода в Поволжье, потому что герои ищут спасения от него в Самаре.

Здесь и бытовая зарисовка семейной жизни (смерть отца Прокофия), и описание пути в Самару деда Кузьмы с внучками, и их трагическая встреча с грабителями, и финальная встреча девочек с сестрой Марфой — их будущей духовной матерью.

Повествование о событиях ведется от лица автора. Одна особенность авторской речи в том, что он выступает как бы в двух лицах: один рассказчик заинтересованно наблюдает за событиями, а другой повествует о них от лица крестьянина, давая народную оценку происходящему. Такое разнообразие стиля в произведении — это характерная черта мастерства А. Солоницына.

Вот дед Кузьма, легкий, белый, как одуванчик. Помолится, перекрестится, пососет сухарик, водички попьет — и за дела. Самый здоровенький в семье. Любимое дело у него плотницкое, да сейчас никому не нужно его уметь. Вот и мастерит для внушек всякие забавы. Дед, как и все крестьянство, тяжело переживает разорение деревни при новой власти. Автор как бы озвучивает мысли деда: новая власть церкви разграбила, растащила по кирпичику, иконы и святые книги сожгли, коров и бычка забрали в колхоз, всю скотину забили, мясо продали и сожрали. Зубы на полку. Помощи ждать неоткуда. «Ныне выручает какой-то «Помгол», да разве до них помощь дойдет? Скорее этот «Помгол» сам от голода сдохнет».

Перед смертью Прокофий приказал домочадцам уходить в Самару, так как «там храмы остались», а «тута одна смерть». Так что для крестьян храм — это символ жизни. Дед Кузьма согласен с ним: «Где храм — там народ православный, выручит. Последней корочкой поделится».

Несмотря на голод, дед и внуки в Самару шли бодро и весело, вспоминали радостную Пасху, как во время дождя все прижимались к стенам храма, как к матери родной, радуясь жизни, Воскресению Христову. С благоговением смотрели на батюшку Никодима, всегда готового последнее ближнему отдать. А потом увезли его куда-то «люди в фуражках и гимнастерках, перепоясанных ремнями».

В пути деда убили грабители и хотели съесть, а две тоненькие голубоглазые внучки смогли убежать. В Самаре возле Средненского храма их увидела сестра Марфа — это было для них спасением и началом новой жизни. Через 7 лет монастырь был закрыт, а насельницы — обречены на смерть.

Глава 5. Татьяна — сестра Епистимия

Образу Татьяны (сестры Епистимии — в переводе «знающая») А. Солоницын отводит две главы. Это интеллигентка, прошедшая сложный путь духовного развития. В монастыре она несла послушание как воспитатель сиротского дома и библиотекарь. Автор сразу показывает, на какую духовную высоту поднялась его героиня в предсмертный час: «Умереть вместе с сестрами, претерпев мучения от гонителей христиан, как первые мученики за веру Христову, — какой еще земной конец жизни может быть лучше? Вот только умереть надо достойно — помоги, Господи!»¹. В этих словах Татьяны читатель слышит торжество веры в учение Христа, которое стало смыслом ее жизни. Но эта победа далась ей не сразу.

На барже вода до колен. Татьяне вспомнилась картина Флавицкого «Княжна Тараканова» — трагедия в романтическом ореоле. Незаметно автор направляет мысли Татьяны в другое русло: Октябрьский переворот не был романтическим подвигом героев. И теперь уже звучит голос писателя: «Власть валялась в пыли, словно никому была не нужна». Государственную державную Россию растащили по группочкам либералы, кричали, что отсталую Россию надо вытаскивать на столбовую дорогу европейской цивилизации. Они заставили государя отречься от престола, они совершили Февральскую революцию и создали бездарное Временное правительство. Достоевский говорил, что либералы погубят Россию. Так оно и случилось.

Обличение либералов здесь не случайно. Ведь у Татьяны отец был известным самарским либералом. У него все напоказ: волосы до плеч, выхоленные бородка и усы, орлиный нос, большие, с маслянистым блеском глаза и имя — Игнатий Аристархович. Он походил на человека с «парением надземным». Оратор был превосходный, мечтал даже стать писателем и придумал уже эффектное название романа «Пласт жизни». Он любил производить впечатление. Но в его семье не было главного — духовной близости детей и родителей. Вся жизнь — это спектакль для публики с демонстрацией «доморощенных талантов»: сын поет, старшая дочь музицирует, а младшая читает стихи. Даже в мелочах пошлость и фальшь. Игнатий Аристархович так был поглощен собой и своими делами, что равнодушно относился к большой жене, отдавая ей роль прислуги. Агния Романовна по-

¹ Солоницын А. Избранное. Книга II. — Самарский Дом печати. — С. 239.

нимала мятущуюся натуру мужа, его скоротечные увлечения и идеями, и женщинами, но сама была истинной христианкой и имела твердые убеждения: «красиво написанные умствования — их бесконечное множество, а Бог един. «Я есмь путь, истина и жизнь», — так сказал Спаситель.

Татьяна признается матери, что не верит в существование Бога. Перед смертью Агния Романовна пытается открыть дочери главное в жизни: «Сама подумай: ну разве может душа умереть! Как горячо ты молилась девочкой? Если бы тебе вернуть ту веру — ты была бы спасена!»

Через три месяца после смерти жены Игнатий Аристархович женился на молоденькой и богатенькой Людочке Поликарповой и расцвел — накупил новые английские пиджаки, рубашки, галстуки. Автор беспощаден к своему герою, поэтому не показывает его внутреннего мира (видимо, он пуст), зато внимателен к его внешней оболочке. Даже прощаясь с дочерью, Игнатий Аристархович прижал ее не к сердцу, а к новому пиджаку — черному, в белую полоску. От него пахло духами, которые вызывали в душе Татьяны тяжелое, смутное чувство. Смерть матери и женитьба отца на подруге поставили точку в конце главы. Согласия с собой и миром в душе у Татьяны не было, но и успокоения не было тоже.

В чем же ее призвание? Учить детей богатых родителей иностранным языкам, чтобы заработать себе на жизнь? Отец по-прежнему только ораторствовал, меняя идолов поклонения, и ей не помогал. В смятении Татьяна оказалась в церкви перед ликом Иверской Богородицы. «Прости, прости, Пресвятая, — зашептала Татьяна. — Это потому столько крови, насилия, что забыли тебя. И если не вымолишь нам, окаянным, прощение, то все мы погибнем, и Россия погибнет»¹. Она вспомнила слова отца Мартирия: «Россия — подножие Богородицы, ее дом». Так проснулись в душе Татьяны добрые всходы, посеянные матерью.

Духовное прозрение своей героини А. Солоницын начинает с рассказа о судьбе иконы Иверской Богоматери, причем от лица мудрой матушки Агапии. Татьяна образованна, поэтому ее вера должна сочетаться со знанием.

Основную роль в духовном преображении Татьяны сыграл игумен Иллариий. Он выступает не только как мудрый толкователь учения Христа, но и как проповедник. Его Слова обращены и к героине повести — Татьяне, и к современному читателю.

¹ Солоницын А. Избранное. Книга II. — Самарский Дом печати. — С. 247.

Иллариий молод, ему только 34 года, но сестры считают его чуть ли не старцем. В его портрете видны черты аскетизма и твердой веры. Он худощав, всегда подтянут, ходит быстро. Взгляд его суров и тверд, глаза темные, до черноты. Густые волосы тоже черные, а бороду уже обильно посеребрила седина.

На исповеди у отца Иллариия Татьяна признается, что устала жить так, как живет: «Учить детей, как указывает новая власть, — не могу и не хочу. Частных уроков почти не осталось». Отец Иллариий, имеющий дар убеждения, не сразу успокоил мятущуюся душу Татьяны. У нее много неясных вопросов: кто назвал Россию домом Богородицы? Если так считает народ, то почему он рушит храмы, жжет иконы? «Поманили пряником — и тут же вера рухнула», — с досадой говорит она.

Иллариий, обращаясь к Евангелию, разъясняет, что вера требует мужества, духовной силы: «Не мир пришел я принести, но меч (разумеется, духовный)». «И если тебя ударят по правой щеке, подставь левую?» Но что Он имел в виду? Уметь прощать. Молиться о врагах своих. Уметь быть выше житейского. Московский митрополит Филарет разъяснял так: «Люби врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божьими». Вот мудрость! Сердцем и надо верить.

Татьяна смотрела на икону Спасителя в красном углу. Это был «Спас Ярое око» — суровый, взыскующе смотревший ей прямо в глаза. Прощаясь, Иллариий попросил ее помогать в монастырской библиотеке: «Жатвы много, а делателей мало». За воротами монастыря Татьяна увидела солнце на куполах, и в сердце не было отчаяния.

Потом она стала насельницей монастыря, через год — монахиней, сестрой Епистимией.

Глава 6. Надежда — сестра Фотиния

Последний «луч света в темном царстве» смерти на барже — это Надежда, дочь отца Мартирия. Наденька, добрая, целомудренная, чистая душой девушка, достойна счастья и уже помолвлена с сыном самарского конезаводчика Сергеем. Однако война внезапно отняла у нее жениха. В предсмертном письме Сергея, где он прощается навсегда со своей невестой, любовь к Наденьке неразделима с любовью к Отечеству. Это исповедь человека долга, имеющего твердые нравственные принципы и веру в Бога. «Да, мы погибнем, но это еще не все. Как верующий человек ты

знаешь, что только претерпевший до конца — спасется. И души наши послужат России, верь, моя любимая»¹.

Не менее тяжкое испытание выпало на долю Надежды через 5 лет, когда она была уже монахиней Фотинией. Во время торжественной молитвы «человек в кепке» вытолкнул из алтаря ее отца Мартирия и объявил, что монахинь как «тунеядствующий элемент и приспешников буржуазии» изгоняют из монастыря. Потом он ухватил священника за бороду и потащил к выходу. Эта сцена жестокой расправы новой власти с непокорным отцом Мартирием напоминает суд Пугачева над комендантом Белогорской крепости в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Повешен верный присяге капитан Миронов, зарублена его жена и защитница Василиса Егоровна. А теперь матушка Глафира кинулась спасать отца Мартирия, но получила удар прикладом по голове и упала. Выхватив револьвер из пиджака, «человек в кепке» направил его на матушку. Внезапно, ни слова не говоря, Фотиния закрыла собой мать. Она была настолько решительна и бесстрашна, что вышла победителем в этом бессловесном поединке. «Человек выстрелил в воздух». Действительно, никто и ничто не может сломить веру и способность русского человека, подобно Христу, «положить душу свою за други своя»².

Эта сцена завершает главу, посвященную Наденьке, где автор поднимает свою героиню на такую высоту, которую предвидел еще при жизни ее любимый Сергей: «Россия будет всегда и вовеки, никому не сломить нашу великую Отчизну. И наша любовь, Наденька, наша вера и наша смерть послужат ей».

Глава 7. Мастер-класс писателя А. Солоницына

Повесть Солоницына «Врата небесные» — новаторское произведение современной русской литературы. Тема трагической гибели монахинь Иверского монастыря является уникальной и в то же время злободневной. В ней слышатся отголоски русской истории и духовной православной культуры. Автор осознает, насколько она важна для нашего читателя любого возраста. Поэтому он не спускает глаз со своих любимых героинь, обреченных на зверское злодеяние. Тонущая на Волге дырявая баржа — по-

¹ Солоницын А. Избранное. Книга II. — Самарский Дом печати. — С. 260.

² Летописец русской Голгофы / С. Гусельников // Русское эхо. — № 3. — 2010. — С. 289.

следний земной приют для семи верных Богу монахинь — постоянно в центре внимания писателя.

Вся повесть, от первой до последней страницы, подчиняется правилу «трех единств», свойственному литературе классицизма: действие происходит в одном месте в течение даже не суток, а ночи, и оно является в произведении основным. Положительные герои противопоставлены отрицательным, и автор широко использует прием контраста.

Композиция напоминает традиционную форму построения произведения — «рассказ в рассказе», однако писатель А. Соловьев и здесь оригинален. В обрамлении дается кульминационная часть и финал основного, а не вспомогательного сюжета.

На первый взгляд повествование кажется простым, доходчивым, даже прозрачным, однако эта простота имеет подводное течение и такое глубокое дно, до которого нелегко добраться. Образы-символы, огромный арсенал художественных средств языка, разностилевая лексика — все это требует не дословного чтения и понимания, а духовного восприятия произведения, работы и ума, и сердца. Итак, открываем книгу.

Перед читателем скупой пейзаж волжского заката солнца. Он враждебен человеку, это символ смерти: «выжженные холмы», «жестокий слепящий свет солнца», мертвая, давящая тишина («ни ветерка, ни всплеска», «движение вечной реки остановилось»). На этом тревожном фоне начинается репортаж публициста, который видит старую баржу на якоре, грязные доски на палубе и таинственный люк, ведущий в трюм. Что же в трюме старой баржи? Чтобы заинтересовать читателя, автор использует детективный прием — предположения о спрятанных ценностях, о разбойниках, о кладе.

Теперь и читатель замечает «удирающий» буксирный катер и двух пассажиров на нем, которые курят, оглядываются, а в глазах «застыло отчаяние трусливого преступника». Исчезает последний свидетель — солнце. И на землю обрушилась тьма. Нет, оказывается, есть еще один свидетель: «чья-то властная рука задернула черным весь небесный свод». Итак, сделано, видимо, черное дело, поэтому возникает образ черного покрывала. Участники преступления хотят остаться в тени, быть незамеченными, но красный сигнальный фонарь, помимо их воли, бросает на лица «багровый отсвет» — цвет крови! Не «багряный» (цвет жизни, цвет зари), а именно «багровый».

А в трюме баржи смерти, куда по щиколотку насочилась вода, слышны женские голоса, «мягкие, певучие, чистые, звучные, в которых много искренности и силы». Они вырвались из потемок на волю и понеслись по реке: «Благослови, душе моя, Господа...» Нет, они несли не проклятие земной жизни, не вопли отчаяния, а ангельское смирение и любовь.

И снова рядом писатель-публицист, понимающий, что интрига теперь не нужна. «Их было семь... В Православии это число означает полноту и совершенство. И наш рассказ — о семи монахинях, принявших мученический венец»¹, — завершает он прелюдию к основному содержанию произведения.

А в заключение всего повествования автор перевоплощается в циничного, бесстрастного газетного репортера 20-х годов: «пришло время усилить борьбу с религией — опиумом народа», «поставлена задача окончательного уничтожения православной веры», «план ликвидации монахинь Иверского монастыря». Канцелярская лексика в сочетании с разговорным стилем рождает у читателя отвратительное чувство брезгливости и презрения к тем, кто имел право решать человеческие судьбы. Чтобы собрать монахинь, которых они решили утопить, в газете «Волжская Коммуна» дали ложное объявление, что монастырь открыт.

И снова общая тема духовного противостояния между милосердием и жестокосердием возвращает автора на роковую баржу, которая стала погружаться в воду. Для сестер наступила минута прощания. Они дружно запели:

*Богородице, упование наше,
Избави ны от безмерных прегрешений
И спаси души наша...*

Но это еще не конец повествования. Это было бы слишком жестоко. Вспомним неземного свидетеля трагедии монахинь в самом начале пролога. А вот теперь писатель вводит живой образ рыбака с сыном. Мальчик видит тонущую баржу и слышит странное пение, доносящееся оттуда. Внезапно появляется уже знакомый буксирный катер с двумя пассажирами. Они вполне удовлетворены тем, что злодеяние совершено без свидетелей. Значит, судить некому, а совесть утрачена навсегда. «Видите, все в порядке. Да, место вроде подходящее». К счастью, рыбак укрылся в шалаше.

¹ Солоницын А. Избранное. Книга II. — Самарский Дом печати. — С. 199.

И вот финал. Врата небесные. В них можно войти, даже погрузившись на дно Волги в трюме старой продырявленной баржи. «Судьбы семи затопленных большевиками сестер Иверского монастыря как семь цветов небесной радуги, символизирующей согласие, единство человека с Богом. В этих судьбах весь многострадальный русский народ — от бедной крестьянки с нагруженными руками до просвещенной интеллигентки, владеющей несколькими языками. А значит, и вся православная Россия через исповедничество святой веры и мученичество за Христа... вошла в небесные врата, чтобы в сонме своих святых светить всему миру»¹. Таково прочтение последних строк повести А. Солоницына протоиереем Сергием Гусельниковым.

Яркий и сильный столп света, который ударил в небо над тем местом, где затонула баржа, не испугал мальчика. Он в эти минуты замер от счастья. Цвета радуги горели «ярко и нежно», «плавно и мягко» переходили один в другой. Безусловно, радужное небо — это символическая картина природы, она не только восхищает своей красотой, но и показывает торжество высокой духовности монахинь, их победу над злом и нищетой духа. «Легкие, пронизанные солнцем белые птицы» — такими видит их души мальчик, а значит, и сам автор.

Заключение. Мои выводы

Трагическая гибель насельниц Иверского монастыря в Самаре — это лишь одна страница истории многострадальной России. Но автора волнует судьба всего Отечества. В повести А. Солоницына показывает разные пласты русского общества начала XX века.

Здесь и купеческий мир, и православное духовенство, и обнищавшее крестьянство, умирающее с голода, и утонувшие в грязи и копоты заводские рабочие, и либеральная интеллигенция, запутавшаяся в паутине философских идей и современных событий.

Гроза Октябрьского переворота породила гражданскую войну, где гибнут за Россию молодые офицеры. Но над всем этим сложным миром поднимаются безликие и безымянные «люди в фуражках и гимнастерках, перепоясанных кожаными ремнями». Их миссия — вершить человеческие судьбы. Они самоволь-

¹ Летописец русской Голгофы / С. Гусельников // Русское эхо. — № 3. — 2010. — С. 289..

но поднялись на олимп власти, отвергая вечную христианскую заповедь «Не убий!».

А. Солоницын не выносит им сурового приговора, он как истинный художник воспевает торжество духа ни в чем не повинных монахинь над варварством «убийц в законе». Я бы добавила еще одну фразу из Евангелия, после которой можно поставить точку. «Мне отмщение и аз воздам», — сказал Спаситель.

Вся работа представляет собой исследование, анализ текста произведения с последующим комментарием или выводами.

Задачи, указанные во введении, выполнены в полном объеме. Раскрыто идейное содержание повести о торжестве православной веры и ее значении в жизни человека; представлен внутренний мир героинь — семи монахинь Иверского монастыря; на материале обрамления дан мастер-класс творческой манеры писателя А. Солоницына.

Цель исследования достигнута, сделаны выводы о новаторстве автора.

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Тема детства в произведениях современных самарских авторов

Работу выполнила
ученица 8 «А» класса МБОУ СОШ
с углубленным изучением
отдельных предметов
«Дневной пансион-84»
городского округа Самара
Попова Анастасия

Научный руководитель
Корягина Тамара Михайловна

Введение

Детство... Пожалуй, самое счастливое время в жизни человека. Это пора открытия окружающего мира, формирования основных черт характера. Каким ты будешь: добрым или злым, отзывчивым или равнодушным, честным или лживым, щедрым или жадным — это зависит от того, какие качества сформируются в детстве. Вся дальнейшая жизнь, как правило, способствует развитию всего хорошего, что было заложено в юном возрасте.

Человек взрослеет, меняются его интересы, занятия, он покидает отчий дом, но не прерывается нить, которая связывает его с местом, где прошло детство, где он ощущал тепло маминых рук и крепкое плечо отца, где остались верные друзья и, может быть, первая любовь.

Я сама еще нахожусь под впечатлением той счастливой поры, поэтому мне показалось интересным проследить, как раскрывается тема детства в произведениях самарских поэтов разных поколений.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач:

- отметить, как трансформируется тема детства в поэзии авторов старшего поколения (И.Е. Никульшина);
- рассмотреть, какие детские и недетские проблемы отразились в лирике молодых самарских поэтов (Л. Калязиной, Е. Погорелец, Я. Балакина);
- проанализировать детские мотивы в стихотворениях юных авторов (Е. Толстовой, А. Логиновой).

Актуальность темы несомненна: каждый человек хранит в своем сердце светлые воспоминания о счастливой поре детства, которые согревают его всю жизнь.

Новизна работы состоит в попытке определить грани указанной темы в творчестве профессиональных, молодых и начинающих поэтов.

Для анализа были использованы стихотворения, напечатанные в журналах «Молодежная волна», «Русское эхо» за 2011-2012 годы.

Глава 1. «Возвращение» в детство Ивана Никульшина

*Дайте до детства
плацкартный билет...*

Сколько бы лет ни прожил человек, как бы ни складывалась его жизненная судьба, всегда его тянет к истокам, к тому месту, где он родился, где прошло его детство. У известного самарского поэта Ивана Никульшина есть такие строки:

*За что мы душою бодем,
И как мы живем на земле?
Какие питают нас соки?
Какие в нас токи поют?
И где они, эти истоки,
Что в жизни нам силы дают?*

Истоки автора этого стихотворения — село Сосновка Кинельского района, где он родился в многодетной семье, где прошло его детство. Вспоминая эти годы, он пишет: «Это уже потом, по прошествии многих лет, стало понятно, что жили бедно, голодно и скудно. А тогда в ушах звенела радость детства». Будучи уже взрослым человеком, поэтом, И. Никульшин не раз возвращался сюда, на берега реки Грачевки, к тому роднику, который и врачует, и дарит надежду. Детство ассоциируется у него с родным

краем, с домом, с близкими ему людьми. У поэта много стихотворений о дорогих ему местах детства.

Сюда, в Сосновку, к берегам реки детства, не раз возвращался И. Никульшин, чтобы признаться ей в сыновей любви. Именно ей он посвятил стихотворение «Речка Грачевка».

Речку поэт изображает как живое существо. В этом ему помогают многочисленные олицетворения: речка «рождалась» из лесного «баюн-родника», «нешумно катила прохладные воды», «лежала в степи... весною звеня...». Эпитеты «под сумрачным сводом», «в темном всплеске», «глухие уремы» не делают описание пугающим, страшным, скорее придают ему таинственность. А удивительные сравнения речки с «изумрудной веткой», со дна которой, «словно луны», восходили «светозарные лики кувшинок...», придают описанию еще больше загадочности. Такой автор увидел речку Грачевку в детстве, увидел и запомнил.

И мы представляем, как он, мальчишка, приходил сюда, сидел на берегу, опустив ноги в «прохладные воды», прислушиваясь к тихим всплескам волны, к «дальним грачиным крикам». Благодаря аллитерации на глухие согласные [ч], [ш], [с] мы слышим «нешумно» набегающие на берег волны речки Грачевки.

Прошло много лет, герой возвращается в места, где прошло его детство, и замечает, как изменилась река:

*Опустились, как плечи, твои берега,
И в протоках осочных вода потемнела...*

Не изменилось только отношение к любимой с детства речке, пожалуй, стало даже более трепетным.

Необычайно эмоциональна и концовка стихотворения, поражающая нас, читателей, неподдельной искренностью чувств лирического героя:

*Я приду на рассвете, смешной и неражий.
Задыхаясь от гордой сыновей любви,
Я горячей ладонью тихонько поглажу
Голубые, как небо, морщины твои.*

Поэт создает незабываемый зрительный образ: постаревшая мать-река и сын, пришедший признаться в любви.

Привлекло мое внимание своим детским восприятием окружающего мира небольшое стихотворение «Ромашки»: так много в нем света и добра!

*Минюя воронки, овражки,
По лугу, где травы шумят,
Бегут врассыпную ромашки,
Как выводок желтых утят.
Неловкие вирши заброшу,
Пойду по зеленому дню,
Усталую ношу, как душу,
На белый их свет уроню.
И, утренним солнцем согретый,
Качаясь на дымном ветру,
Притронусь к их чистому свету
И снова поверю добру.*

Я тоже люблю ромашки, мне они напоминают маленькие солнышки, которые дарят людям тепло и радость. И. Никульшин использует другое, необычное сравнение: ромашки напоминают ему «выводок желтых утят», которые «бегут врассыпную» по лугу. Поэт отмечает, что от этих цветов идет «белый свет», именно он согревает «усталую душу». Может быть, поэтому так понятно желание героя:

*Притронусь к их чистому свету
И снова поверю добру.*

Еще одно стихотворение, связанное с детскими воспоминаниями, опять перенесет нас в родные поэту места.

*Высокие травы в оправе росы,
Зеленые метлы ольхи да чилиги,
Песчаная рябь заозерной косы —
Картины из детской зачитанной книги.*

Привычный для жителей Заволжья пейзаж, но автор находит такие средства выразительности, которые делают его незабываемым. Прежде всего, это метафоры: «травы в оправе росы», «зеленые метлы ольхи», «березы — босые девчонки», «пряжа лучей». всплывут в памяти и «цыганисто-черные грачи», и щука «в густом камыше»... И вдруг окажется, что нет в жизни ничего, дороже, чем эти воспоминания. И автор признается:

*И что-то такое прихлынет к душе
Большое и с детства родное!*

Глава 2. Детские и недетские проблемы в произведениях молодых авторов

*И пускай наше детство не кончится,
Хоть мы взрослыми стали людьми...*

2.1. Радостные мгновения детства в стихотворении

Е. Погорелец

Хорошая традиция журнала «Молодежная волна» — публиковать стихотворения победителей и финалистов литературных турниров и поэтических чемпионатов. В журнале № 7 за 2011 год меня привлекло стихотворение молодой поэтессы из Тольятти Екатерины Погорелец «Двери в детство».

*Я стучала в закрытые двери,
Где когда-то был старый звонок,
Где соседи за стенкой шумели,
Где звучал твой живой голосок.
Где глаза от улыбок блестели,
Где все время хотелось играть,
Где под солнечным небом апреля
Я с тобою любила гулять.
Где хотелось шутить и смеяться,
Где хотелось о звездах мечтать.
И под теплым дождем искупаться,
И весь мир одним взглядом обнять.
Разноцветной росой напиться,
Запах первой травы ощутить
И в такого мальчишку влюбиться,
Чтоб его никогда не забыть.
Где несли нас лихие качели
В руки к нежной, душистой весне.
Я стучала в закрытые двери.
Их открыли, но только не мне.*

Благодаря стихотворению, мы оказываемся в мире детства лирической героини. Мир этот наполнен разнообразными звуками и красками. Аллитерация на шипящие помогает услышать «старый звонок», шум «соседей за стенкой», чей-то «живой голосок»; благодаря ассонансу на [о] мы ощущаем капли «теплого дождя», под которым хочется «искупаться», почувствовать «запах первой травы».

Автор передает спонтанность восприятия героиней окружающего мира, отсюда постоянная смена желаний: то ей хочется

играть, то «шутить и смеяться», то «о звездах мечтать», то «в мальчишку влюбиться...». Наверное, только ребенок способен «весь мир взглядом обнять», поэтому в образном ряду стихотворения и небо, и звезды, и роса, и первая трава. Стихотворение очень светлое, наполнено ощущением радости и счастья, помогают почувствовать это и эпитеты: «разноцветная роса», «лихие качели», «нежная, душистая весна», и лексические повторы (глагол «хотелось» в сочетании с инфинитивом) и ряды однородных членов. Стихотворение не разделено на строфы и представляет собой сложное предложение, в котором половина придаточных начинается с союза «где». Возможно, этим автор хочет подчеркнуть непосредственность воспоминаний героини о детстве и разнообразие чувств, которые испытывает ребенок в эту счастливую пору.

Лирическая героиня представляется мне жизнерадостной и романтической девочкой, которая живет в гармонии с окружающим ее миром. Жаль, что возвратиться в тот мир можно только в мечтах. Кольцевое обрамление («Я стучала в закрытые двери...») подчеркивает эту невозможность для героини. Но двери в мир детства откроют другому ребенку. И пусть этот мир будет таким же солнечным, как «небо апреля», и радостным от улыбающихся глаз.

2.2. Первая любовь Я. Балакина

В том же номере журнала «Молодежная волна» я нашла стихотворение Ярослава Балакина с простым названием «Детство». Это тоже воспоминание, которое начинается словами «В то время...». Чем же запомнилось «то время» автору? Прежде всего, мальчишескими играми: в индейцев, где рядом «верный товарищ твой, Чингачгук», и мушкетеров, где «один за всех», это и посвящение в рыцари «с мечом короля Артура...».

Несколько раз в стихотворении встречается одна художественная деталь — обычная вешалка. Но она в руках мальчишки превращается то в лук, то в шпагу, то в пистолет, то в штурвал. А рядом с ним, в мальчишеских играх, присутствует «подруга сердца» — «девчонка с соседней крыши, девчонка-кошка». И ты понимаешь, что все подвиги, совершенные «индейцем», «мушкетером» или «рыцарем», посвящены ей одной. Получается, тема стихотворения — первая любовь. И ты немного завидуешь той, для которой он нарвал «букет акаций», которой «кричал о

любви словами любимых книжек»... Я. Балакин пишет об этом с улыбкой и легкой иронией. А может, это его выдумка, «мир фантазий», что самому «даже не верится»? Ответ — в последнем четверостишии: «Мне женщина-кошка варит теперь обед...» Значит, было?! Жаль, что вешалку герой хочет выкинуть: «места нет...». А мне хочется, чтобы герой сохранил в душе добрые воспоминания из детства, которые помогли бы ему почувствовать себя рыцарем рядом с «женщиной-кошкой», как когда-то с «девчонкой-кошкой».

2.3. Недетские проблемы в стихотворениях Л. Калязиной

Мы часто слышим: «Детство — счастливая пора в жизни человека». Но все ли дети, живущие в XXI веке, могут назвать эту пору счастливой?

В последнее время все чаще говорят о семьях, где родители — пьяницы или наркоманы, о матерях, которые бросают своих детей или отдают в интернат, о детях улицы...

Молодая поэтесса Людмила Калязина в сборнике стихов «Ну, а мы живем в России...» тоже поднимает эти проблемы.

*Праздник сегодня — Девятое мая.
Курит в подъезде соседский пацан.
Отчим, видать, хорошо отмечает.
Да и когда он бывает не пьян?..*

...

*Курит под лестницей битый волчонок
Лет, ну от силы пускай, десяти.
Я его за руку: «Слушай, ребенок,
Ты это брось». Огрызнулся: «Пусти!»*

Праздник, святой праздник для нашего народа. Но мальчишке нет места в квартире, его дом — подъезд. Он, обозленный на весь мир («битый волчонок»), уже в десять лет знает вкус сигарет и, наверное, спиртного тоже. Автор сочувствует этому ребенку, лишенному родительской ласки, и находит для него подходящее сравнение: «будто бы птаха по полу раненым бьется крылом...» Подранок... Сколько их живет рядом с нами! Многие проходят мимо: своих забот хватает! Но Л. Калязина описывает другую ситуацию:

*Я из подъезда вела его к свету.
Я в это верила... вроде... еще...*

Слово «свет», наверное, здесь употреблено в более широком значении, чем просто «освещение». Нужно было вернуть ребенку веру в добро, просто пожалеть, проявить участие.

*Сели на лавочку — он и заплакал,
В грязных ладошках лицо схоронив.
И сквозь рыдания мне слышалось: — «Папа...
Если бы папа был жив...»*

Папа... Как много значит этот человек в жизни ребенка, особенно мальчишки. Но всегда ли он соответствует этому высокому званию? Об этом рассуждает поэтесса в другом стихотворении:

*— Мне папа подарит щенка, —
Мальчишкам рассказывал Вова, —
Он слово мне дал мужика,
Пречестное-честное слово!
Сосед его вышел вперед,
Сказал, нарываясь на драку:
— Твой папа зарплату пропьет,
И фиг тебе купят собаку!*

К сожалению, Валерка оказывается прав:

*...папа сидит в разливной
С соседом. На то есть причина.
— Ну, что ли, еще по одной
За день-то рождения сына?*

Но Вовка не верит словам сверстника и защищает папу как может:

*— Дурак ты, Валерка, дурак.
Мой папка не пьет, он хороший.*

Это уже начало дворовой «разборки». Знакомая картина городской окраины или микрорайона. Достоверность ситуации придает подростковый сленг: «слово мужика», «нарываясь на драку», «фиг... купят», «дурак ты, Валерка...»

К радости Вовки, история с подарком в этом стихотворении заканчивается хорошо. На немецкую овчарку денег у папы, конечно, не хватило, но он не без помощи приятеля нашел (видимо, на улице) все-таки щенка и подарил его сыну.

*Он лапу давать не желал
И был из сословья простого,
Но Вовка его обожал
За папу, сдержавшего слово.*

Как мало, оказывается, надо ребенку для счастья. И неважно, что это не щенок элитной породы, а обычная дворняжка — для мальчишки это лучший подарок, потому что папа сумел сдержать «пречестное-честное слово».

В стихотворении «Бабушка» Л. Калязина поднимает еще одну проблему XXI века: родителям не хватает времени на воспитание детей. Они зарабатывают деньги и приходят домой только вечером. Младший ребенок целый день в детском саду, старший — в школе. За ужином собираются вместе, едят подогретые полуфабрикаты, обмениваются короткими репликами: «Как дела в школе? Уроки сделал? Горло не болит?» Мама моет посуду, папа смотрит телевизор, дети — за компьютером. Уже поздно, некогда почитать сказку младшему, поговорить по душам со старшим. Пора спать. Может ли кто-нибудь исправить сложившуюся во многих семьях ситуацию?

Приехала в гости к любимым внукам,

В немодной соломенной шляпе...

— Зачем ты, бабуля, приехала к нам?

— А плохо ли? Блинчики стряпать.

В стихотворении нарисована всем известная, уже описанная нами картина: вечно занятые родители, успевшие отвыкнуть от ласки и домашней пищи дети, голодный кот. С приездом бабушки в доме все преобразуется:

Квартира сияет, и досыта кот

Поел деревенской сметаны.

А бабушка варит душистый компот...

И жарит котлеты, которые «у внуков... имели успех». Но самое главное не еда:

Мальчишки, но тянутся к ласке.

И бабушка все поняла: обняла

И стала рассказывать сказки...

Вот чего не хватает современным детям — общения, внимания и ласки.

В конце декабря 2012 года Государственной Думой был принят закон Димы Яковлева, запрещающий американским гражданам усыновлять российских детей. Депутаты призвали соотечественников забирать детей-сирот в свои семьи. Да, хотелось бы, чтобы дети жили в семьях, но в хороших семьях, где царит любовь и согласие, чтобы дети были счастливыми.

Глава 3. Детские мотивы в лирических миниатюрах юных поэтов

*Детство мое, постой!
Не спеши, погоди...*

В этой главе попробуем рассмотреть, как мотивы детства реализуются в произведениях юных поэтов. Мне хочется обратиться к стихотворениям учеников нашей школы.

3.1. Аллегорический образ детства в стихотворении Е. Толстовой

Екатерина Толстова окончила в 2012 году нашу школу с серебряной медалью. Победитель и призер олимпиад по литературе, разнообразных творческих конкурсов: «Вдохновение», «Вера, Надежда, Любовь», «Писатели Самарского края», «Поэтический чемпионат». Все стихотворения и литературоведческие работы напечатаны в журнале «Молодежная волна» и сборниках, выпускаемых Самарской городской Думой.

Стихотворение «Июля календарный лист...» представляет лирический монолог юной героини:

*Сижу я на балконе стареньком одна,
Мне так не хочется отсюда уходить...
Что дорого ей в этом старом доме?
И по-особенному пахнут рамы эти —
Ушедшим за ворота дома Детством...*

Развернутая метафора призвана подчеркнуть непосредственность детского взгляда на мир, заново соприкоснуться с красками, запахами и звуками из прошлого; олицетворение позволяет нарисовать в воображении аллегоричный образ детства. В стихотворении слышится легкая ностальгия по ушедшей поре бесконечных игр, лирическая героиня старается удержать ускользающее мгновение («...мне нужно, // Чтoб этот миг продлился бесконечно...»). В стихотворении представлено два пространства: внутреннее (балкон) и внешнее (двор, мир), причем балкон для героини играет особенную роль: это место, где возможна остановка времени, где дом и детство образуют единое целое, куда возможно вернуться, чтобы вновь пережить счастливые минуты.

3.2. Родные с детства лица в стихотворениях

А. Логиновой

А теперь мне хочется представить мою одноклассницу, ученицу 8 «А» класса Логинову Ангелину. Она пишет стихи с шести лет, победитель и призер творческих конкурсов: «Вдохновение», пушкинского — «Друзья по вдохновению», Городских Открытых Ломоносовских Чтений, Международных Славянских Чтений.

Светлые ощущения детства у Ангелины, прежде всего, связаны с самыми близкими людьми: мамой, папой, бабушкой.

Ода Маме

*Ты — солнца луч во тьме жизни томной,
В пустыне — льющийся ручей.
Ты друг. Улыбкой благосклонной
Ты одаряешь всех людей.
Ты можешь сделать все на свете,
Всегда на помощь ты придешь.
И знают взрослые и дети:
Ты все простишь и все поймешь.
Вот ты идешь, как будто лама:
Мягка походка и легка,
Идешь и смотришь свысока —
Любимая, родная мама.*

Благодаря многочисленным сравнениям легко представить маму автора стихотворения. Это грациозная, как лама, с легкой походкой и доброй улыбкой женщина. Метафоры: «луч во тьме» и «в пустыне... ручей» — помогают сделать образ запоминающимся. Но главное, по-моему, другое: она — друг, который может все простить и понять. Этот дар распространяется и на окружающих. Юная поэтесса гордится своей необыкновенной мамой и доверяет оду эмоционально окрашенными оценочными эпитетами: «любимая, родная мама».

Данное произведение названо одой и по некоторым признакам, соответствующим этому жанру. Это хвалебная песнь, состоящая из 12 строк с перекрестным способом рифмовки в первых восьми строках и опоясывающей в последних четырех; автор использует книжные слова «томной», «благосклонной»; чередование женской и мужской рифмы разнообразит ритм стихотворения и делает его легко читаемым.

Стихотворение «Бабушка» другое и по стилю, и по настроению. Если в оде ощущается некая торжественность в описании мамы и выражении чувств, то в стихотворении «Бабушка» проскальзывает легкая ирония по отношению к себе и нотки доброго юмора по отношению к бабушке.

*Очки надвинуты на нос,
И вяжешь ты крючком,
А я, заканчивая кросс,
Домой несусь бегом.
В любимой чашке — молоко,
Салат, омлет, десерт...
Хоть это будет нелегко,
Умну в один присест!
И побегу потом на корт
Ракеткою махать.
И будет от меня ко мне
Мяч теннисный летать.
А ты, забыв про сериал,
Печешь мне пирожки.
Стираешь, шьешь по вечерам,
Надев на нос очки.*

Героиня — вся в движении, ее неумную энергию подчеркивают и глаголы-синонимы «несусь домой», «побегу... на корт», и однородные члены, перечисление блюд, которые она может «умять в один присест»: молоко, салат, омлет, десерт. Бабушка — воплощение уюта, спокойствия и постоянной заботы о внучке. Однородные сказуемые: «вяжешь», «печешь», «стираешь», «шьешь» — призваны убедить нас в этом. Трогательный образ бабушки в очках, «надвинутых на нос» (запоминающаяся деталь), которая ради внучки жертвует любимым сериалом, несомненно, вызывает у читателей симпатию. В целом, стихотворение веселое и подвижное, как летающий теннисный мяч, этому способствует и ритм, создаваемый короткими строчками.

Автопортрет автора представленных миниатюр мы находим в стихотворении «Ну совсем я не романтичная...» В основе его антитеза — так много противоречий в образе героини.

*То смеюсь и шучу, а то в грусти я
И стихи сочиняю без усталы.
То весь день я друзьям ставлю рожки,
А под вечер — клубочком, как кошка.*

С чем же связано такое поведение героини? Для автора вывод очевиден:

*Не ребенок и не переросток:
Просто я — 100%-ный подросток!*

Это закономерно: ребенок превращается в подростка, а подросток — в девушку. Насколько болезненно происходит этот процесс?

3.3. Расставание с детством Ольги Курбатовой

«Мне с детством жалко расставаться...» — признается Ольга Курбатова в стихотворении, которое я нашла в журнале «Молодежная волна» № 6 за 2011 год. Девочка — наша ровесница, и мне близко ее состояние грусти, когда она думает об уходящем детстве. Ей приходится отказаться от того, что ей нравится:

*Заброшу кукол и скакалку,
Не буду мультики смотреть...*

Да, ей жалко, что уходит счастливая пора, но будущее не пугает ее:

*Мне с детством расставаться жалко,
Но все же нравится взрослеть.*

Заключение

Завершая работу, сделаем некоторые выводы.

У И. Никульшина детство ассоциируется с домом, с родным краем, куда он часто возвращается, чтобы признаться в сыновней любви. Удивительны его пейзажные зарисовки родного Заволжья. И мы, читатели, понимаем, почему лирического героя тянет сюда, в места, где прошло его детство, именно они врачуют «усталую душу».

Анализируя стихотворение Е.Погорелец, мы отмечаем радостные, светлые моменты, которые сопровождали детскую пору лирической героини. Но автор констатирует, что возвратиться в мир детства, к сожалению, невозможно.

Ярославу Балакину детские годы запомнились мальчишескими играми в рыцарей и мушкетеров, которые устраивались ради первой любви лирического героя — «девочки-кошки».

Людмила Калязина в своих стихотворениях поднимает серьезные проблемы современной действительности, которые касаются детей: это пьянство отца, вечная занятость родителей, нехватка времени на воспитание детей... Это волнует автора, она

уверена, что современным детям просто необходимы любовь и внимание взрослых.

В стихотворении Екатерины Толстой дом и детство создают единое целое, что позволяет вновь пережить счастливые моменты.

Вызывают симпатию эмоционально насыщенные, добрые стихотворения Ангелины Логиновой о самых дорогих ей людях — маме и бабушке. Читая их, мы верим в искренность чувств юного автора.

Антуан де Сент-Экзюпери сказал когда-то: «Все мы родом из детства». Проанализированные произведения самарских поэтов разных поколений подтверждают эту мысль французского писателя.

Источники используемой литературы

1. Балакин Я. Стихи // «Молодежная волна». — № 7. — 2011.
2. Калязина Л. «Ну, а мы живем в России...» // «Русское эхо». — 2009.
3. Курбатова О. Стихи // Молодежная волна. — № 6. — 2011.
4. Никульшин И. Стихи // Молодежная волна. — № 6. — 2011.
5. Погорелец Е. Стихи // Молодежная волна. — № 7. — 2011.

РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ АГАФОНОВА В ДУХОВНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ

Работу выполнила
ученица 9 «М» класса МБОУ СОШ
№ 3 с углубленным изучением
отдельных предметов имени Героя
Советского Союза В.И. Фадеева
городского округа Самара
Соломинова Анна

Научный руководитель
Комова Ольга Анатольевна

Введение

*Только поймите то, что вам ничего,
ничего не нужно, кроме одного: спасти свою
душу, что только этим мы спасем мир.*

Л.Н. Толстой

В послании Президента В.В. Путина Федеральному Собранию в декабре 2012 года прозвучало: «Мне больно об этом говорить, но сказать об этом я обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп». Разобщенность «отцов и детей», непонимание даже внутри одного поколения, размывание, а порой и утрата традиционных для России нравственных ценностей — это, к сожалению, реальность нынешнего дня.

Многочисленные соцопросы показывают, какие «базовые ценности» сегодня наиболее востребованы молодежью. На первом месте — здоровье. Потом качественное жилье, семья. Потом деньги, материальная база, безопасность. Возможность получить высокооплачиваемую, интересную работу. Далее — друзья. И, наконец, любовь к Родине [10]. Если перевести эту иерархию с социологического на русский, мы услышим: «Обеспечьте мне

качественное образование, высокооплачиваемую работу, безопасность, достойное жилье, все для поддержания здоровья, и тогда мы с друзьями будем любить Родину».

Когда говорят об ослаблении «духовных скреп», имеется в виду нечто иное. Высшие ценности — милосердие, доброта, мужество, жертвенная любовь к людям и Отечеству, мудрость, верность, бескорыстие, справедливость, скромность, благодарность, вера... Пренебрежение ими, забвение их приводит к трагическим разрывам и непониманию между людьми и поколениями.

О высших ценностях, о совести напоминают современникам, блуждающим в мире безверия, страстей и соблазнов, книги Николая Агафонова. Они напоминают нам о высоком назначении литературы, показывают пути возрождения души, от них исходит «чистый свет высокой нравственной идеи».

Таким образом, актуальность данной работы определяет нравственная идея, пронизывающая произведения православной литературы.

Цель исследования — выявить нравственные уроки творчества самарского писателя протоирея Николая Агафонова.

Задачи исследования:

1. Изучить факты биографии отца Николая.
2. Проанализировать содержание и поэтику рассказов писателя, поднимающих актуальные для современного общества проблемы: проблему взаимоотношений отцов и детей (рассказ «Возмездие»), проблему нравственного воспитания молодого поколения (рассказ «Отважный поступок»), проблему института семьи (рассказ «Колдовские сети»).

Глава 1. Духовный путь протоирея Николая Агафонова

Николай Викторович Агафонов родился 13 апреля 1955 года на Урале в семье инженера. Его родословная корнями глубоко уходит к православным традициям. Дедушка по материнской линии, Николай Трофимович Чащин, человек глубоко верующий, был офицером Белой армии. Расстрелян НКВД в 1937 году.

Из воспоминаний отца Николая: «Дед мой Николай Трофимович Чащин был кадровым офицером Царской армии и воевал во время первой мировой войны. После нее во время гражданской войны служил в колчаковских войсках, был полковником. После разгрома Колчака он попал в Китай, но не смог жить за

границей и хоть на смерть, но рискнул вернуться в Россию. Его как бывшего белого офицера сразу посадили, а когда он вышел на свободу, то там, на Урале, познакомился с моей бабушкой. Дедушка был верующим человеком, у родных сохранилось от деда Евангелие, которое было вручено ему за отличную учебу в гимназии. Он был патриот своей родины, для него не было такого, что родина «не та»... Не та была не родина, а власть безбожная, и она расстреляла моего деда в 1937 году.

Мама вспоминает, что дед любил петь, вот у меня любовь петь песни пошла от деда. И всю жизнь ощущаю духовную связь с дедом, которого я никогда не видел»[11].

Бабушка, Муза Николаевна Чащина, была интеллигентной русской женщиной и оказала большое влияние на воспитание внука в русских патриотических традициях.

«Моя бабушка была мудрой женщиной и стала музой всей моей жизни... Она меня в детстве в первый раз привела в храм. Под видом того, что: «Коленька, проводи старенькую бабушку, мне трудно», — мы по воскресеньям ходили с ней в церковь. Бабушка причащалась, молилась, а я рассматривал все в храме с интересом, но дома пытался ее переубедить и неуклюже настаивал на атеистической точке зрения. Когда в школе стали внушать, будто человек произошел от обезьяны, то я об этом срочно доложил бабушке и пытался ее «просветить» на этот счет. Бабушка Муза была грамотным человеком, до революции она окончила четыре класса семинарии, что равняется неполной средней школе, там даже в чем-то и выше давалось знание. Бабушка меня в моих безбожных убеждениях всегда опрокидывала на лопатки. «Я знаю, дорогой мой внучок, эту выдумку господина Дарвина, мало ли что напридумывают люди, а я верю в Господа. И верю, что мы созданы по образу и подобию Божьему», — говорила бабушка Муза.

«Когда мы с ней ходили в лес за грибами, много разговаривали, я все спрашивал, как до революции жили люди. По ее рассказам выходило, что время было необыкновенное, спокойное, размеренное, доброе. Дома не запирали на замок, потому что не боялись воровства, в лесу не боялись встретить чужого человека, потому что в людях жил страх Божий. И мне рисовались все эти люди идеальными. Конечно, это не совсем так, но для меня, мальчугана, в бабушкиных рассказах создавался светлый образ людей, живущих с Господом», — вспоминает отец Николай[11].

Мама, Любовь Николаевна, привила своему сыну любовь к чтению художественной литературы.

Воспитание в православных традициях, высоконравственные принципы членов семьи — все это помогло сформироваться личности будущего священника.

Стихи Николай начал писать в возрасте 5 лет. Участвовал в редколлегии настенной школьной газеты. Пробовал в детские годы писать сказки, рассказы и имел твердую уверенность, что когда-нибудь обязательно станет писателем.

В двенадцать лет ему так захотелось стать самостоятельным, захотелось приключений уже не в книгах — и он отправился в Америку спасать индейцев. Ну и еще охотиться на бизонов.

Мальчишеская романтика, навеянная книгами Фенимора Купера и Майн Рида, усадила его в электричку и отправила в дальний путь. Под стук колес будущий протоиерей и известный писатель Николай Агафонов мчался в страну своей мечты, а дома родные не находили себе места. Мама искала Николая повсюду, не было улицы и закоулочка в родном Тольятти, который бы она не прошла, металась целую неделю — и в полном отчаянии пришла в церковь в честь Казанской иконы Божией Матери. Она увидела образ Пресвятой Богородицы с Младенцем на руках и зарыдала, моля Деву Марию вернуть ей сына. Тяжелое испытание привело ее в храм.

Беглеца все время пути мучила совесть: как же там мама? Добравшись до Сызрани, он вышел на перрон. Сухари кончились, и он сдался милиции. Его почему-то никто не спешил отправить обратно домой в Тольятти, а разместили в Куйбышевском приемнике-распределителе и посадили в карцер вместе с малолетними преступниками.

Молитва матери о своем сыне не прошла бесследно и для самого Николая. Он все чаще стал задумываться о смысле жизни. Когда ему исполнилось 16 лет, он вдруг осознал, что жизнь человеческая скоротечна и придет неизменно конец этой жизни. «И что будет тогда? — размышлял он. — Что произойдет за той гранью, которую называют смертью? Неужели только вечный могильный мрак и полное исчезновение личности? Тогда для чего человек живет, если вместе с угасанием сознания исчезает и сама жизнь, как будто ее и не было?» Он вдруг воочию увидел себя как бы со стороны, умирающим старцем. Еще мгновение — и весь этот мир, где он любил, творил, страдал и радовался, исчезнет раз и навсегда.

Пораженный этим видением, юноша пришел в школу к классной руководительнице, чтобы узнать, для чего человек живет и есть ли в этой жизни смысл?

Учительница сказала ему, что смысл жизни в труде на благо будущих поколений, которые будут жить при коммунизме. Этот ответ не удовлетворил Николая, так как он не захотел быть «навозом», удобряющим «почву» для блага будущих поколений. Тогда классная руководительница предложила другой вариант смысла жизни: «Когда ты станешь взрослым, — говорила она, — у тебя будут дети. Вот в них-то и есть смысл жизни». — «Но ведь я тоже чей-то ребенок, — воскликнул Николай, — и значит, это смысл жизни моих родителей, но они тоже чьи-то дети. А может, у меня вообще не будет детей? Что же это за смысл в рождении детей, обреченных, как и ты, на смерть? Есть ли у меня собственный смысл?»[11].

Учительница ничего не смогла ответить и посоветовала меньше думать об этом и жить как все.

В 1976 году поступил в Московскую Духовную семинарию. Об этом Николай Агафонов подробно излагает в рассказе «Как я поступал в Духовную семинарию»: «Каждый человек вспоминает свое детство или юность... Меньше помнишь, что с тобой было год или два назад, зато ярко и красочно вспоминаются картинки из детства. Часто вспоминаю благодатное время прихода к Богу, будто вступление в новый, прекрасный и волнующий мир.

Шли семидесятые годы, и духовной литературы было не сыскать, а вот атеистической сколько угодно. Методом «от противного» начал я узнавать о Боге, в армии проштудировал всю атеистическую литературу, которая была в штабной библиотеке. Из «Словаря атеиста» узнал, что в стране действуют три Духовные семинарии, и решил в одну из них, в Загорскую, поступать. Во время службы в армии была возможность читать, и я заново открыл для себя Федора Михайловича Достоевского, в школьной программе этого великого писателя я как-то не заметил. После армии поступил в Самарский речной техникум, вспомнил, как в детстве манили дальние берега... Но не выдержал всей математики и механики и поехал в Москву, стал готовиться к поступлению в семинарию и работать на стройке. Нелегко было, и случилось, что я сильно простыл, заболел. Больной, один, в чужом городе, поддержки нет, денег нет... Вспоминаю из атеистической литературы, что верующие исцеляются от мощей свя-

тых. Из исторического романа Бородина узнаю о Преподобном Сергии Радонежском — и выясняю, что мощи этого святого находятся неподалеку, в Троице-Сергиевой Лавре. Приехал в Загорск (ныне Сергиев Посад) и стыжусь спросить у прохожих, где же здесь Лавра... Стал искать сам, нашел, увидел в монастыре маленькую белую церковь — и понял, что здесь покоится Преподобный Сергий Радонежский. Приложился к раке и совсем забыл, что приехал просить о здравии, а неожиданно для самого себя попросил помочь мне стать семинаристом. Вышел я из белого храма совершенно здоровым и счастливым. Так начинался мир моей церковной жизни. Потом было поставление в диаконы, потом в сан священника. Время радости и многих надежд. Все это незабываемо...»[11].

В 1977 году отец Николай женился на дочери самарского протоиерея Иоанна Державина Иоанне (Жанне), которая стала его верной спутницей жизни и незаменимой помощницей во всех церковных делах.

19 августа 1977 года в праздник Преображения архиепископом Куйбышевским и Сызранским Иоанном (Снычевым) Николай Агафонов был рукоположен в сан диакона в Покровском соборе.

В 1999 году за строительство плавучего храма протоиерей Николай Агафонов был награжден церковным орденом Святителя Иннокентия III степени.

С 2001 года отец Николай серьезно увлекается писательской деятельностью.

Уже в 2002 году два его рассказа печатаются в литературно-художественном журнале «Отчий край» города Волгоград. В том же 2002 году он переезжает в город Самара, где становится преподавателем богословия в Самарской Духовной семинарии и первым настоятелем храма Святого великомученика Георгия на площади Славы.

В Самаре один за другим из-под его пера выходят новые рассказы, которые печатаются в литературном журнале «Русское эхо».

Подлинный расцвет литературной деятельности связан с именем архиепископа Самарского и Сызранского Сергия, который поддержал начинающего писателя и благословил его издавать свои произведения. В 2002 году в литературно-художественном альманахе «Малиновый звон» выходит в свет его

первый сборник рассказов под общим названием «Неприкаянное юродство простых историй», а затем в этом же альманахе в 2004 году выходит второй сборник рассказов «Преодоление земного притяжения».

К настоящему времени общий тираж книг отца Николая превысил 200 тысяч экземпляров.

18 октября 2004 года отца Николая принимают в Союз писателей России.

Из воспоминаний отца Николая: «Здесь, в Самаре, мне дали свои рекомендации писатели Антон Голик и Алексей Солоницын. Но что-то в Москве долго не решали вопрос о моем вступлении в Союз писателей, и произошел такой необычный случай. Председатель Союза писателей Ганичев пришел к себе в офис и вдруг заметил мокрые глаза у своей секретарши. Поинтересовался на ходу, в чем причина слез. Секретарь ответила, что только что читала книги Агафонова и плакала над ними... «А он у нас в Союзе писателей?» — поинтересовался председатель. Секретарь ответила: «Нет». — «Ну, так надо его скорее принять», — сказал Ганичев. И уже через несколько дней меня приняли в Союз писателей»[11].

Православная Церковь Словакии и Чешских земель наградила отца Николая в 2004 году орденом Святого князя Ростислава Моравского III степени.

В этом же году протоиерей Николай Агафонов стал лауреатом областной литературной премии Н.Г. Гарина-Михайловского за книгу прозы «Преодоление земного притяжения» и сохранение духовной составляющей русской литературы.

В 2005 году протоиерей Николай Агафонов стал лауреатом премии «Хрустальная роза Виктора Розова» в номинации «Художественная проза».

С января 2005 года отец Николай является настоятелем храма «Святых Жен Мироносиц» города Самары.

Глава 2. Проблема отцов и детей в рассказе «Возмездие»

Чтение произведений Николая Агафонова убеждает, что одной из главных тем его творчества является формирование личности молодого человека в современных условиях. Эта проблема поднимается в таких произведениях писателя, как «Утешение в старости», «Вика с Безымянки», «Возмездие».

Рассказ «Возмездие» был написан в 2005 году. Он повествует о драматических событиях, которые в конечном итоге привели к ужасной трагедии в одной обычной семье.

В центре рассказа представители двух поколений — отцов и детей — Раиса Кузьминична и семья ее сына, а главным образом — внук. Раиса Кузьминична, старшее поколение, отличается от молодых тем, что воспитывалась под влиянием веры, церкви. Она частица того православного мира, который после трагических для русской церкви событий начала XX века, после прихода советской власти, канул в небытие. Устами своего героя автор говорит, что «над их колыбелями молитвы пели». Поколение же детей, в частности сноха Раисы Кузьминичны и внук Сергей, воспитывались в обществе, насильно оторванном от веры, утратившем связь с Богом. Они отрицают все, что есть святого в мире, и относятся ко всему потребительски. Таким образом, внимание писателя сосредоточено на образе внука Сергея, находящегося под влиянием двух «сил»: положительного примера Раисы Кузьминичны и «темного» влияния поколения детей: его родителей, друзей.

Рассказ начинается с изображения жизни главной героини: «Жила себе Раиса Кузьминична... особо не тужила, скромно жила...» Она набожная, одинокая женщина, семье сына она не нужна. На исходе ее жизни судьба посылает ей и ее семье несчастье.

История, рассказанная автором, обычная, рядовая, но поражает то, с какой глубиной сумел отец Николай показать проблемы, касающиеся каждого из нас.

Раиса Кузьминична — пожилая женщина, ветеран Великой Отечественной войны, много повидавшая на своем веку. Ключевым приемом в создании ее образа является совмещение нескольких временных пластов. Помимо настоящего, автор упоминает о ее военном прошлом. Эпизод с раненым немцем показывает, насколько Раиса Кузьминична сострадательный человек. Она готова помочь ближнему, и даже ненавистного врага, немецкого солдата, становится ей жаль, и она, как может, облегчает его страдания. Она никогда никому не рассказывала, как помогла раненому врагу, чувствовала, что никто не поймет и не одобрит. Кроме того, этот прием помогает в раскрытии главной проблемы произведения. Раиса Кузьминична изображается не только как представитель поколения отцов, но и как представитель поколе-

ния детей. Это способствует более широкому раскрытию образа и наглядному сравнению двух героев.

Образ Раисы Кузьминичны интересен тем, что сходен с агиографическими персонажами. Для жития святого характерны мотив мученичества, подвига во имя людей, жертвенности, мотив чуда после смерти. Мученичество Раиса Кузьминична принимает от семьи своего сына, в особенности от своей снохи, которая в прямом смысле сживает ее со свету: сначала уговаривает всякими хитростями провести обмен квартир, затем переселяет больного человека в кладовку, где свекровь и умирает. Святость Раисы Кузьминичны очевидна: Господь сопутствует ей на протяжении всей жизни. Она всегда молится, что подмечает даже ее непутевый внук («Нет, моя отродясь не пьет, она все молится»). Она ходит в храм, и именно отсутствие поблизости от новой квартиры храма становится главной причиной ее страданий.

Автор рассказывает также о подвигах героини: спасение Булхова, помощь немцу. И как истинно святой человек Раиса Кузьминична прощает всех: и немца, и сноху, и неблагодарного сына.

Не случайно упоминание автора о том, что после смерти бабушки семью долгое время все несчастья и беды обходили стороной, «благодать почти ощутимым образом исходила из полутемной кладовки и освещала всю квартиру и живущих в ней». Так интерпретируется автором мотив чуда после смерти. Все эти параллели главного персонажа с образом святого помогают Н. Агафонову подчеркнуть чистоту героини, жертвенность и всепрощение.

Одной из главных тем, рассматриваемых автором в рассказе, является тема семьи, а точнее ее разрушения. Эта тема заявлена ее в эпиграфе к рассказу: «Почитай отца твоего и мать твою, чтоб тебе было хорошо и чтоб продлились дни твои на земле» (5-ая заповедь Божия (Исх. 20.12)). Семью Раисы Кузьминичны нельзя считать настоящей, крепкой и дружной. Как сын главной героини никогда не уважал ее, так и внук Сергей не уважает своих родителей. Сергей — молодой человек, «современный» во всех отношениях: наркотики, воровство, плохая компания. У него и его друга Димки одно стремление — достать денег на наркотики. Именно это их и губит. Сергей делает свой выбор — выбор молодого поколения — он полностью отстраняется от бабушкиного влияния, что потом приводит к трагическому исходу.

Описывая кульминационный момент, когда друзья пробрались в квартиру, писатель использует интересный прием — совмещение двух реальностей, двух миров, земного и небесного. Здесь появляются фантастические мотивы и фантастический герой. Мы понимаем, что это один из приспешников дьявола в образе кота, затем маленького черного человечка с хвостом, который подталкивает Димку к смерти, а Сергея к сумасшествию. Кроме того, он является якобы сотрудником пятого отдела, по которому проходят нарушители пятой заповеди, заявленной в качестве эпиграфа к рассказу. Черный кот вновь упоминает о бабушке Сергея:

«Что, болит нога-то? Это тебе родная бабка подсуropила. Выпросила у Распятого, чтобы твой небесный сенкьюрик в дело вмешался. Вот он тебе шкаф-то на ногу и опрокинул.

— Как же она так могла? — простонал Сергей, — ведь я ей даже попа привел, как и просила.

— Я всегда говорил, не делай добра, не получишь и зла. А ведь как хорошо я все продумал. Парный беспарашютный прыжок с двенадцатого этажа и весь мир перед тобой. Все эстетическое удовольствие от проделанной работы твоя бабка испортила. Ну, пойду отчет писать. Хотя дело еще не завершено, это только начало. Если постараться, за пару месячишек можно управиться».

Мы понимаем, что и на небесах Раиса Кузьминична не забыла о внуке и позаботилась о том, чтобы наставить его на путь истинный: «Сергей стал очень религиозным человеком, старался не пропускать ни одного богослужения. Часто исповедовался и причащался. Был добр и миролюбив со всеми, кроме котом. Их он просто не переносил. Никто не мог взять в толк, чем была вызвана такая нелюбовь к этим в общем-то миролюбивым Божьим тварям.

Нельзя не отметить, что этот, по сути трагический, рассказ Николай Агафонов заканчивает со свойственным ему юмором — добрым и светлым.

Несмотря на то, что автором рассказа является священник, что из Библии приведены эпиграф и несколько цитат, в тексте мы не найдем ни одного хоть сколько-нибудь похожего на проповедь или поучение слова! И это является отличительной особенностью его творчества. Нет дидактизма, пространных поучительных речей.

Именно это главная заслуга Николая Агафонова: не поучая людей, научить их чему-то доброму, светлому.

Глава 3. Проблема нравственного воспитания в рассказе «Очень важный поступок»

Как и в других рассказах, в центре внимания Николая Агафонова простой человек, его заботы и проблемы, его поиски и обретение пути к Богу. В рассказе «Очень важный поступок» автор углубляет проблему веры, ставит вопросы о нравственном воспитании людей с раннего возраста, говорит о жертве и благодарности, о дружбе и любви.

В центре повествования история о том, как регент (руководитель церковного хора), окончивший Духовную Семинарию, должен справиться с простой, на первый взгляд, просьбой настоятеля церкви — провести урок с учениками 6 классов, дать им «понятие о вере». В то же время настоятель вспоминает свой первый урок, и его рассказ полон иронии по отношению к себе: он говорил с детьми о Давиде и Голиафе и, увлекшись, показывая, как именно стрелял Давид в Голиафа из пращи, случайно разбил окно. Но уже в этом рассказе, переданном простым, разговорным языком, звучат такие же простые и поразительно искренние слова о любви, раскрывающие одну из идей рассказа. Чтобы разрушить стену непонимания между педагогами и детьми, священник предлагает одно средство, которое «старо, как мир», — любовь. Ведь мы, люди, «любим, но не проявляем терпения, любим, но забываем о милосердии, любим, но завидуем, любим, но превозносимся и гордимся, любим, но ищем своего, а когда не находим, то раздражаемся и мыслим зло. Вот когда мы с вами научимся любить, все переноса ради этой любви, тогда не то что стену разрушим, но и горы начнем передвигать...» [1, С.411].

Портрет героя дан автором с юмором: «Я для солидности пришел в школу в подряснике. Но вид у меня в подряснике не солидный. Борода не растет. Так, какие-то клочки непонятные, торчат во все стороны». Разговор с «умными» шестиклашками у него тоже не клеится: дети знают историю о Давиде и Голиафе. Они хотят ответа на другой вопрос: когда он сам впервые с Богом повстречался? Отвечая на него, регент рассказывает очень трогательную историю о себе, оставившую в его душе глубокий след.

Недавно подаренного щенка, он, третьеклассник, принес в школу, но по требованию учительницы оставил его спать в школьном дворе. Вернувшись за собакой после уроков, дети узнали, что ее унес Валерка-дурачок. Убегая от ребят, он чуть не погиб под поездом, и ребята плакали от радости, увидев, что он

жив. На следующий день наш герой с мамой пошли забирать у Валерки собаку. Выйдя из подъезда дома со щенком на руках, он увидел в окне Валерку. «Тот стоял и смотрел на нас широко раскрытыми глазами, а по щекам его текли крупные слезы» [1, С.421]. И в этот момент наш маленький герой решил отдать сироте Валерке своего любимого щенка. «Глаза Валерки светились счастьем, а мать сказала ему: «Сегодня ты совершил очень важный в твоей жизни поступок, сынок, и я тобой горжусь» [1, С.421]. Мы понимаем, что именно в этот момент он впервые встретился с Богом.

Идея присутствия Бога в жизни обычных людей действительно звучит в рассказе: «Вот именно тогда я впервые и повстречал Бога. Он невидимо стоял рядом со мной и Валеркой. Но я запомнил, как Валеркина бабушка стояла и, крестясь на образа, в умилении шептала: «Господь с вами, детки мои...» Каждый человек в своей жизни хоть раз, но встречается с Богом, но не все это, правда, замечают» [1, С.421].

Рассказ пронизан необыкновенным лиризмом, юмором. Хотя автор не идеализирует своих героев — священнослужителей, детей, преподавателей — но в системе образов нет отрицательных героев. Библейские истины изложены простым языком. Николай Агафонов даже с неподготовленным читателем говорит на понятном ему языке и очень искренно. Именно этому отвечает композиция — два рассказа в рассказе, в которых много диалогов и монологов. Новеллистичность рассказа дает возможность предположить, что он не только написан о школьниках, но и для них, об этом говорит и посвящение — «Ученикам шестых классов школы № 10, г. Ногинска, Московской области» [1, С.409].

За кажущейся простотой рассказа скрыты глубокие морально-нравственные проблемы. Автор заставляет задуматься о самом важном в жизни человека — о вере, о любви к Богу и жертвенной любви к людям, о присутствии Бога в жизни людей, о поисках путей к нему.

Глава 4. Проблема института семьи в рассказе «Колдовские сети»

В своих рассказах о. Николай Агафонов затрагивает жизненные проблемы, которые могут застигнуть любого человека. В какой-то момент спокойная, безоблачная семейная жизнь героев заканчивается, и они оказываются в острой, стрессовой

ситуации, должны принять важное решение. Героиня рассказа «Колдовские сети» Светлана оказывается в непростом положении: она узнает, что муж Слава изменяет ей. Героине больно от предательства близкого человека, она сосредоточена только на одной мысли: «рухнула вся ее жизнь, надежды и мечты, а главное, любовь».

Мстительность обманутой женщины достигает апогея, она представляет себе разные картины, как могла отплатить мужу. Все остальные заботы и интересы кажутся ей теперь глупыми, ничтожными: она забывает покормить кота, любимый сериал кажется ей глупым и неинтересным. За этими, казалось бы, мелочами угадывается нечто другое: в душе женщины происходят изменения, последствия которых будут страшными. Светлана сама не понимает, что зло, появившееся внутри нее, перевернет ее судьбу, но пострадает она одна. Итак, личность героини претерпевает серьезные изменения, ее прежние привычки и поведение оказываются настолько повреждены, что возврата для нее в прошлую жизнь отныне не существует.

Героиня — обыкновенный человек, на ее месте может оказаться каждый. Но идея рассказа не в том, чтобы поразить читателей духовным складом или характером Светланы; перед нами простая житейская история, которая, к счастью, заканчивается оптимистически. Время, когда происходят события, — наша современная действительность; глазам читателя предстает трагедия простой русской семьи. В сущности, Светлана и Слава — чуждые друг другу люди, по крайней мере, в тот момент, когда мы впервые видим их, они не чувствуют друг друга, муж без зазрения совести обманывает свою жену, Света до последнего мгновения обманывает себя, убеждает, что все хорошо. Подруга Светланы, Татьяна, подтверждает, что ее случай не единственный: ее муж тоже изменяет ей, при этом пьет. Между супругами нет никакой душевной близости, Татьяна же объясняет это тем, что на супруга навели ворожбу; хотя нам абсолютно ясно, что ворожба здесь совсем ни при чем: просто муж и жена далеки друг от друга, любви между ними совсем нет. Татьяна не понимает, что совместная жизнь строится не по принципу, чтобы двоим было удобно, как в гостинице, что дом — это не то место, куда нужно прийти, чтобы поесть и поспать. В первую очередь люди должны иметь духовную связь, быть поддержкой и опорой друг другу. Татьяна же находит последний аргумент: наверно, изме-

нил муж Свете, потому что детей не успели завести: дети «крепко привязывают». Были бы счастливы дети, появившиеся в такой семье, «привязывающие» родителей друг к другу? Но этих двух женщин такие вопросы совсем не интересуют, институт семьи понимается ими в корне неправильно. Светлана осознает, что должна успокоиться и неторопливо обдумать сложившуюся ситуацию, она вспоминает, как прошли четыре года ее жизни в браке: «жили хорошо, в достатке. Правда, последнее время она замечала, как в их отношениях что-то разладилось»; Светлана не заметила, как чувства между ней и супругом остыли, даже подозрительное поведение мужа не открывает ей глаза. Светлана обманывает саму себя. Конечно, ей намного легче думать, что все идет как надо, но правда открывается, и дальше прятаться от нее становится невозможным. Н. Агафонов не рисует перед нами портрета мужа героини, оценки, соответственно, он ему тоже не дает, потому что не так уж важно, виноват он или нет; читатель должен сосредоточиться на том, что происходит в душе женщины, как ее месть оборачивается против нее же самой.

Итак, по телевизору Светлана видит знаменитого мага, который гарантирует при помощи магии любые действия: вернуть в семью любимого человека, отвести порчу и т.д. Говорит он убедительно, и Светлана решается: она должна вернуть мужа. Нельзя сказать, что решение дается ей просто: «всю ночь Светлана не могла толком уснуть, ворочаясь в постели, вздыхала и всхлипывала», но она чувствует, что должна что-то изменить, как-то повлиять на ситуацию, в которой играет незавидную роль. После приема у колдуньи «на душе было очень тяжело, как будто там, в душе, она вынесла из этой комнаты частицу темноты и той мрачно-торжественной обстановки, которая завораживала сознание и давила необъяснимым страхом на сердце». В сердце героини начинается мучительный процесс борьбы добра со злом; и все-таки Светлане некого обвинять: шаг в сторону темной стороны она делает сама. Здесь Н. Агафонов четко показывает, насколько каждый человек свободен в своем выборе: в этом деле у Светланы нет и не может быть помощников, никто не дает советов, никто ничего не запрещает. Есть только абсолютно свободная воля.

Светлана решает для себя, что правильней, и за это никто осудить ее не может. Другое дело, что придет момент, когда она сама осудит себя. Да, героиню гнетут сомнения, но желание отомстить продолжает жить в ее душе, и Светлана идет в храм. Не-

ведомая сила останавливает ее, ей кажется, что святой на иконе внимательно наблюдает за ней и не разрешает сделать то, за чем она пришла. На ее душе становится легче.

Человек является объектом конфликта между светом и тьмой: Светлана побеждена собственным выбором. Те самые колдовские сети не отпускают ее: сначала она получает записку, потом находит у своей двери странный восковой шарик с ее волосами. Ее кладут в психиатрическую больницу. Когда Светлана выходит, ее не интересует уже ничего: ни то, что ее уволили с прежнего места работы, бороться ей не хочется и жить не хочется тоже. Выход женщина находит быстро, она хочет как можно скорей «решить проблему», совершив самоубийство. Тщательно готовится, наполняет ванну горячей водой, на край кладет лезвие, но до конца пойти не решается: ей страшно. Светлане слышится голос, ей кажется, что она видит святого с иконы в храме, который велит ей встать и прийти к нему. Светлана выбегает на улицу, с ее глаз как будто падает пелена: она замечает, как красиво искрится снег, какой свежий морозный воздух на улице. Эта минута ее душевного обновления: чувства в ее душе моментально меняются, вместо горечи, обиды, тоски она ощущает радость, «бодро» шагает в сторону храма, звон колоколов кажется ей «веселым». «Это мой новый день рождения», решает Светлана. Это на самом деле миг ее душевного обновления, но достается он ей тяжело, она находится в шаге от того, чтобы покончить жизнь самоубийством. Ее перерождение достается ей дорогой ценой: бросившись сначала к магам, она почти теряет рассудок, иных интересов в ее жизни совсем не остается, хочется только отплатить супругу и разлучнице за свои страдания. Но пройдя эти испытания, мытарства, она начинает верить в себя, в ней просыпается любовь к жизни, которая должна ей дать силы жить дальше.

Члены семьи должны уметь говорить друг с другом, слушать и слышать. В Писании сказано: «Любите друг друга». Это значит, что мы должны учиться любить. Есть такое выражение: дом там, где наше сердце. Не там, где есть условия для жизни, где комфортно и тепло, а там, куда хочется возвращаться, где есть атмосфера любви и доверия. Наверное, этот рассказ настолько же важен, насколько и актуален на сегодняшний день, именно потому, что сейчас в России множество семей распадается из-за отсутствия уважения и любви супругов друг к другу. Вот главная опасность, о которой предупреждает нас писатель: не то, что предаст

близкий человек, а то, что люди, живущие вместе и считающиеся семьей, по сути таковой не являются. Если мыслить в категориях добра и зла, то Светлана оказывается на перепутье, и порожденное ей внутри себя самой зло побеждает. Важный вопрос поднимается автором: почему Бог допускает зло? Если верить, что человек только марионетка в руках Бога, то не имеют никакого смысла моральные заповеди, не может существовать грехов и пороков, благодеяний и добродетелей, не может быть ответственности человека за свои поступки. Нет, говорит своим читателям автор, иначе не было бы никакого смысла в нашем существовании. Любое насилие, подавление или злой умысел будят стихию зла, которая быстро развивается, крепнет и опутывает своими «сетями» жертву. И тогда для человека остается спасение в чем-то из трех: вере, любви, надежде, и любовь из них, как известно, большая. Так, Светлану спасает любовь к жизни. Несмотря на всю трагичность существующих порядков, когда в семье между супругами нет чувств и никакого понимания. Николай Агафонов заканчивает свой рассказ на светлой ноте: для любого человека, который забыл, что главное в жизни — это любовь, есть обратная дорога. Главное — это вовремя остановиться, начать жизнь заново никогда не поздно; когда ты обернешься к миру лицом, тогда и он примет тебя, такова мораль этого рассказа.

Заключение

О своем творчестве Николай Агафонов говорит: «Меня не покидает ощущение, что я прожил очень долгую и насыщенную событиями жизнь. Порой я ощущаю себя глубоким стариком, и тогда старческая сентиментальность заставляет меня плакать над тем, что для многих смешно. Но все же чаще я ощущаю себя ребенком — глупым, озорным и наивным, и тогда мне хочется смеяться над тем, что у других вызывает лишь слезы.

Я плачу и смеюсь вместе с героями моих рассказов. Эти мои переживания заставляют меня взглянуть по-новому на свою собственную жизнь, дать ей оценку той Правды, которая превыше всех человеческих умствований. И в свете этой оценки изменить свою жизнь. Это, пожалуй, является главным стимулом моего творчества».

Жизнь показывает нам — каждому в своей ситуации и стране в целом — какие мы еще «младенцы во Христе». Мы много прочитали, много знаем, но не умеем жить по-написанному. Та-

кое откровение о самих себе может напугать и даже ввергнуть в уныние, и вот тогда нужно открыть книгу отца Николая Агафонова, сначала посмотреть на фотографию улыбающегося батюшки, а потом прочесть его рассказ, чтобы убедиться, что человека на правильный путь может наставить даже случайная встреча.

Отец Николай описывает торжественные и радостные события в жизни человека, благословляет на подвиг и подвижничество, сокрытые от мира. Рассказы читаются легко, потому что все узнаваемо и сопереживаемо, и в то же время они будто испытывают: готов ли читатель за внешним, за пошлостью жизни разглядеть сокровенное, тайное, прекрасное и ужасное. Истории отца Николая хороши для семейного чтения: времени занимают немного, а думать и рассуждать заставляют постоянно, входят в душу и начинают трудиться, разгребать завалы душевных развалин. Работа эта не прекращается, пробуждает духовный голод, просит утоления в других рассказах. Автор изображает человека в вечном пространстве духовной борьбы, то беспомощного, безвольного, не умеющего найти путь к Источнику сил, то чудным образом обретающего животворящий свет и спасение.

Читая его рассказы, невольно ловишь себя на ощущении, что тебя не поучает умудренный творческим опытом литератор, а, напротив, ведет добрую и непринужденную беседу искренне заинтересованный в общении с тобой человек, пастырь. И нет в его речи словесных изысков, мудрено выстроенных фраз, не очень понятного сюжетного подтекста. Все в рассказах близко читателю и потому очень непосредственно им воспринимается. Что же касается до мудрости — не придуманной гордым человеческим умом, а естественно-природной, той, что от Бога, — то ее в произведениях отца Николая Агафонова в достатке. Но так как идет она от сердца, от духа пишущего, то и читателем воспринимается тоже сердцем и духом. И не возникает тут никакого препятствия, никакой преграды для восприятия. Ибо в духе том мы едины, а это самый краткий путь от пишущего до читающего.

Проза отца Николая Агафонова — это в первую очередь свидетельство эпохи. Правдивое, искреннее и вместе с тем обладающее именно тем иным «взглядом «из алтаря», по словам писателя Александра Громова, который могут иметь только священнослужители».

Это, в первую очередь, и делает его прозу исключительно нравственной.

Храм — в твоей душе

*Твой Храм — в душе, другого не ищи,
лишь время тратя и вниманье
На камни храмов и мольбы —
религий всех созданья.*

*Наш Бог-Отец услышит всех,
кто сердцем чист и добр.
Ему не надо петь псалмы
и кланяться до пола.*

*И горестно смотреть Отцу,
как, преклонив колени,
Рабом становится Дитя —
Венец Его Творенья!*

*Стремись творить без суеты,
любить старайся больше.
Ты не молись — добро твори
и с радостью живи.*

*И счастлив будет наш Отец,
когда увидит снова,
Как поднимается с колен
Его Любви Основа!*

Список источников и литературы

1. Агафонов Н.В. Непридуманные рассказы. — СПб, 2008.
2. Дмитриев А.П. Православие и русская литература / А.П. Дмитриев // Русская литература. — 1995. — № 1. — С. 255-269.
3. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв. / М.М. Дунаев. — М.: Престиж, 2003. — 1056 с.
4. Есаулов И.А. Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры / И.А. Есаулов // Вопросы литературы. — 1992. — № 1. — С. 148-170.
5. «Каждому человеку дается талант от Бога...» интервью с самарским писателем протоиереем Николаем Агафоновым; газета «Благовест» 2010 год.
6. Карасев В. «Щенок» протоиерея // Волжская коммуна. — 2010. — 23 сентября.

7. Сливкина Т.М. «О рассказах Николая Агафонова». Вступительная статья к сборнику рассказов (2005 год).
8. Сливкина Т.М. Человек и вечность. Размышления о рассказах Николая Агафонова // Православная народная газета. — 2004.
9. Солоницын, А.А. Православная литература: возрождение жанра / Алексей Солоницын // Волжская коммуна. — 2006, 15 февраля.
10. Яковлева Е. Неизвестные герои// Российская газета. — 2013, 14 марта.
11. <http://kirsat.narod.ru/biograf.htm>

ЭКСКУРСИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ САМАРЕ

Работу выполнила
студент 1 курса Самарского
художественного училища
имени К.С. Петрова-Водкина
Стукалова Галина

Перед нами здание бывшего Реального училища. Именно отсюда и начинается история Самарской губернии, ведь именно в этом доме после церковного молебна было торжественно объявлено об ее образовании 1 октября 1851 года. И если до этого момента Самара была маленьким провинциальным городишкой, то тут начинается ее превращение в крупнейший город Поволжья.

Здание по ул. А. Толстого, 31, было построено в 1840 году и принадлежало купцу Макке. В те времена это был самый большой каменный дом в Самаре, один из немногих уцелевших после пожара 1848 года.

В этом здании 7 октября 1880 года было открыто Реальное училище. В нем находились неплохо оснащенные кабинеты естествознания, минералогии, химическая лаборатория, библиотека, столярно-токарные и переплетные мастерские. В настоящее время здание имеет облик в стиле модерн из-за реконструкции, произведенной в 1906-1909 годах по проекту самарского архитектора П. Шаманского. Оно приобрело трехэтажный пристрой по улице Казанской с жилыми помещениями для дирекции и педагогического состава. В смотровой башне разместили обсерваторию, появились музыкальные и рисовальные классы.

Самым известным писателем, который жил в Самаре, по праву считается Алексей Толстой. Но это не совсем правда, в Самаре он был еще желторотым мальчишкой. С 1898 по 1901 год в число воспитанников реального училища входил и Алеша Толстой, т.е. он посещал еще старое здание училища.

Уроженец города Николаевск (ныне — Пугачев) Самарской губернии, свои детские годы он провел на хуторе Сосновка, при-

надлежавшем отчиму писателя — Алексею Бострому, служившему в земской управе города Николаевска, — этого человека Толстой считал своим отцом и до тринадцати лет носил его фамилию.

Родного отца, графа Николая Александровича Толстого, офицера лейб-гвардии гусарского полка и знатного самарского помещика, маленький Алеша почти не знал. Его мать, Александра Леонтьевна, наперекор всем тогдашним законам, оставила мужа и троих детей, и, беременная сыном Алексеем, ушла к своему возлюбленному. В девичестве Тургенева (но родственных связей с И. Тургеневым нет), Александра Леонтьевна была сама не чужда писательству. Сочинения ее — роман «Неугомонное сердце», повесть «Захолустье», а также книги для детей, которые она печатала под псевдонимом Александра Бостром, — имели значительный успех и были довольно популярны в свое время. Именно ей Алексей был обязан искренней любовью к чтению, которую та смогла ему привить. Пыталась Александра Леонтьевна склонить его и к сочинительству.

В 1897 году Алеша Толстой делает попытку поступить в Самарское реальное училище, но проваливается на экзаменах, получив почти круглую двойку. Александра Леонтьевна, чтобы не терять зря год, везет сына в Сызрань, и он поступает в местное реальное училище, где был традиционный недобор, причем сдает экзамены сразу за четвертый класс. Необычен выбор реального училища в качестве учебного заведения. В то время приходилось выбирать из двух видов получения образования, каждый из которых определял всю дальнейшую жизнь. Так, ученики классической гимназии, изучавшие иностранные языки, включая «древние», гуманитарные науки, готовились к карьере адвоката, ученого, педагога. По окончании гимназии выдавался аттестат зрелости, дающий право поступления в университеты. Учащиеся же реального училища могли рассчитывать на продолжение обучения лишь в технических институтах, где могли приобрести профессию инженера. И в те времена карьера адвоката была куда более престижна, чем работа инженера. Такой выбор учебного заведения служит доказательством демократических взглядов семьи Бостромов.

Впечатления от Сызрани — небольшого уездного купеческого городка — юный Алексей Толстой оставил в поэме «Маленький демон» (название он дал своему сочинению по-французски). В шуточной форме (в роли демона выступает лавочник, пришед-

ший с фунтом шоколада и гармоньей объясняться в любви сызранской обывательнице Тамаре) он пытается высмеять мещанские нравы того времени.

Толстой рос жизнерадостным мальчиком, дружелюбным, сованцом, склонным к авантюрным предприятиям, не пропускающий возможности пошутить, пусть и во вред себе. Эта способность к юмору впоследствии даст знать о себе в его произведениях.

В 1898 года Алексея Толстого перевели в Самарское реальное училище.

Его учителей из Реального училища довольно подробно и честно опишет Е.Ю. Ган, бывший одноклассник А.Н. Толстого, доцент Куйбышевского политехнического института. И придет к неутешительному выводу: «Все, что у нас оказалось к окончанию курса, получилось независимо от учителей». Которые, увы, не в состоянии были посеять «разумное, доброе, вечное». Одни, владея предметом хорошо и желая вызвать интерес своих учеников к его изучению, однако, не могли добиться этого: не было духовной связи с учащимися. У других же напрочь отсутствовал талант преподавания. Французский язык А. Толстой знал сносно и то благодаря семье. Уроки литературы заканчивались на Гоголе. Упоминание же студентами имен Писарева и Добролюбова пугало учителя литературы, не желавшего вступать в противоречия с реакционными взглядами начальства. Писали сочинения на темы вроде: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!» (из «Б. Годунова» Пушкина), «Счастье не вне, а в нас самих» и т.д.

Казалось бы, литературный дар Алеши Толстого должен был проявиться еще в ранних его произведениях, однако ни его одноклассники, ни учителя ничего поразительного не отмечали. И даже обычно он получал четверки, и лишь однажды будущий писатель удостоился похвалы за образность языка в своем сочинении.

Если не в училище, так как же мог развиваться ум молодого человека? Во-первых, влияние семьи, а во-вторых, близкая дружба с некоторыми своими одноклассниками, довольно смышленными в свои годы подростками.

К Алексею Толстому мы вернемся еще не раз во время нашей экскурсии.

Напротив Реального училища располагалась Самарская женская гимназия № 1 (ул. А. Толстого, 36), основанная в 1859 году и получившая статус гимназии в 1870 году. В 1894 г.

Екатерина Павловна Волжина, первая жена Максима Горького, окончила ее с большой серебряной медалью, она училась в одном классе с сестрой В.И. Ленина М.И. Ульяновой. В 1895 году Екатерина Павловна окончила дополнительный 8 класс. Во время учебы она уже с 4 класса начала давать уроки.

Самара не может похвастаться тем, что вырастила собственных писателей, какие были бы известны широкой публике. Первым самарским литератором считается Иван Алексеевич Второв (1772-1844 гг.), который стремился рассказать читающей публике тех лет о самарском крае.

Дом Ивана Алексеевича был заметным культурным центром уездной Самары. К общению с Второвым стремились проживающие в Самаре образованные чиновники, любители литературы, в особенности пробовавшие свои силы в сочинительстве. Его дом располагался на том том месте, что сейчас занимает Самарский завод клапанов, на улице Воеводы князя Засекина, не так далеко от Хлебной Площади.

И.А. Второвым были опубликованы шесть сентиментальных произведений в прозе и стихах в московских журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена, или Утехи Любословия», такие как «Прости, май», «Царев Курган», «Перемена участи (друзьям моим)» (стих.), «Время» (стих.), «Моя прогулка», «Здравствуй, май». Месяц май, предшествовавший дню рождения Ивана Алексеевича, особенно нравился ему, отчего и были посвящены 2 произведения этому весеннему месяцу. Обладая природной скромностью, И.А. Второв не подписал ни одно свое сочинение своими полными именем и фамилией, а лишь инициалами и криптограммами, но почти всегда указывал точные места, где были написаны произведения, например, Самара, слобода Царево-Курганская Самарского уезда, деревня Чувашская Токмакла в Самарском уезде. И в наши дни представляет большой интерес очерк «Царев курган», в котором в 1798 году по личным наблюдениям Второв описал достопримечательный памятник природы в его первоизданном виде и окрестности.

Но не столько сочинениями, опубликованными в столичных журналах, вызывает у нас интерес личность Второва, сколько дневником («журналом»), который он вел более 50 лет.

На основе своих записей Второв написал воспоминания о первом путешествии в Москву и Петербург и мемуары «Москва и Казань в начале XIX века».

Хорошо сохранившийся архив И.А. Второва помогает в работе и исследованиях литературоведам и историкам. Так, Л.Б. Модзалевский использовал второвские материалы для составления биографии Н.И. Лобачевского, Н. Эйдельман — в книге «Грань веков», Г. Шторм — в книге «Потаенный Радищев», В.Э. Вацуро — в статье о поэте А.П. Крюкове, В.В. Вересаев — в книге «Пушкин в жизни».

В жизни Второва были две большие страсти — путешествия и книги. Он объездил многие русские города, особенно волжские. И везде прежде всего посещал книжные лавки и приобретал книги на большую для бедного канцеляриста сумму. За неимением достаточных средств сам же занимался переплетным делом, книги тогда продавались в мягкой бумажной обложке. А также в чужих городах стремился к знакомствам с литераторами и учеными. Иван Алексеевич был знаком с М.Н. Карамзиным, В.А. Жуковским, И.П. Тургеневым, Н.И. Гнедичем, А.А. Дельвигом, А.С. Пушкиным, Н.И. Лобачевским и многими другими известными деятелями. Впечатлениями о своих знакомых, о событиях, происходящим с ним и там где был он, Второв делился на страницах своего дневника.

Нельзя обойти стороной замечательную семью дворян Ворониных, живших в Самаре с начала XIX века, повлиявших на литературную жизнь уездной Самары. Семья Ворониных состояла из Захара Васильевича, чиновника, дослужившегося до чина коллежского асессора, его жены Федосьи Владимировны, их пятерых детей: Евгении, Надежды, Николая, Веры и Софьи. Не имея большого достатка, Воронины считали своей обязанностью дать всем детям образование и привить любовь к культуре и литературе. Захар Васильевич дружил многие годы с Иваном Алексеевичем Второвым, уже упомянутым мной. И, конечно, последний не мог не оказать благотворное влияние на детей. Сын Николай прожил обычную жизнь чиновника. А вот судьба дочерей оказалась причастна к литературе: Евгения внесла вклад в Пушкиноведение, Вера стала профессиональной писательницей, Надежда входила в круг общения драматурга А.Н. Островского и его друга критика и переводчика Е.Н. Эдельсона, Софья стала женой поэта и критика Б.Н. Алмазова и вошла в среду московских литераторов и ученых.

Оттого и вызывает интерес такая семья, которая смогла зародиться в глухой провинции, каким был тогда уездный город Самара. В назидание сегодняшним родителям.

Декабрист Беляев Александр Петрович, живший после ссылки в Самаре, описывал общество или так называемую интеллигенцию тех лет так: «Самара могла гордиться им, так много было в нем прекрасного. Тут не было ни сплетен, столь обыкновенных в уездных городах, ни враждебных отношений, ни зависти, ни пересудов; все жили мирно, веселились в простоте сердца, не пытались представлять из себя дурных копий с губернских или столичных, а на самом же деле французских оригиналов, но жили самостоятельную жизнью истинно образованных людей».

В 1840-х годах дом Ворониных стал своеобразным литературным салоном, редким явлением для уездного города тех лет. Читали вслух свои произведения, а также русских и иностранных писателей, печатавшихся в журналах, занимались музыкой и пением среди дружеского и самого образованного общества. Евгения Захаровна привлекала к себе как знаток и ценитель литературы.

Значительную часть своего времени А.Н. Островский и Е.Н. Эдельсон проводили как раз в семье Ворониных, будучи в Самаре, которую они посетили в январе-феврале 1849 года.

Островский тогда был начинающим драматургом. К тому времени он написал комедию «Несостоятельный должник» (впоследствии «Свои люди — сочтемся»), небольшой отрывок из которого был напечатан под псевдонимом в «Московском городском листке» 1847 г. Позднее в той же газете было опубликовано и также под псевдонимом следующее произведение Островского — «Картины московской жизни. Картина семейного счастья», которое впоследствии было исправлено и напечатано в 1856 г. под заглавием «Семейная картина».

Поездка в Самару не была служебной, и, как шутил Александр Николаевич, он приехал в наш город в качестве «дельца», по поручению одной дамы, жившей в Москве и собиравшейся получить деньги за продажу самарских имений, полученных в наследство от отца. Но у нее возникли недоразумения с матерью, управлявшей ими на правах опекунши. И решить эти проблемы должен был как раз Островский, для чего он отправился в Сызрань. Но после неудачных переговоров он со своим другом отправился в Самару, где задержался дольше, чем планировал.

В провинции в те времена гостеприимство было самое радушное, и потому молодые люди в первый же день своего приезда отобедали у Путиловых, известной семье помещиков (Аристарх

Азарьевич был самарским уездным представителем дворянства), а вечер провели у Ворониных, одна из сестер была приятельницей как раз той дамы, по делу которой они очутились в Самаре. Впоследствии все свободное время проводили либо в этой семье, либо с ними же у знакомых.

Дом Ворониных стоял тогда в лучшей части города, на северо-восточном углу улиц Казанской и Пробойной-Воскресенской (ныне А. Толстого и Пионерской) фасадом на Казанскую. Это был небольшой деревянный дом на шесть комнат с мезонином, из окон которого открывался великолепный вид на Волгу. Дом не сохранился, но сохранилась фотография, на которой можно разглядеть часть этого примечательного дома, который был снесен в начале 1900-х годов связи с постройкой дома купца В.М. Сурошников (Пионерская, 22).

А дом Путиловых, в котором бывал Островский, располагался не так далеко от дома Ворониных. Он стоял наискосок от их дома. Деревянный дом Путиловых сгорел в 1850 году, и на его месте А.А. Путилов выстроил большой каменный, который продал в 1853 году самарскому дворянству для Дворянского собрания (ул. А. Толстого, 50).

Примечательно, что вначале большой интерес вызвал именно Эдельсон, Вера Захаровна пишет, что слышала о нем от сестер, которые находили его очень умным и интересным. Он писал критические статьи, переводил «Лаокоона» Лессинга. Про Островского же говорили, что он тоже «пописывает».

Эдельсон сразу обратил на себя внимание, горячо и интересно рассказывая и вовлекая в разговор. Островский же больше молчал и казался застенчивым и незанимательным, хотя смотрел на всех совсем непросто, чем вызывал отторжение.

На следующий день по приезду Эдельсон сообщил, что Островский написал комедию о купеческой жизни, и если его хорошенько попросить, то тот согласится прочитать ее. Все тотчас же стали прочитать Островского пьесу. Он быстро согласился и отправился на свою квартиру за рукописью. Вера Ворониная отмечала, что ждать, конечно, ничего хорошего было нельзя от этого молодого неразговорчивого юноши, который не мог сказать ничего выдающегося и примечательного. Но с первых же сцен пьесы своего «Банкрота» (как прежде он называл «Свои люди — сочтемся») он буквально заморозил слушателей, и невозможно было оторвать взгляда от этого одухотворенного моло-

дого человека. Читал он мастерски. И сделался сразу всеобщим любимцем. Эдельсон шутил, что Александр Николаевич отбил у него всех собеседников, что теперь около него совсем нет реплик и ему приходится довольствоваться монологами. Хотя это не совсем правда потому что, будучи остроумным собеседником, Эдельсон постоянно вызывался на интеллектуальные игры.

В Самаре Эдельсон и Островский ездили на балы, где охотно танцевали. Александр Николаевич очень неплохо пел и никогда не отказывался петь, когда его просили. Его тогдашнему окружению даже казалось, что ему больше льстит успех от исполнения романсов, чем от его сочинений.

Покинув Самару, Островский продолжал общаться с семьей Ворониных. В 1852 году, когда была напечатана «Бедная невеста», Островский прислал Надежде Ворониной экземпляр с надписью: «Надежде Захаровне Ворониной от виновного, но способного к исправлению автора...»

Самара стала первым уездным городом, в котором Островский задержался почти на 2 недели и за это время мог наблюдать уездный быт купцов, помещиков, чиновников — непосредственных героев своих будущих пьес.

В следующий раз Островский посетил Самару только через 16 лет, в мае-июне 1865 года во время поездки от Нижнего города до Саратова и обратно. Во время поездки он отдыхал и общался с провинциальными актерами, выступавшими в крупных волжских городах.

За время после его первого посещения Самары город сильно изменился, он превратился в губернский, быстро развивались торговля, строительство, культура и образование.

Островский не оставил каких-либо воспоминаний о встречах с прежними своими знакомыми, возможно, их попросту и не было. Ведь некоторые из них к этому времени уже уехали из Самары (Воронины в 1859 году), умерли (А.А. Путилов в 1856 году).

Этот его приезд оказался последним в Самаре. Однако когда в 1883 году Самарская городская дума решила поместить в Самарской публичной библиотеке портреты видных российских государственных и церковных деятелей, ученых, писателей, художников, для чего непосредственно обратилась к ним с просьбой, Островский охотно откликнулся и ответил с благодарностью П.В. Алабину, прислав вместе с письмом и свой фотопортрет, ко-

торый сохранился в Самарской областной научной библиотеке и впервые был опубликован в 1973 году.

Безусловно, пребывание Островского в самарской среде купечества и чиновничества не могло пройти для него бесследно, он мог следить за уездными нравами, повседневным бытом жителей. И образность и краткость языка его действующих лиц является как раз следствием его наблюдательности. Он частенько смешил своих собеседников купеческими словечками, на которые был мастер. Он не пропускал редкие поговорки и характерные выражения, и внимательно записывал их, чтобы в будущем точнее создать образы своих героев.

Далее мы проследуем вверх по Пионерской, свернем по улице Куйбышева, чтобы подойти к зданию редакции «Самарской газеты», которая в конце XIX века была самой прогрессивной газетой. К моменту появления этой газеты самарская журналистика была довольно молодой.

Как я уже упоминала, в 1851 году Самара была объявлена столицей губернии, и на тот момент в городе не было ни одной местной газеты. Конечно, самарцы могли читать петербургские и московские издания, доставка которых регулярно осуществлялась. Но разве они могли освятить то, что происходит в провинции, обличить окружающую несправедливость.

Между тем попытки основать собственную газету в Самаре были предприняты еще в 1835 году, когда городской голова Петр Синягин обратился ко всем гражданам, и в первую очередь к купечеству, с таким предложением. Для этого не хватало лишь средств. Но самарские купцы, посоветовавшись между собой, решили, что «никакой пользы торговому делу от газеты нет, а только одна крамола и вольномыслие».

И только после образования Самарской губернии этой проблемой заинтересовался первый самарский губернатор Степан Волховский и написал прошение в канцелярию императора Николая I о выделении средств на покупку типографского оборудования. Вопрос в Санкт-Петербурге рассматривался более полугода и в итоге был решен положительно. Осенью 1851 была открыта типография, а с начала 1852 года в городе стала выходить первая самарская газета «Самарские губернские ведомости».

Она издавались достаточно долго, целых 65 лет, вплоть до 1917 года. Это была единственная газета в Самаре 15 лет, до 1867 года, когда стали также выходить «Самарские епархиаль-

ные ведомости» и «Самарский справочный листок». До 1855 года она выходила два раза в неделю, а потом ее стали печатать трижды в неделю. А после революции 1905 года ее выпуск увеличили до пяти раз в неделю.

«Самарские губернские ведомости» состояли из официальной (первый и второй отделы) и неофициальной частей. В официальной части публиковались известия, объявления и извещения о царских указах, постановлениях Сената, других органов управления, о назначении и перемещении чиновников, получении ими чинов, о торгах, утверждении купчих крепостей, уничтожении доверенностей, вызове наследников, владельцев по размежеванию земель и т.п. В I отделе помещались известия и извещения по Самарской губернии, во II отделе — по империи в целом.

В неофициальной части публиковались материалы по истории, географии, этнографии и статистике губернии, описание различных явлений природы, местные известия, хозяйственные заметки, перепечатывались любопытные статьи и заметки из столичных газет и журналов и газет других губерний, печатались библиографические материалы, частные объявления, информация о приехавших и выехавших чиновниках и дворянах, материалы метеорологических наблюдений.

Официальная часть подписывалась вице-губернатором и секретарем губернского правления.

Газета выходила тетрадами от 11 до 25 страниц размером в четвертую долю листа. В 1852 году нумерация страниц была сквозная во всем годовом комплекте — он насчитывал 871 страницу. С 1853 года нумерация страниц официальной и неофициальной частей стала раздельной. В 1852 году ко многим номерам газеты были напечатаны приложения — сведения о доходах и расходах губернского и уездных городов.

Сведения о количестве подписчиков впервые были помещены в 1857 году в № 30, и могут вызвать лишь улыбку у современных журналистов — в том году в Самарской губернии было 170 подписчиков, в том числе в Самаре — 73.

После восшествия на российский престол императора Александра II в стране начались серьезные преобразования, в том числе были проведены реформы в области печати. Были существенно смягчены требования цензуры при издании газет и книг, что способствовало развитию этой сферы. В 1867 году в губернии начали издавать «Самарские епархиальные ведомости» и первую

местную частную газету — «Самарский справочный листок». Долгое время эти издания оставались единственными на местном рынке СМИ. И лишь с 1884 года выходит «Самарская газета», а с 1887 — «Самарский вестник». Также появились «Самарская лука», «Голос Самары» и др.

Таким образом, ведущее место в литературной жизни Самары половины 80-х годов заняла журналистика и ее жанры.

Перед нами здание редакции «Самарской газеты», располагающиеся по адресу Куйбышева, 73.

Газета была основана актером, режиссером и антрепренером Самаского театра Н.П. Новиковым. Сначала газета ничем не была примечательна среди многочисленных провинциальных изданий. Здесь в основном публиковались театральные объявления, фельетоны на местные темы, в которых объектами насмешек, как правило, становились споры земства и городских властей из-за средств, выделяемых на благоустройство города. Литературные страницы содержали посредственные повести и романы с бесконечными продолжениями: Н. Осипов «В погону за прошлым», Панов «Одного отца дети». По мнению департамента полиции, издатель Н.П. Новиков был вполне благонадежен. Газета пользовалась спросом у мелкой буржуазии, чиновников, обывателей.

Но вот в 1894 году право на издание «Самарской газеты» приобретает самарский купец второй гильдии С.И. Костерин. И это время совпало с оживлением общественного движения в провинции. Редакция начинает привлекать для работы «политически неблагонадежных скитальцев». Первыми такими «скитальцами» становятся в 1887 году высланные из Казани и исключенные из университета за беспорядки студенты: И.К. Португалов, И.И. Альшендингер, М.И. Аккер и др.

В 1890 году в Самару приезжает новая группа студентов, исключенных из университета: И.Л. Тейтель, А.В. Португалов, И.В. Селецкий, А.М. Тихомиров, В.В. Малиновский. Они охотно сотрудничали с местной прессой.

С.И. Костерин хотел сделать свою газету популярной и современной, потому он приглашал работать «политически неблагонадежных» молодых людей. Они надолго определили лицо самарской прессы. Вот эти имена: Е.Н. Чириков, уже имевший опыт работы в газете, А.К. Клафтон, Н.П. Подбельский, А.Е. Григорьев.

С 1897 до 1900 года в газете работал Скиталец (Степан Гаврилович Петров). Он вел раздел фельетона «Самарские строфы» и печатал свои стихи.

С газетой в разные годы сотрудничали Н.Г. Михайловский, А.Л. Бостром. Сюда присылали свои произведения А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко.

В 1906 году газету закрыли за публикацию материалов о революционных событиях.

И, конечно, «Самарская газета» неразрывно связана с именем Максима Горького, который приехал в Самару в конце февраля 1895 года по рекомендации В.Г. Короленко и становится постоянным сотрудником газеты до мая 1896 года.

Сначала он вел в газете отдел «Очерки и наброски», а затем писал фельетоны на местную тему «Между прочим» под псевдонимом Иегудил Хламида. На страницах газеты были опубликованы свыше 200 произведений М. Горького и 46 рассказов, среди которых такие известные, как «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «На плотях», «Однажды осенью».

М. Горький хотел не только донести до читателя само событие или мнение, но и выразить его как можно точнее при помощи изобразительных возможностей слова, поиском которых он занимался. Так, в своих фельетонах он широко использовал устойчивые поэтизмы, распространенные среди журналистов тех лет, латинские выражения, короткую строку, игру слов, часто вставлял диалоги, пословицы. Но из-за чрезмерного употребления художественных средств терялась сила высказывания. Между тем Горький, владея стихом, как ни один другой публицист, считал неприемлемым жанр стихотворного фельетона, к которому прибегали В. Дорошевич, А. Куприн, С. Скиталец и др. По его мнению, за легкой формой подачи фельетона можно не ощутить всю тяжесть поднятой проблемы.

Читатели вовсе обсуждали фельетоны, написанные Горьким потоками грязи, вылитыми на Самару и самарцев, никак иначе их не назовешь. Что отвечало действительности: город был грязный, нравы дикие, кругом мат. Подлинных интеллигентов можно было перечислить по пальцам. Но за правду, как и во все времена, ему доставалось, грозили в суд подать и попросту подкарауливали в подворотне. Сам М. Горький впоследствии говорил, что в Самаре он только оттачивал перо и фельетоны писал плохие.

Далее мы проследуем к дому на улице Куйбышева, 91, в котором с декабря 1895 года М. Горький снимал комнату у А.У. Лялиной, учительницы, родственницы М.С. Позерн, где прожил до мая 1896 года. Ему предоставили сухую, всегда хорошо проветриваемую комнату на втором этаже, но, по замечанию А. Треплева, «опять с недостатками — полутемная», потому что напротив окна — стена соседнего дома. Впрочем М. Горький как будто не обращал внимания на обстановку, видимо, поглощенный процессом усиленного, почти лихорадочного творчества». В одном из писем, адресованном своей невесте Екатерине Павловне Волжиной, М. Горький делится: «Только что кончил большой рассказ «Тоска» — очень устала рука и сам устал... Уже утро... видишь ли ты во сне некоего человека с серой возбужденной физиономией и длинными растрепанными волосами? Он в три погибели согнулся над столом и дрожащей от утомления рукой выковыривает испорченным пером на скверной бумагу неразборчивые буквы, из которых выходит черт-те-что?»

Совсем рядом от нас в доме по Куйбышева, 95, в 1882 г. разместилась первая публичная библиотека. Тут можно было прочитать не только интересующую книгу, но и натолкнуться на не менее интересную встречу с «прекрасной дамой» в лице какой-нибудь гимназистки.

Среди читателей библиотеки был и Алексей Пешков, тогда сотрудник «Самарской газеты», и Алеша Толстой, ученик Реального училища. Основными читателями были люди чиновничьего, мещанского, купеческого сословий, интеллигенция и даже крестьяне окрестных сел. В среднем на каждого читателя приходилось 36 выданных томов в год — внушительная цифра и в наш просвещенный век.

Обстановку в читальном зале образно описал в своих воспоминаниях А.М. Пешков: «...публики было много, а мебели было мало, в читальне было тепло и живописно. Многие стояли, счастливые сидели на стульях, менее счастливые — на витринах, на окнах, на карнизах... Было душно, пахло керосином и человеком».

Библиотека открылась 1 января 1860 года, имела в своих фондах 800 книг и периодические издания. Взималась плата за пользование библиотекой, купить абонемент можно было на разный срок. «Самарские губернские ведомости» писали, что в первый же месяц в библиотеку записалось на год 14 особ. Постепенно число читателей увеличивалось. На полгода сюда записа-

лось 7 человек, на три месяца — 4, на один месяц — 25. «Итого абонентов — 50. Получено в доход библиотеки 65 рублей 95 копеек», — писала газета.

В 1882-1896 гг. библиотека располагалась именно в этом здании, а в августе 1896 года ее перевели в дом Ушаковой, Куйбышева, 131.

Следующим местом, которое мы посетим, будет дом, в котором М. Горький снимал вторую по счету квартиру в Самаре.

Мы уже узнали о творческом периоде Горького, освятили его литературные поиски в Самаре, и не затронуть обстоятельства его приезда в Самару, умолчать, что именно в нашем городе он встретит свою настоящую любовь, было бы несправедливо по отношению к нему не как к писателю, а как к человеку, беспокойному, неустроенному, с редким чувством справедливости.

В Нижнем Новгороде он остался без работы, отвергнутый любимой женщиной, он пил и болел. И, получив гонорар в двадцать пять рублей, присланный из Самары за напечатанные в «Самарской газете» рассказы «Два босяка» и «Мой спутник», он принимает решение сбежать в Самару от окруживших его проблем. В редакции «Самарской газеты», куда он устроился на работу, он встречает ту, которая останется ему преданной до конца жизни, Екатерину Павловну Волжину.

Вот как она описывает их встречу в июне 1895 года: «Я в это время только что окончила Самарскую гимназию и по приглашению редактора «Самарской газеты» поступила в газету заменить заболевшую корректоршу. Страшно мне было переступить порог редакции. Быть в большом обществе взрослых мне не приходилось, а тут, открыв дверь, я услышала шум и хохот. На столе стоял Алексей Максимович и дирижировал. Все были навеселе и пели: «Гаудеамус игитур...»

В марте он опубликовал в «Самарской газете» стихотворение «Прощай», оно проникнуто тоской по любимой женщине, что оставила его, и вот он вновь одинокий странник, которому нечего ждать, и он отправляется в путь.

*Прощай! Я поднял паруса.
И встал со вздохом у руля.
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Все, чем прощается земля
Со мной... Прощай!*

Стихотворение заканчивается такими строчками:

*Но — море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может!..
Прощай!*

И представьте, какую радость должен он был испытать, разочарованный в любви, истерзанный безответным чувством, встретив родную душу в лице Кати Волжиной.

Под Новый год они объяснились, и Катя дала Алексею слово быть верной женой. Но ее родители были категорически против: их пугала молодость и неопытность дочери и беспокойная жизнь с переездами Алексея Максимовича. Отец Екатерины Павловны — по специальности ботаник, из семьи дворян из Сумы, занимался улучшением породы семян в усадьбе своего отца. Но когда Кате было полтора года, отец разорился и с 1880 года стал работать управляющим свеклосахарных плантаций сначала на Украине, а потом и в Самарской губернии. Из-за болезни ему пришлось оставить и эту работу, и в 1889 году он с семьей переехал в Самару. Жили в меблированных комнатах до тех пор, пока мать Е.П. Волжиной Мария Александровна не получила в 1892 году место заведующей столовой для голодающих и бесплатную квартиру. Сама она происходила из Сумских дворян. Дочь директора банка в г. Сумы, она окончила Мариинский институт в Петербурге, а в Самаре вынуждена была зарабатывать шитьем белья.

Конечно, люди честные и благородные родители Екатерины Павловны хотели быть уверенными в серьезности намерений М. Горького и в будущем благополучии своей дочери. Потому, уговорив дочь не торопиться с решением, они отправили ее в конце января 1896 года к родственникам в Кронштадт в Петербург. Однако разлука лишь доказала истинность чувств обоих молодых людей. К тому же серьезно заболел отец, и Екатерине Павловне пришлось вернуться. Наметившуюся свадьбу пришлось отложить в связи со смертью отца до 30 августа 1896 года, когда Екатерина Павловна обвенчалась с Алексеем Пешковым, от которого в 1897 году родила сына Максима уже в Нижнем Новгороде. Весной 1898 года Алексей Максимович был арестован и отправлен в Тифлис. А она с сыном уехала в Самару, где остановилась у Марии Сергеевны Позерн на Вознесенской улице. Сюда же после освобождения приехал Алексей Максимович. Они сняли 2 комнатки на даче, рядом с дачей М.С. Позерн. Недалеко рас-

полагалась кумысная лечебница, что было очень кстати, так как здоровье писателя после тюрьмы сильно ослабло.

И хотя разошлись они уже в конце 1903 года, Горький ценил Е.П. Пешкову всю жизнь, о чем свидетельствуют написанные в разные годы им письма. К сожалению, в наши дни мало кого интересует переписка Горького с первой женой. Она была опубликована в СССР лишь однажды и малым тиражом. Однако, читая эти письма, убеждаешься, насколько он нуждался именно в такой женщине, искренней, понимающей, готовой всегда поддержать и найти нужные слова. «Ты знаешь, кем ты была для меня на протяжении всей жизни?..» — напишет ей Горький незадолго до смерти.

Именно Екатерина Павловна много способствовала изучению и пропаганде творческого наследия писателя, особенно раннего периода. Она помогала в послевоенном возрождении музея М. Горького в Куйбышеве, приезжая сюда в 1941, а потом в мае 1948 года, она посетила многие горьковские места города, уточняя и поясняя их роль в судьбе писателя.

Посетила она и дом, в котором проживала ее семья, на бывшей Николаевской (Чапаевская, 98), подробно описала планировку и обстановку тех лет. Их квартира располагалась на втором этаже. Прямо с лестницы попадаешь в небольшую переднюю, из нее — в комнату, убранство которой было более чем скромным. В центре комнаты — стол, напротив входа — тахта, в углу направо при входе — кровать отца, у постели которого долгие часы проводил Алексей Максимович, когда он был уже тяжело болен. Во дворе их дома располагалась столовая, в которой работала мать Екатерины Павловны, — деревянный барак, в котором нищему можно было получить обед за пять копеек.

Вот мы и подошли к дому на ул. Ст. Разина, 126, в котором с мая по декабрь 1895 года жил М. Горький, на квартире хозяина дома Д.С. Кишкина. Бывший студент Московского университета, он происходил из бедных дворян Ковровского уезда Владимирской губернии. В 1885 году был отдан под гласный надзор сроком на два года за государственное преступление, после чего последовал надзор негласный. После приезда в Самару он некоторое время жил в доме родной сестры Марии Сергеевны Позерн. Служил присяжным поверенным в Самарском окружном суде. За ним внимательно следило губернское жандармское управление, то и дело отмечая в своих донесениях о его встречах и зна-

комствах с другими подназорными Самары. Особенно вызывало их беспокойство знакомство Д.С. Кишкина с семьей В.О. Португалова — санитарного врача, публициста, одного из организаторов народных чтений в Самаре. Его сыновья также состояли под надзором полиции. К 1895 году Д.С. Кишкин был женат и имел двух детей. Семья сдавала комнаты квартирантам.

Сам дом, пока он не был надстроен двумя этажами незадолго до революции, представлял собой плохенький каменный флигелек. За домиком тянулся узкий дворик, косогором по направлению к Волге, весь поросший сорной травой и украшенный в конце курятником и несколькими тощими кустами. Тут валялись бревна, сидя на которых, жители могли видеть почти всю Волгу.

Жил А. М. Пешков чрезвычайно скромно. Описание комнаты, в которой проживал писатель, узнать можно из воспоминаний А.А. Смирнова (Треплева): «Комната напоминала монастырскую келью — небольшая, но и не маленькая, квадратная, с чисто выбеленными стенами и потолком, с опрятным крашеным полом. Довольно высоко от пола помещенные окна, притом же почти квадратные, заставляли вспоминать и одиночную камеру. Обстановку составляли: железная койка, простой покрытый скатертью стол в простенке между окон — на нем писал Алексей Максимович — несколько стульев». Здесь М. Горький написал много рассказов. Об его усердной работе рассказывала жена Д.С. Кишкина Екатерина Владимировна: «Часов в 10-11 он садился работать и обыкновенно работал часов до 5 утра, а в 8 утра выходил уже к чаю, причем часто прочитывал нам с мужем написанное им за ночь». Как раз в доме Д.С. Кишкина М. Горький получил возможность сблизиться с демократической интеллигенцией города, тут происходили не только общественные и политические споры, но и литературные обсуждения.

Надо отметить, что над этим домом кто-то изрядно поиздевался, окрасив его позорной краской желтушного цвета и установив дешевые пластиковые стеклопакеты вместо оригинальных окон. И самое смешное, что компания, учинившая это, носит гордое название ООО «Буревестник», видимо, лишь в имени своем они готовы отдать дань М. Горькому, на большее пойти они не готовы. Чем не сюжет для фельетона Иегудилы Хламиды?

Намного большим чувством юмора по сравнению с горе-предпринимателями обладал писатель Ярослав Гашек, автор оригинальнейшего романа «Похождения бравого солдата Швей-

ка», который можно воспринимать и как классику литературы, и как «солдатскую байку».

В Самаре Ярослав Гашек жил на втором этаже гостиницы «Сан-Ремо» на Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева, 98), куда мы и проследуем.

Гашек родился в Праге в семье учителя, окончил коммерческое училище. Во время Первой мировой войны был призван в австрийскую армию. В сентябре 1915 года под Львовом Гашек сдался в плен частям русской армии. Сначала он попал в Дарницкий лагерь для военнопленных под Киевом, затем — в Тоцкий около Бузулука. Так он оказался в Самарской губернии.

Октябрьскую революцию Гашек принял с воодушевлением. В апреле 1918 г. для формирования чехословацких отрядов Красной Армии он направляется в Самару, через которую «по дороге во Францию» двигалась основная масса чешских легионеров. Гашек и другие чешские коммунисты разворачивают агитацию среди пленных и солдат корпуса, проводят беседы, лекции, митинги. Сохранилась листовка, напечатанная по-чешски в самарской типографии в апреле 1918 г., подписанная именем Гашека и опубликованная в самарской газете «Солдат, рабочий и крестьянин». Вслед за ней Гашек с товарищами выпустили еще шесть воззваний.

8 июня 1918 г., когда в Самару вступили белочехи, Гашек был вынужден бежать, но в последний момент вспомнил о хранящихся в гостинице «Сан-Ремо» списках добровольцев и других документах, которые могли попасть в руки врагов. Пришлось вернуться, но обратно к товарищам на вокзал ему пробраться не удалось. Белочешское командование усиленно искало красного чеха. В течение двух месяцев он скрывался в мордовских селах самарской губернии.

Только осенью 1918 г. он присоединился к Красной армии. И в конце ноября смог покинуть Москву.

Ярослав Гашек умер 3 января 1923 г., не прожив и 40 лет.

Пробывание в России не прошло для него бесследно, политический опыт, неудачи в его деятельности, впечатления и наблюдения отразились в его творчестве.

Здание бывшей гостиницы «Сан-Ремо», где он проживал в Самаре, трехэтажное, кирпичное, оштукатуренное. Центральная часть здания построена в 1860-1870-х годах, а боковые крылья со стороны двора — в конце XIX в. Внутренняя планировка была изменена в связи с приспособлением его под квартиры.

Теперь мы отправимся к дому, в котором совсем маленьким мальчиком бывал Алексей Толстой.

С 1891 по 1897 годы Александра Леонтьевна с сыном приезжает из Сосновки в Самару на осень и зиму, здесь он обучается в частной школе Александры Юлиановны Масловской, которая была расположена на углу современных улиц Степана Разина и Пионерской. Здание школы не сохранилось. Во время приездов в Самару Александра Леонтьевна с сыном чаще всего останавливалась у родственников, среди которых — Н.А. Шишков. Дом, в котором жил Н.А. Шишков расположен на улице Льва Толстого, 18.

Шишков Николай Александрович — титулярный советник, гласный губернского земского собрания от ставропольского уезда, родственник Александры Леонтьевны Толстой, был женат первым браком на сестре Александры Леонтьевны Ольге Леонтьевне Тургеневой, которая скончалась вскоре после выхода замуж (1883). С Николаем Александровичем Шишковым Александру Леонтьевну связывало теплое дружеское чувство. Н.А. Шишков увлекался литературой, пробовал писать, много переводил с немецкого. Помогал Александре Леонтьевне печатать свои произведения в центральных издательствах.

Н.А. Шишков принимал участие и в творческой судьбе молодого писателя. В начале 1900-х годов он работал в редакции журнала «Юный читатель». 3 марта 1902 года А. Толстой, студент Петербургского технологического института, написал в Самару родителям: «...кажется, буду участвовать в журнале «Юный читатель», если Николай одобрит мои произведения, это было бы тоже недурно. Я уже начал «Детские воспоминания», кажется, что удачно». Сохранилась рукопись этого сочинения. В ней можно видеть следы правки, сделанной Н.А. Шишковым. Следует заметить, что братья Шишковы — Николай Александрович и Сергей Александрович — послужили прототипами героев одного из ранних и, пожалуй, самого яркого рассказа «Заволжье», позднее получившего название «Мишука Налымов».

По диагонали от места, где мы сейчас находимся, мы можем видеть то здание Публичной библиотеки, которое Алеша Толстой посещал во время учебы в Самарском реальном училище, куда он перевелся из сызранского в 1898 году.

Переехав в Самару, Александра Леонтьевна с сыном жили сначала в меблированных комнатах на Предтеченской улице (ул. Некрасовская, 34), потом на Николаевской (Чапаевской, 55)

и оттуда переехали в собственную усадьбу на улице Фрунзе, 155, куда мы сейчас и отправимся.

В Публичной библиотеке Алеша имел возможность читать произведения, которыми зачитывались мальчишки тех лет (да и нынешние от них не отстают), Жюль Верна, Купера, Майна Рида, но родители его увлечения не поощряли, предпочитая, чтобы их сын читал более серьезную литературу.

Но произведения Тургенева, Льва Толстого, Некрасова, Пушкина всегда были доступны Алеше Толстому. Они находились в домашней библиотеке. Читали и Максима Горького. Достоевского, который предвидел будущее своей страны, недолюбливали как «жесткого» писателя. Как опрометчиво, однако! Ведь именно он предсказал грядущую революцию в России и увидел в ней войну против христианской цивилизации, конец христианской культуры. А. Толстой в будущем, приняв революцию и сотрудничая с советскими властями, все-таки сохранит в своих произведениях живой, выразительный язык, который затмит сквозящую порой в них пропаганду существующего строя.

Роман Чернышевского «Что делать?» был книгой сугубо запрещенной, и Толстой (и, кажется, именно он был обладателем этой редкости) читал вместе с товарищами на дому одного из них, за закрытой дверью, боясь быть застигнутыми полицией (и как совсем недавно все повторилось, но уже с потомками тех детей).

И мать, и отчим поощряли литературную деятельность Алеши, помогали ему в сочинениях советами. Но при этом держали себя строго, не захваливали. Александра Леонтьевна бережно переписывала неуклюжие детские стихотворения сына, хранила их вместе с его сочинениями, рисунками, первыми прозаическими произведениями. Проследить же, как развивался его слог, можно по переписке с родителями. И тут уже нельзя не заметить его поиск собственного стиля изложения, нельзя не пропустить, как он пытается играть словами, использует образные средства языка.

Перед нами дом, в котором Толстой проживет до 1901 года. В 1899 году А.А. Бостром, продав хутор Сосновку, приобретает в собственность эту усадьбу (улица Фрунзе, 155). Усадьба состояла из 2 двухэтажных домов совершенно одинаковой планировки, каменного флигеля, кирпичной хозяйственной постройки, прилегающей к флигелю, 2 садов. Семья поселилась на втором этаже дома, расположенного во дворе усадьбы. Остальные квартиры сдавались жильцам.

Мы уже узнали, что с самого детства Алексей Толстой интересовался литературой и пробовал ею заниматься. Но, помимо чтения, он страстно любил театр. Но учащиеся школ, училищ не имели права свободно посещать это заведение, требовалось разрешение начальства училища, порой приходилось нарушать регламент и проникать в театр контрабандным путем. (Вот и в наше время опять установились такие порядки: я имею в виду ограничение просмотра различных представлений в зависимости от возраста).

А между тем свою первую любовь Юлию Рожанскую, дочь коллежского советника Василия Михайловича Рожанского, 17-летний Толстой встретил именно в Самаре, заглянув однажды на репетицию любительского драматического театра. Она исполняла главную роль. Увидел и покорился этой девушке, не пропускал ни одного спектакля, читки или прогона. Но Юля не обращала никакого внимания на очередного ухажера, к тому же тот был моложе ее. Но когда руководитель театра предложил ему роль в пьесе А. Островского «Свои люди — сочтемся» (которую когда-то начинающий драматург Островский читал слушателям в Самаре), Толстой с радостью согласился. Он написал для возлюбленной водевиль «Путешествие на Северный полюс». Но девушка холодно приняла дар.

Про нее и про себя в семнадцать лет он напишет первую в жизни повесть. Назовет ее сначала просто и ясно — «Галья», затем перечеркнет и даст пафосное название — «Жизнь».

Сопrotивление молодой девушки все-таки сломать удалось.

После окончания реального училища Толстой в 1901 году поступает в технологический институт в Петербург, а Юля — в медицинский институт.

Летом 1902 года они после экзаменов отправились в Самару, а затем в Тургенево, где 3 июня венчались в местной церкви. В 1903 году у них родился сын. В 1905 году невозможно было продолжать учебу: из-за революционной обстановки все учебные заведения были закрыты и оцеплены войсками. Тогда Толстой решает уехать в Дрезден к своему товарищу — сокурснику по институту А. Чумакову для продолжения учебы. Там, в Германии, весной 1906 года в жизни Толстого появилась другая женщина — Софья Розенфельд (урожденная Дымщиц). Спустя пару лет гражданского брака она станет его второй женой. Будут потом еще две женщины в его судьбе, но это совсем другие истории.

Но вернемся к юному Алеше Толстому, он жил, учился, проказничал, размышлял, что делают все дети, но не все становятся писателями. Конечно, он был окружен творческой атмосферой: и мама-писательница, и знакомые литераторы есть. Но все дело, думаю, в его природной наблюдательности.

Недаром в связи с работой над романом «Петр I» он скажет: «Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей: эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, овчины, которые особым образом пахнут. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями...»

В романе «Хождение по мукам» он отразит события 1918 года в Самаре, где жили настоящие прототипы сестер Кати и Даши. Мы слышим голос их отца, оглушительно размышляющего о политике над страницами «Самарского листка», вдыхаем известковую пыль, поднимающуюся в ветреные дни да из-под колес телег.

Многие мальчишки читали приключенческую литературу, но кто из них отобрал свои впечатления в копилку памяти, чтобы потом вплести в свои произведения захватывающий сюжет — довольно редкое действие для русской литературы.

А письма к матери и отчиму — в них явно проступает характерное свойство его будущего таланта — юмор.

Недаром говорят, что нравственное и духовное развитие человека закладывается в детстве. Не только близкое к нему окружение оказывало влияние на Алешу Толстого, но и атмосфера провинциального города, противоречивая атмосфера. С одной стороны, полная бездуховность и необразованность, а с другой — сопротивление этим аспектам.

Помимо тех писателей, о которых я успела рассказать, в Самаре и в Самарском крае в разное время побывали такие знаменитые личности, как Гаврила Державин, Аполлон Григорьев, Александр Пушкин, Лев Толстой, Райнер Мария Рильке вместе с известным психоаналитиком Лу Саломе останавливались в Самаре на 5 часов и успели по ней прогуляться. Творческая деятельность Николая Гарина-Михайловского, Скитальца, Евгения Чирикова оказалась тесно связана с нашим городом, они внесли свой вклад в развитие культуры Самары.

Рушатся империи, умирают люди, но не писатели. «Они забываются, выходят из моды, переиздаются. Постольку, по-

сколько книга существует, писатель для читателя всегда присутствует», — писал Иосиф Бродский. Если писатель связан со своей эпохой и вместе с тем свободен от нее, то время не сможет поглотить произведение, которое будет словно парить над ним. Самые искренние сочинения предаются забвению, а те, в которых обнаруживаются непримиримые противоречия, привлекают к себе читателей из года в год, из века в век. Ведь не ответы на собственные вопросы интересуют читателя, а поднятые вечные темы, которые никогда не будут решены.

Потому Самара была плодотворной площадкой для размышлений. Хищническая деятельность купцов-предпринимателей и произвол горчишников, деревянные развалины и роскошные особняки, пыль, грязь улиц и развитие культурной жизни.

И все-таки, несмотря на повсеместную нищету и безграмотность, можно говорить об исключительности самарского характера, который выражается как действие вопреки всему. Никто нам не указ, и на все наша воля. Декабрист Беляев писал про самарцев, «что жили самостоятельною жизнью истинно образованных людей». В 1908 году, еще при жизни Льва Толстого, когда тот был предан анафеме церковью, улице Москательной дали его имя — небывалое дело! А эпизод недавнего прошлого — когда горожане не дали выступить главе СССР Никите Хрущеву. Чем вам не доказательства желания быть независимыми и свободными от чужих мнений? Но при этом по сути ничего не менять.

И, возможно, мы лучше себя поймем, если взглянем на себя через призму произведений писателей, что побывали в нашем городе, в душу которых не могла не запасть наша натура.

СУДЬБА ВОЛОДИ ВОКЗАЛЬНОГО В ПОВЕСТИ И.Е. НИКУЛЬШИНА «МАЛЬЧИК НА ВЫВОЗ»

Работу выполнила
ученица 11 «А» класса
Самарской областной
физико-математической
школы-интерната
Сычева Алена

Научный руководитель
Созина Светлана Ивановна

Введение

Повесть «Мальчик на вывоз», созданная И.Е. Никульшиным в 2006 году, довольствовалась изданием небольшого тиража, но проблема, которая в ней рассматривается давно волнует широкие массы людей. Если раньше писатель в своих произведениях затрагивал в основном деревенскую тему, то эта повесть масштабно затрагивает всю страну. Динамичная и напористая проза обретает новые оттенки и краски. Я бы сказала, что это повесть публицистического характера, яркая по стилю и языку, исполненная духа отважного патриотизма, она защищает непреходящие ценности, накопленные нами за века, поддерживает в душах людей собственные струны возмущения у тех, кто против вывоза российских детей в другие государства. Сам Иван Никульшин с возмущением говорит: «Даже звери не бросают своих детенышей в чужое логово! Как же мы можем равнодушно относиться к нашим детям?» И действительно, чужих детей не бывает, все они — наши, российские, с нашим менталитетом, с чувством любви и тоски по Родине, какими бы маленькими они не были.

**І. Проблематика повести И.Е. Никульшина
«Мальчик на вывоз».**

Трагедия жизни Вовки Вокзального

Дети на вывоз — именно так называют детей, которых увозят за границу из русских детдомов, обещая им так называемую «сладкую жизнь». Звучит грубовато и совсем не похоже на прекрасное будущее. Зачастую это будущее вовсе и не наступает для русского ребенка — он дарит его другим, даже не зная об этом.

Забрать чужого ребенка из детдома, чтобы спасти своего — эта ситуация стала чуть ли не стандартной в нашей стране. Но почему же никто не может ничего предпринять? Почему русские дети должны погибать, так и не начав жить? Как такое допускалось из года в год в нашей стране? Именно на эти вопросы пытается ответить Иван Никульшин в своем рассказе «Мальчик на вывоз», созданном писателем в 2006 году.

Мальчиком на вывоз является Володя Вокзальный. В свои четыре годика он оказывается брошенным матерью — алкоголичкой на вокзале. Вокзальный — его ненастоящая фамилия, ее он получил, потому что настоящую свою фамилию он не помнил, а возможно, даже и не знал. Его мать, которую все соседи называли Веркой Бутылкой, не сильно заботилась о детстве Вовы. Он спал за грязной плитой, на ящиках из-под водки, укрываясь старым маминым пальто с меховым воротником. Но Вова, не знавший о другой жизни, считал этот уголок самым теплым и родным, где есть только он и его любимая мама.

Иногда в этот мир врывается дядя Исмаил. Вовка не любил его. Он всегда приходил с бутылкой, и они с мамой пили водку из граненых стаканов. Потом он начинал громко ругаться, бранить маму и самого Вовку, а иногда даже драться.

Однажды Вовка вместе с мамой оказался на улице. И мать, видимо, решив, что мальчик мешается в ее жизни, бросает Вовку на вокзале. С этого момента прежняя жизнь Вовки становится лишь старой сказкой, которая иногда приходит к нему во снах, в которых он видит маму, совсем не пьяную, а любящую, заботливую.

В детском доме он находит друга — Лизу. Эта девочка стала самой близкой Вовке с первого дня его появления. По ней он будет больше всех скучать за границей. Когда ему нашлась новая мама и он должен был лететь далеко-далеко, в саму Америку, в какой-то город на берегу теплого моря-океана, больше всего его смущало и мучило, что рядом не будет Лизы.

Новой мамой оказалась Стелла Сайлер — красивая молодая женщина, которая с первого дня сразу же понравилась Вовке своими волосами, «завитыми в россыпь аккуратных колечек, которые отливали серебристой синью-лучах глядевшего в окно солнца, и высоким ростом, и нарядами, и приятной улыбкой на крашенных губах, и большими изогнутыми ресницами».

Стелла Сайлер являлась доверенным лицом и гражданской женой миллиардера Харриса. «Так, наверное, и шло бы все без видимой определенности, но роковое стечение обстоятельств разом все изменило в судьбе Стеллы Сайлер и ее сына. В автокатастрофе погибает жена и его тридцатипятилетняя незамужняя дочь мистера Харриса, единственная наследница всего его огромного состояния. И теперь на все наследство может претендовать только Том. К этому все и шло. Роберт Харрис даже инициировал процесс усыновления Тома. Но тут их подкараулила другая беда. Мальчик оказался смертельно болен. Его поместили в клинику сердечной хирургии, принадлежащую самому мистеру Харрису. Тома лечат лучшие врачи, однако надежд на выздоровление пока не видно...»

С этих строк становятся понятными и визиты «дядей в белых халатах», и причина злости мамы Стеллы, и то, что обещания о счастливой жизни и любящей благополучной семье окажутся такими же фальшивыми, как волосы и ресницы госпожи Стеллы Сайлер.

На мой взгляд, наиболее трагично на восприятие читателя влияет характер написания повести. Сначала автор описывает мир глазами Вовки: «Мать все чаще задерживалась на работе, возвращалась порой под утро, а то и вовсе не возвращалась. И Вовка страшно переживал за нее. Вдруг холод заморозит, или злые собаки нападут...». «Вновь приезжал этот сухой кашеестый дядька». А затем раскрывает реальную ситуацию: «беспутной сучкой» была Вовкина мама. В бараке звали ее Веркой Бутылкой. Работала она в каком-то придорожном кофе сначала буфетчицей, потом официанткой, потом посудомойкой. «Она была образована, энергична и довольно мила своей расцветшей молодостью. Ей хотелось многого, но особых перспектив в ее карьере не предвиделось. И киснуть бы мисс Стелле Сайлер до конца дней своих в этой торговой дыре, если бы не случай...»

Также в тексте присутствует много просторечной лексики, как дома, в бараке, в котором жил Вовка с мамой: «Долго я буду

вас кормить, лярва неумытая? Сколько можно долбить, когда определишься со своим щенком?.. Я не козел, чтобы пахать на твоего хохленка...». «Вот курвы беспутные! Выродят, потом хоть на кол сажай». Так и в детдоме: «У наших прощелыг все получится. Ныне за деньги-то ноги повыдерут. Совесть и честь не пощадят... А тут доллары!.. Такая шарышка!.. Они за доллары-то в огонь сиганут!.. Прошлым летом нашей бабенке-то не больно отдали... Как же, взять с нее нечего. А тут сама Америка!.. Перед Америкой-то они на карачки встанут». С помощью таких реплик автор раскрывает характер героев. Буйный характер дядьки Исмаила нам становится понятным через его брань и ругательства. А просторечная лексика соседки бабы Любы и уборщицы тети Паши говорят нам о простоте характера и немногословности этих героев.

Мир, окружающий Вовку, автор передает нам с помощью сравнений, эпитетов и олицетворений: «самолет нырял в облака», «железное тело», «тело начинало дрожать с каким-то упругим косяным хрустом. Словно бы кто-то невидимый и сильный хватался своими когтями за его фюзеляж и соскальзывал», «ватные облака», «одинокий кораблик, крохотный, как спичечный коробок», «щебечущий голосок, тонкой, как у ласточки», «сердце тоскливо сжималось», «нарядный дворец, похожий на печатный пряник», «огненной дорожкой изливались плафоны белых светильников», «свет так и звал, так и манил», «солнце было зловеще красным и походило на прозрачный шар, заполненный кровью», «тучка возле нее изогнулась и стала похожа на горбатую старуху с грязно-пегими космами, и представилась настоящей ведьмой».

II. Актуальность повести И.Е. Никульшина «Мальчик на вывоз»

Как известно, проблема усыновления русских детей заграничными гражданами очень остро стоит в нашей стране и по сей день. С одной стороны, США — прогрессирующая и демократическая страна, там больше возможностей, и поэтому преуспевающие родители действительно могут осчастливить сиротку, брошенную в России. Но с другой стороны, зачем так жестоко и бесчеловечно обращаться с детьми, которые благодаря вам поверили в счастливое будущее?

По статистике 80 процентов усыновленных российских детдомовцев увозят американцы. Везут они малышей не только из России, но и из Китая, Румынии, Индии, Камбоджи, Вьетнама.

Почему граждане США забирают сирот со всех концов планеты? Неужели им не хватает своих детей, американских?

В Америке нет детских домов. Нежелательные беременности — редкость. На автобусных остановках, в метро, магазинах разбросаны листовки: «Ты беременна? Не хочешь этого ребенка? Позвони нам, и мы тебе поможем!»

Если девушка забеременела слишком рано, если у нее нет денег и возможности растить свое будущее дитя, если родители выгоняют распутницу из дома, ей нужно только набрать номер телефона. Социальные работники поселят ее в пансионат и будут ухаживать за ней всю беременность. Будущую маму постараются уговорить оставить этого ребенка, а как только он родится — решение за ней. Либо она становится законной мамочкой, и тогда государство помогает ей во всем — находит жилье, работу, платит пособие на ребенка. Либо она отказывается от новорожденного, и тогда ему находят родителей-усыновителей в считанные дни.

Для сирот постарше социальные службы находят «фостер-фэмили» — патронатные семьи. Приемные родители не усыновляют ребенка, он просто живет в их доме, а они получают за это приличные деньги, их освобождают от большой доли налогов. За все — одежду, еду, школу — платит государство, но сирота при этом растет в настоящей семье, а не в приютском «инкубаторе», у него есть своя комната.

Вот и получается, что американцам, которые хотят усыновить кроху, найти ребенка непросто. Детдомов нет, за сиротами выстраивается очередь. Гораздо проще приехать в Россию и выбрать себе сына или дочь.

Пятерка лидеров по числу усыновлений из России выглядит так: США, Испания, Италия, Франция, Германия. При всем обостренном многолетнем внимании к этой теме не известно ни об одном инциденте с усыновленными детьми в этих странах — за исключением США. В США же за последние 10 лет 19 детей погибли от рук приемных родителей, как минимум 20 были помещены «родителями» в особый интернат (судя по всему, этот частный интернат был создан специально для детей из России, причем наши консулы до сих пор не могут в него попасть — не пускают), ряд детей был «переуступлен» усыновившими их семьями другим людям (в США такое практикуется), ряд детей подвергся пыткам, издевательствам, сексуальным надругательствам. И это только сведения о делах, дошедших до суда.

Американцам не нужны конкретно русские дети. Россия — одно из тех немногочисленных государств, которые попадают под раздачу трагичных «случайностей». Во избежание этого в России совсем недавно был принят «закон Димы Яковлева», который за-прещает заграничным гражданам усыновлять русских детей.

Дима Яковлев, 2006 года рождения, был помещен в Псковский областной Дом ребенка для детей с органическим поражением центральной нервной системы с нарушением психики, расположенный в городе Печоры Псковской области. Его мать, которая сама воспитывалась в детском доме, дала письменное согласие на возможное усыновление. Были неоднократные попытки устроить ребенка в российскую семью. 21 февраля 2008 года решением Псковского областного суда Дима Яковлев был усыновлен супругами Майлсом Харрисоном и Кэрол Линн Эксманн-Харрисон (США), которые совершили три поездки в Россию с целью усыновить ребенка.

В конце 2012 года в российских СМИ появилась информация, согласно которой родные бабушка и дедушка Димы Яковлева утверждают, что пытались во время процедур усыновления получить опеку над ребенком, но им было отказано.

25 декабря 2012 года Следственный комитет РФ заявил о начале доследственной проверки по сообщениям в СМИ о препятствовании в получении опеки над Димой Яковлевым его родственниками.

По заявлениям Павла Астахова, при усыновлении были допущены нарушения. Эксперты-графологи подтвердили тот факт, что подпись бабушки Димы Яковлева на документах с отказом от усыновления была подделана.

8 июля 2008 года, в возрасте 21 месяца Дима погиб в результате того, что был оставлен Майлсом Харрисоном на 9 часов в закрытом автомобиле на 32-градусной жаре. Майлс Харрисон посадил Диму на заднее сиденье автомобиля дома и затем оставил автомобиль на стоянке около своей работы, будучи уверенным, что оставил сына в яслях по дороге. По словам метеорологов, при 32-градусной жаре температура внутри закрытого автомобиля может достичь 54 градусов. В ходе следствия Майлс Харрисон сказал, что должен был завезти ребенка в детсад, но поскольку он торопился на работу, то забыл об этом.

По американскому законодательству приемному отцу Майлсу Харрисону грозило до 10 лет лишения свободы за непредна-

меренное убийство, но 17 декабря он был полностью оправдан американским судом.

Позже в СМИ сообщалось о нескольких судах по аналогичным случаям в США, в которых родители, оставившие своих детей в детских креслах на задних сиденьях автомашин, были оправданы, иногда суды вообще не назначались.

В феврале 2009 года Майлс Харрисон сказал в интервью:

— Я молю российский народ о прощении. Есть хорошие люди в этой стране, которые заслуживают детей, и есть дети в России, которые нуждаются в родителях. Пожалуйста, не наказывайте всех за мою ошибку.

Решение американского суда по делу Димы Яковлева вызвало бурную реакцию в российских СМИ и правительстве. Министерство образования и науки РФ через своих дипломатов пыталось добиться пересмотра оправдательного приговора. 30 декабря 2008 года Следственный комитет при прокуратуре России возбудил уголовное дело с целью выяснить обстоятельства гибели ребенка, а также подтвердить факт законности его усыновления. Следственный комитет сообщил: «Установлено, что полуторагодовалый Дима Яковлев погиб 8 июля 2008 года, когда его приемный отец Майлс Харрисон оставил мальчика закрытым в машине на 9 часов при 50-тиградусной жаре. Ребенок был усыновлен в России за три месяца до трагедии».

В конце 2012 года в России в Госдуму была внесена поправка в законодательство (часто называемый ответом на закон Магнитского), по которой запрещается гражданам США усыновлять российских детей. На конец 2012 года законопроект прошел три чтения в российской Думе, во время которых принят большинством голосов.

Партией «Единая Россия» было предложено назвать закон в память о Диме Яковлеве. Депутат Вячеслав Никонов предложил посвятить закон памяти всех погибших в США усыновленных детей из России.

28 декабря 2012 года закон был подписан президентом РФ В. В. Путиным и вступил в действие с 1 января 2013 года.

Известный педиатр и хирург, президент Национальной Медицинской Палаты России Леонид Рощаль предложил установить в Москве «народный памятник Диме Яковлеву». По словам Л. Рощаля, погибший несколько лет назад ребенок «спасает у нас безродительских детей».

Но что же получается? Защитив одних детей от насилия, мы лишаем счастливой семьи других? Эту вероятность невозможно как-то подсчитать или предугадать. Увы, не придуман еще пока такой способ, позволяющий выследить истинные цели будущих родителей.

Заключение

Судьба Володи Вокзального могла бы сложиться иначе, если бы заведующая детского дома Алина Юрьевна не согласилась продать мальчика за предложенные ей «целых два состояния». Вот и вторая причина того, из-за чего страдают невинные дети. Деньги управляют людьми. Рискуя, в первую очередь, «своей головой», люди готовы продать все, даже ребенка, нуждающегося в поддержке, а не в фальшивых обещаниях. Увы, таких людей почти нет, которые смогли бы отказаться от громогласной суммы, защитив ребенка.

И даже узнав об ужасной смерти мальчика, Алина Юрьевна не спешит отстаивать права незащитных детей: «...кто же это такой — Владимир Вокзальный? Потом догадалась: ах, американец!.. Вот еще... Ну и работа сволочная, думай о каждом!.. Где тут быть здоровью?.. Алина Юрьевна минутку посидела, вспоминая, как торговалась из-за него эта американская штучка, и принялась за борщ».

А ведь такая ситуация вовсе не вымышленная... Именно такими нередко оказываются последствия.

Повесть «Мальчик на вывоз» дает возможность увидеть реальную ситуацию, обосновавшуюся в детских домах. Брошенные дети — предмет наживы, как для русских, так и для граждан США.

Закон Димы Яковлева, возможно, защитит русских детей от насилия, но что же будет с детьми из других стран? Невозможно защитить всех сразу. Остается только надеяться, что милосердие еще не совсем угасло в мире, которым правят деньги и насилие.

Литература

1. Никульшин И. Избранная проза. — Самарское отделение Литературного фонда России, 2001.
2. Никульшин И. Под осенней луной. — Самара, 2006.
3. Русское эхо. Литературно-художественный журнал. — Самара, 2005. — 3(26).

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА НЕВЕРОВА

Работу выполнил

ученик 7 «А» класса МБОУ СОШ
№ 112 городского округа Самара
Таланов Владислав

Научный руководитель

Марьева Людмила Алексеевна

Введение

Данная работа представляет собой описание жизни и творчества писателя — нашего земляка А.С. Неверова (Скобелева).

Выбранная мною тема работы актуальна на сегодняшний день, потому что знать о своей малой Родине и ее людях, своих корнях — это то, что делает сильнее любую нацию, народ, человека. Знакомясь с биографией А.С. Неверова (Скобелева), с его произведениями, понимаешь, как судьба одного человека тесно переплетается с судьбой страны.

После Октябрьской революции 1917 года Неверов — один из первых советских писателей, который в ряде произведений — «Марья-большевичка» (1921), «Андрон Непутевый», «Гуси-лебеди», «Ташкент — город хлебный» (1923), «Повести о бабах» (1924) — талантливо показал острые социальные и психологические конфликты, которые происходили в процессе классового расслоения крестьянства, роль большевиков в борьбе за новую жизнь.

Несмотря на сравнительно недолгую жизнь А.С. Неверов (Скобелев) создал немало прекрасных произведений, которые и сейчас интересны людям разного возраста.

Биография Александра Сергеевича Неверова (Скобелева)

«Будучи лет десяти, я не раз ездил с дедом в Тетюши Казанской губернии. Переплывали Волгу на пароме, целыми днями ехали лесом, полем, и ощущения мои становились богаче, и работа мысли — сложнее. Лежа в передке телеги, я смотрел на далекое небо, на плывущие по небу тучки и мучительно думал о том, куда уйду я сам, куда уйдут травы, деревья, деревушки, мужики и бабы. Если встречалась какая-нибудь птица, сидящая на полевой меже, для меня интересно было в ней не то, что она думает, а что и как она чувствует. Чувствует ли, что я гляжу на нее, и не грустно ли ей одной сидеть на меже?»

Места вокруг были живописные. Здесь Саша провел свое детство. Он родился 24 декабря 1886 года в селе Новиковка Ставропольского уезда Самарской губернии. Его отец Сергей Иванович Скобелев — унтер-офицер лейб-гвардии уланского полка в Петербурге, после завершения военной карьеры вернулся обратно в Новиковку, где имел небольшой земельный надел. Среди пятерых детей в семье Скобелевых Саша был средним. Мать Саши умерла, когда мальчику было 12 лет. Отец выпивал, после смерти жены и вовсе бросил детей на попечение деда и уехал из семьи в Самару.

Дети росли в деревенском доме хозяйственного деда со стороны матери — Николая Семеновича Елисеева. Семья деда была православной, благочинной, к бабушке часто навещались богомольцы. Дед среди односельчан слыл «книжником». Именно от него Александр и перенял любовь к чтению. В церковно-приходской школе Саша обучился грамоте. Дед надеялся, что из внука со временем выйдет хороший торговец, и отдал его в галантерейную лавку, что в 18 верстах от Новиковки. Тайком от хозяина Саша читал книги, сочинял стихи, которые потом читал кухарке Анисье.

Случайно Александр узнал, что в посаде живет сочинитель, поэт-самоучка, крестьянин Денисов Спиридон, которому из Петербурга даже присылают деньги за стихи. Александр отважился встретиться с ним. Спиридон Васильевич очень внимательно отнесся к Неверову, порекомендовал ему поступить в Озерскую второклассную школу и стать «учителем грамоты». В 1903 году Саша, не спросив деда, покинул магазин, чтобы продолжить учебу. Отслужил перед этим молебен за пятачок и отправился пешком за сорок верст в село Озерки. Три года учился Неверов-Скобелев. Учеником он был способным, отличался от сверстни-

ков начитанностью и к середине мая 1906 года получил звание учителя «школы грамоты».

...Ранней осенью того же года в деревню Новый Письмирь приехал новый учитель Скобелев Александр Сергеевич. Молодой, сероглазый, немногословный, в потрепанной стеганой куртке, на ногах — ступни (разновидность лаптей). Пожитков нет, только связка книг, поселился он у бедного крестьянина Иванова. Деревенский богатей Царев посмеивался в бороду: «Фамилия генеральская, а с нищим схож...» Детям новый учитель понравился. Сблизился он и с крестьянами и даже написал несколько статей в их защиту.

Весной 1909 года произошло знакомство писателя с будущей женой — Пелагеей Андреевной Зеленцовой. Через три года состоялось их венчание. Невесте пришлось купить своему жениху к венцу рубашку и пиджак, так как вид у него был далеко не жениховский. Когда началась мировая война, писателя призвали на военную службу. По состоянию здоровья Неверов попал не на фронт, а в дружину охраны завода взрывчатых веществ. Февральские, а затем и октябрьские события 1917 года он встретил в Самаре. Подразделение охраны было расформировано, и Неверов попытался заняться общественной работой. В частности в течение нескольких месяцев занимал должность председателя волостной управы в хорошо знакомом ему селе Елань. Однако в итоге он все же решил профессионально заняться журналистской и писательской работой. Затем он служил в Самарском народном театре — и драматургом, и актером.

В апреле 1922 года Неверов переехал с семьей в Москву. Писатель работал для журналов «Работница», «Крестьянка», «Крокодил». Работу над повестью «Ташкент — город хлебный» писатель завершил осенью 1922 года, и через несколько месяцев его книга впервые увидела свет. Всего лишь год спустя после выхода повести, в 1923 году, Александр Неверов скоропостижно скончался. Умер писатель внезапно, тридцати семи лет от роду. Произошло это в день его рождения — 24 декабря.

Творческий путь автора

После Октябрьской революции 1917 года Неверов — один из первых советских писателей, который в ряде произведений — «Марья-большевичка» (1921), «Андрон Непутевый», «Гусилебеди», «Ташкент — город хлебный» (все — 1923), «Повести

о бабах» (1924) — талантливо показал острые социальные и психологические конфликты, которые происходили в процессе классового расслоения крестьянства, роль большевиков в борьбе за новую жизнь.

90 лет назад вышла книга писателя Александра Сергеевича Неверова «Ташкент — город хлебный». 1921 год. Не успела отгреметь Гражданская война, как обрушилась новая беда — засуха. Весной того года в Поволжье не выпало ни капли дождя, из-за сильной жары выгорели все посевы. Назрела настоящая продовольственная катастрофа. В Поволжье разразился страшный голод.

Непосредственным свидетелем и участником тех трагических событий был писатель Александр Неверов, который осенью 1921 года ездил в Ташкент за хлебом для своей семьи. Во время голода 1921-1922 годов его семья страшно бедствовала. Говорили, что дети его были при смерти. Сам он был истощен до крайности и держался ценой нервного напряжения.

Близкий друг А.С. Неверова, с которым он дружил многие годы, Николай Степной, вспоминал об этом трудном времени так: «Это было в голодном 1921 году. Мы с Неверовым находились в десяти верстах от Самары в санатории и обдумывали, как быть дальше, чем кормить семьи. Жара. Пыль. По дорогам скрипели телеги, днем и ночью двигались пешеходы. Люди, спасаясь от голода, что-то предпринимали, куда-то спешили. А мы еще только смотрели на них. ...Говорили о том, что есть такой город — Ташкент, где за одни сапоги дают три пуда муки (48 кг). Надо и нам, брат, ехать...»

Выехали 12 августа 1921 года. Ехали целый месяц. На остановках вагоны осаждали голодающие, дети просили даже арбузные и дынные корки. Вся поездка длилась два с половиной месяца. Вернулись больные, грязные, оборванные до живописности. Александр Сергеевич привез муки, около 15-20 пудов. Есть хлеб, есть дрова, можно жить и работать. Под впечатлением поездки А.С. Неверов написал повесть «Ташкент — город хлебный». Писатель своеобразного таланта и человек большой души, Неверов с предельной искренностью и силой говорил о своей заветной мечте: «Книгу бы написать такую — солнечную. Налить ее радостью до краев и сказать человечеству:

— Пей, жаждущее!»

Повесть «Ташкент — город хлебный» — самое глубокое и цельное выражение любви замечательного художника к родно-

му народу, к мужеству и красоте его души. Эта книга об испытаниях, которые проходит человек. Она сострадательная и исполнена любовью к человеку. С самых первых страниц повесть Неверова поражает читателя страшной обыденностью картин того времени, нарисованных самыми трагическими красками. Книга повествует бесхитростную историю ничем не приметного 12-летнего мальчишки Мишки Додонова, деревенского паренька из села Лопатино Бузулукского уезда Самарской губернии. В семье, кроме него, двое младших братьев и мать. Матери трудно одной вести хозяйство, она часто болеет. И «самым надежным» человеком в семье оказался Мишка: ему пришлось отправиться за хлебом в далекие места.

Народ тогда потянулся в Ташкент, где, по слухам, можно было заработать хлеба. Мрачной осенью 1921 года Мишка решает сделать все, от него зависящее, чтобы спасти свою семью от неминуемой голодной смерти. Сам писатель потом признавался, что конкретного прообраза у главного героя не было. Автор, по его словам, собрал в этом персонаже черты и поступки многих малолетних путешественников, с которыми ему довелось беседовать во время своего продовольственного «вояжа».

«Дед умер, бабка умерла, потом — отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками. Младшему четыре года, среднему — восемь. Самому Мишке — двенадцать. Маленький народ, никудышный. Один каши просит, другой мельницу-ветрянку ножом вырезает — на конек, вместо игрушки. Мать с голодухи прихварывает. Пойдет за водой на реку, насилу вернется. Нынче плачет, завтра плачет, а голод несколько не жалеет. То мужика на кладбище несут, то сразу двоих. Умер дядя Михайло, умерла тетка Марина. В каждом доме к покойнику готовятся. Были лошади с коровами, и их поели, начали собак с кошками ловить. Крепко задумался Мишка. Семья большая, работники маленькие. Он самый надежный. Отец так и сказал перед смертью:

— Ты, Мишка, за хозяина будешь...»

Так начинается эта повесть. Далее мы узнаем, что Мишка Додонов уговаривает свою мать, чтобы она отпустила его в Ташкент: там, по слухам, можно раздобыть сколько угодно хлеба. Вместе с ним на поезде на юг поехал и другой сельский мальчишка — Сережка Карпухин, который был годом моложе. Хлеб — дорога — Ташкент. Как же туда идти? Как уцелеть в потоке голодных людей? В повести все показывается глубоким, жизненным

и серьезным: оба мальчика учатся чему-то друг у друга. Мишка сразу начал чувствовать свою ответственность перед товарищем. Он проверял выносливость друга, спросив, сколько дней Сережа может «протерпеть» без еды и без воды. Мишка не нянчится и не сюсюкает. Он просто и сурово говорит, что выдержит без воды не один день, как Сережа, а «день да еще полдня».

По дороге Сергей заболел тифом и остался в лазарете на одной из железнодорожных станций. Мишка остался совсем один среди незнакомых людей. Украли его мешок, он отстал от поезда. Однако описание трудностей не подавляет основного настроения этой удивительной, «солнечной» по замыслу автора книги. Испытав многочисленные лишения и опасности, непосильные и взрослому, Мишка Додонов приезжает в город Ташкент.

В повести показаны негибкость и оптимизм героя в стремлении к счастью, к светлой жизни. Побеждают детство, мальчишеская вера в «чужих людей», которые, оказывается, есть на самом деле. Победила доброта человеческая и стремление поделиться всем, что есть. Машинисту «товарищу Кондратьеву», который отдал Мишке свой хлеб, мальчишка дарит тщательно хранимый «большой деревенский ножик с дырочкой на рукоятке». Уже глубокой осенью парнишка все же смог вернуться домой из Ташкента. С деньгами и несколькими мешками зерна Миша приезжает в родную деревню. Шесть пудов пшеницы должно было хватить до будущего года. Больная, изможденная мать дождалась своего старшего сына, а братишки Яша и Федя умерли. Хозяйство разрушено, но Мишка закалился в трудностях борьбы за хлеб, он верит в свою способность создать новую жизнь. «Ладно, тужить теперь нечего, буду заново заводиться». Вот такая мальчишеская вера в жизнь.

У каждого из нас бывает время принятия решений. Тут важно почувствовать, готов ли ты идти дальше, готов ли ты принять на себя ответственность за всю семью, и не важно, сколько тебе лет — двенадцать или сорок. Удивляет в Мишке эта ранняя взрослость и недетское разумение, бесконечное очарование всего образа главного героя, смысленность, чередование озорства и нелегких раздумий. Мишка Додонов усвоил свое назначение на земле — быть кормильцем, заступником, хозяином.

Александр Неверов (Александр Сергеевич Скобелев) мог бы с полным правом сказать: «Сам немалый прошел там путь...» В его жизни было всякое: сиротство, скитания по лавкам купцов, во-

йна, голод — но он смог сохранить неискоренимое любопытство ко всему, что «душу облекает в плоть». Было жадное чтение, а затем и сочинение стихов.

Есть в книге и дружба, и борьба, и вера. Возможно, эта книга окажет влияние и на современную молодежь и сейчас, заставив задуматься и расставить правильно акценты на жизненные приоритеты.

Поэтические образы Неверова, пережившего в 1918 году горечь заблуждений, были точным выражением душевного состояния. Сам Неверов, художник исключительной искренности, оставил немало свидетельств этого трудного пути к глубокому осознанию пролетарской идеологии: «Иногда я не понимаю себя. Говорю, как обыватель, попадаю впросак, как настоящий профан... А вот начну писать, то удивляюсь самому себе, пишу так, как будто о чужом, а вот чувствую — мое... настоящее мое... И в детстве хотелось что-то этакое сказать. Странно!» — признавался писатель.

Сама по себе революция, да еще в такой стране, как Россия, с ее многоукладной пестротой классов, сословий, областей, традиций, — явление чрезвычайно сложное. Эти колебания незрелой мужицкой массы, особенно середняков, «размывали» всякий раз неглубокую концепцию, очередную иллюзию, поверхностное обобщение. Но много ли дают для познания исторических закономерностей зарисовки одного «чистого» быта? Чувства, непосредственные ощущения, сердечные реакции, мечты, вера — все это позволяло познавать мгновение, живых людей в эпизоде, в прямом деле. Но это же не давало возможности видеть крестьянина в перспективе истории, всей классовой борьбы.

На первых порах писатель избрал позицию бытописателя, несколько стороннего и независимого повествователя. И на портретах новых людей — большевиков-фронтовиков, пылко ринувшихся к новому женщину, лежит отсвет старых представлений: все они выглядят несколько аскетично-одинокими, непутевыми. И окружающие, и родня, и сам автор изумляются в этой невиданной огненной, но чем-то близкой, родной породе, словечкам, делам, строю чувств. Даже в романе «Гуси-лебеди» большевик Федякин кажется Валерии, экзальтированной «революционерке чувства», таким: «...стоял мученик древнего мира, готовый пойти на костер». Таково положение Марьи-большевички в одноименном рассказе. Она отдаленно напоминает До-

мну из рассказа «Баба Иван». Только сейчас она уже не просто не дает мужу спиться, она уже сама властвует над ним. Автор изображает увлечение книжками, внешними атрибутами равенства с мужем пока еще с легкой улыбкой, как кавалерийский наскок на старое, как не подготовленный еще штурм твердынь былого уклада... Это поветрие основательному мужицкому уму, «задним умом хитрому», кажется еще стрекозиным летним пением, после которого, как известно, придешь на зиму к тому же косному «муравью-мужику» за обогревом и кормом. А он еще скажет: «Так, поди, ж, попляши!..» И потому повествователь с хитрецей говорит о Марье: «Была такая у нас...»; «месяцев пять служила — надоедать начала»... Но временами и повествователь, и автор уже видят и нечто совсем не стрекозиное в героине. Наоборот, сам этот застойный быт, заскорузлая мудрость мужиков кажутся оковами, символом отсталости. Вдруг во время чтения газет да книжек охватит героиню странная тоска — такая, что не замечает она насмешек мужа. «Уставится в окно и глядит. Мне, говорит, скучно...

— Чего же ты хочешь? — спросил Козонок.

— Хочу чего-то... нездешнего...»

И не может не призадуматься сам художник: не так случайна эта искра, не мимолетен этот порыв... И Тоня из рассказа «Полька-мазурка», заставившая медведеподобного Гурьяна остричься и нарядиться, учившая его танцевать, — тоже не просто «стрекоза», а необходимая частица нового мира деревни, уголек, который сожжет затем многое в старом укладе. В «Марье-большевичке» писатель уводит героиню от схватки со старым — она уезжает перед нападением казаков... Да и главный-то вопрос о хлебе и борьбе с кулачеством, заставлявший мужиков то шумно митинговать, то прятаться по избам, выжидать, надеяться, что время не тронет их уклада, в рассказе не освещен.

В повести «Андрон Непутевый» (1922), чередующей меткую бытовую зарисовку, стиль агитки, полуфольклорный напев, мы видим большевика Андрона, возвышающегося подобно большевику на картине Б. Кустодиева надо всем — избам, церквями, деревьями. Он со своей непривычной идеей коммуны, крутой решимостью все перестроить кажется мужикам той косою, что в есенинском «Пугачеве» «ртом железным перекусывает ноги трав»... А они сами? Они до поры до времени ведут себя, как те же травы:

*...Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.*

Но отсидеться не удается. И не только из-за истовой «огнепальности» духа Андрона. Он не только чудной, непутевый, не избирающий порой особых средств воздействия на середняка. Он еще и каменный, неподвижный, одержимый безапелляционной высотой духа, куда и взглянуть-то мужикам трудно! Его вызов не только в новом семейном укладе, равенстве женщин с мужьями, не в организации спектаклей... Из-за Андрона, из-за его коммуны ощущают старики, выставившие бороды, как копыя: «перевернулась земля другим боком, взошло солнце с другой стороны». Коммуна, родившаяся где-то в городе, в голове Карла Маркса (его портрет повешен Андроном на место Николая-угодника), пришла в Рогачево, и затворились ключи и родники, питавшие старый уклад. И стало само это Рогачево ареной битвы двух сил — «ангельской и бесовской».

Сквозь все эти фольклорные образы грозы, бури, сквозь все видения просвечивает и реальная основа конфликта, вернее противостояние Андрона, его приверженцев селу: «на хлеб цена, на овес цена». И Андрон, любя мужиков, отдавая им всего себя, видит, что из-за хлеба-то и генерал в казаках поднимается, из-за него-то (из-за вольной торговли, исключаяющей продразверстку) зубами будут рвать его коммуны, как Прохор Черемушкин рвет в момент кулацкого бунта ненавистный ему портрет Карла Маркса. Андрон осознает, что ждет его война. Темное мужицкое сознание, не сумев отсидеться в тени, кидается в яростный слепой бунт.

Эта повесть А. Неверова оценивалась как одно из лучших произведений в преднеповском периоде деревенской жизни, отмечал стихийно-левацкий «заскок» в Андроне, уость его методов борьбы за новое. Удары, предназначаемые для кулаков, порой попадали и в среднего крестьянина, превращали его не в союзника бедноты, а в ее недруга.

Повесть до сих пор сохраняет все обаяние человеческих исканий, борьбы «за землю, за волю, за лучшую долю». Писатель добился синтеза, так называемого сказового, орнаментального

стиля с его цветовыми контрастами и приемов психологической прозы, чуждой декорирования, запевочности.

...В мае 1922 года, пережив только что страшную эпопею голода в Поволжье, совершив в это время подобно тысячам земляков, поездку в Ташкент за хлебом, Александр Неверов переехал из Самары в Москву. Начался последний, самый плодотворный период его творческого труда. Были написаны или закончены многие статьи, рассказы, повести «Андрон Непутевый», «Ташкент — город хлебный», роман «Гуси-лебеди», составившие на редкость самобытную и яркую страницу художественной летописи великой эпохи.

В этот период писатель словно досказывает на языке зрелой реалистической прозы то, что жило в душе с самого 1918 года, что видел он в 1921 году, досказывает нередко в споре, полемике и с самим собой и с некоторыми собратьями по перу. Неверов не раз повторяет: «Искусство на грани двух эпох должно быть именно героическим».

Дух социального анализа, стремление раскрыть созидательный смысл эпохи революции, а не один «пыл, ор, ярь, половодье, урывистую воду», привели к ощутимым переменам в самом стиле, структуре прозы Неверова. Исчезли летучие песенно-сказовые краски и интонации, рождалась жажда невыцветающих красок подлинного реализма, строился прочный, устойчивый сюжет.

Монументально-романтическим языком раскрывает художник в романе «Гуси-лебеди» смысл всей предреволюционной жизни — с податями, грязью, мраком, пьянством. К чему привыкли земляки большевика Федякина, жители Заливанова? На какой «утес» налетел ураган революции? «Утес» этот создавали не только сами богачи, но и бедняки, бедные сознанием своей бедности, не знавшие силы своего протеста, покорно шедшие по кругам традиционного бытия.

«Плакала, смеялась, плясала, скакала, прыгала развеселившаяся нищета с засученными рукавами. В дымном угаре, в коротких туманящихся снах находили люди отдых и светлую долю. С водкой приходило и надрывающее душу веселье, слезы на судьбу, на Бога, на плохие порядки, мешающие жить... После скачущей, ревущей суматохи, после пьяных дымных дней наступали дни покаяния. По праздникам ходили в церковь, тащили черное наболевшее горе угодникам. Уходили оттуда помятыми,

отяжелевшими, как после долгой бесполезной работы. Принесенное в церковь горе тащилося назад, шумело на улицах».

Углубленно и многозначительно звучит в романе «Гуси-лебеди» тема зреющего недовольства, переполняющего души стихийным нетерпением... И тема неприязни к недотепам, к выморочным книжным просветителям, спасающим душу в хождениях в народ... Здесь показан не поджог дома, где звучит барская утонченная музыка, а целая история отношений середняка Кондратия Струкачева к фальшивым друзьям народа, особенно к учительнице эсерке Марье Кондратьевне, история отсечения собственной былой слабости, источник раздвоенности, сладенького социального сентиментализма, рождавшего мифы о праведной «пропавшей земле»... Решение это и для самого писателя было очень значительным.

Но самое главное — вместо статичного эпизода в «Марье-большевичке» и «Андроне Непутевом» в романе «Гуси-лебеди» был найден исторический сюжет, который, как капля волшебного реактива, организовал «все хаотическое нагромождение мыслей и наблюдений, и знания». Сюжет этот воплотил исторический сдвиг в сознании середняцкого крестьянства, которое после периода пассивности, колебаний, даже заблуждений, позволивших эсерам на время взять власть в Самаре, решительно стало большевистским. Стало в тот момент, когда белочехи, эсеры, кулачество попробовали повернуть его в старорежимное ярмо, отнять свободу, землю, мир. Тогда-то стали ненужными, по ощущению Марьи Кондратьевны, добрые чувства, ненужными стали и она сама, и экзальтированная Валерия, и другие блаженные одиночки в мужицкой массе, разделившейся на два лагеря. Ненужными, как бесплотные «ангелы» с миртовыми ветвями.

Этот процесс, благодаря которому пролетариат обрел многочисленного собрата, союзника, А. Неверов изобразил исключительно ярко, динамично, используя и массовые сцены, раскрыв и эволюцию отдельных характеров.

Образ Кондратия Струкачева, середняка, отразивший муки сознания, разорванного историческими взрывами, ощущающего, что даже нейтраллизм — это острая и уязвимая социальная позиция, — одно из высших достижений неверовской прозы. Сутулый длинноногий мужик в нахлобученной шапке, он молча слушает и Федякина, и Марию Кондратьевну. Разговоры о хоро-

шем житье, как пишет Неверов, «убаюкивали и, как маленького, укладывали в легкую воздушную зыбку». Революция — это мечта, всколыхнувшая душу, сделавшая возможным недоступное. Но как поверить в мечту, разорвать кольцо старых привычек? Этот рывок труден. Кондратий и хочет его сделать, и соскальзывает назад, к «старому коробу»... Тогда рождается душевное озлобление, ненависть, обрушивающаяся на жену Фиону. И еще на учительницу, на поповича-гимназиста: из-за них-то он так нерешителен, из-за этих прицепившихся к нему, к его сознанию.

И в драке, разгоревшейся накануне прихода белочехов, Кондратий в странном чувстве ненависти ударяет даже Валерию, правда, без злобы, с душевной усталостью, с горьким чувством: «Зачем?» С этим вопросом он уходит в отряд Федякина, чтобы вскоре бежать из него домой, к хозяйству, к избе, к тому колесу, что валялось на улице...

Но что-то незаметно изменилось в нем. Он уже не снес покорно внезапный арест, тюрьму, обращение с собой, как с вошью, которую вот-вот раздавит палец. Он ощутил СЕБЯ в этом отвратительном состоянии... Кондратий возвращается в отряд Федякина.

Роман показывает начало великого межевания, начало войны, бушевавшей затем на просторах всей России. Незаконченный, оборванный на переломном моменте, он вселяет веру в торжество новой жизни, правды Федякина — в то, что «жизнь, давившая душу, вылезет из скорлупы корыстной жадности, согреется иным теплом...»

Бесспорно, что в оценке событий белочешского мятежа, поведения середняка и мелкобуржуазной интеллигенции сказанся весь социально-нравственный опыт самого писателя, пережившего в свое время крах иллюзий относительно возможности «чистой демократии», средней линии, — все это оказывалось разновидностью контрреволюции. «Мы должны быть с теми, за кем идут рабочие и крестьяне», — говорил сам писатель в канун окончательного разрыва с эсерами, с поклонниками «учредилки». Этот вывод он выстрадал вместе с крестьянской массой.

Александр Неверов создал свой бурлящий, похожий на огненную реку мужества, оживших светлых надежд, непрерывных борений, поток, в котором есть и «гуси и лебеди», который несет и «путевых и непутевых» героев...

Заключение

Знакомство с творчеством нашего земляка А.С. Неверова помогло нам взглянуть по-новому на события тех лет. Еще раз убедиться, как история страны может тесно переплетаться с судьбами людей. Сейчас, когда молодежь не оторвать от компьютерных игрушек, трудно заставить прочитать книгу, мне кажется, эта работа заставила нас переосмыслить многое. Произведения Неверова отличаются знанием глубин жизни, драматизмом повествования. Он хорошо владеет русским народным словом. Он не очень глубокий, но широк по захвату и разнообразию тем. Персонажи его рассказов жизненны и художественно убедительны, хотя сплошь и рядом неярки. Мне очень понравились произведения автора и оставили неизгладимое впечатление. Я думаю, что если писатель самобытен, то его имя, вне зависимости от количества написанных книг, непременно останется в истории литературы. Александр Неверов был самобытен и, хотя прожил всего 37 лет, успел вписать яркую страницу в отечественную прозу первых послереволюционных лет. Революцию он принял всецело (по убеждениям был близок к эсерам) и со всем пылом своей эпохи сочинял так называемые «агитки», имевшие широкое распространение во время Гражданской войны. Разумеется, эти пьесы, откровенно написанные на злобу дня, сейчас вряд ли помнит кто-то, кроме специалистов-литературоведов. А вот повести Неверова («Андрон Непутевый», «Гуси-лебеди»), рассказывающие о том, что переживало в ту смутную пору российское крестьянство, и в особенности самая бедная его часть, по сей день заслуживают всяческого внимания. Самым знаменитым произведением писателя осталась правдивая и трогательная повесть о двенадцатилетнем пареньке Мишке Додонове и его трудном путешествии из голодающей деревни в хлебный город Ташкент. Именно «Ташкент — город хлебный», повесть, которая к 1928 году выдержала 17 изданий и о которой (вы не поверите!) восторженно отзывался Франц Кафка, так вот, именно эта повесть позволила говорить о Неверове как об одном из «зачинателей советской детской литературы».

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МОЕГО ПРАДЕДА ПОЭТА САМУИЛА ЭЙДЛИНА

Работу выполнил
ученик 7 «А» класса
МАОУ Самарского лицея
информационных технологий
городского округа Самара
Эйдлин Андрей

Научный руководитель
Созина Светлана Ивановна

Введение

Целью работы является изучение жизни и творчества поэта Самуила Эйдлина.

Задачи работы изучить и проанализировать:

- жизненный путь моего прадеда — поэта Самуила Эйдлина;
- наиболее известные его произведения;
- семейный архив;
- оценку деятельности поэта классиками детской литературы страны;
- установить взаимосвязь между жизненными этапами и творчеством.

Объект для исследования выбран мной не случайно. Дело в том, что во второй половине двадцатого века, то есть более пятидесяти лет назад, в послевоенный Куйбышев приехал никому не известный молодой поэт. Прошло несколько лет, и фамилия Эйдлин стала одной из самых известных фамилий города. В первую очередь его узнали как детского поэта, и в городе, пожалуй, не было ни одного дома, где жили дети и не было хотя бы одной книжки его стихов. Это — первая причина.

И вторая, возможно, самая главная — Самуил Эйдлин — мой прадед. В семейном архиве есть множество его фотографий,

книг, написанных прадедом, рецензий на эти книги, отзывов коллег, писем с фронта, военных стихов и т.д.

II. Жизнь и творчество поэта Самуила Эйдлина

Начало творческого периода

Мой прадед родился в 1914 году в белорусском селе Баево в семье рабочего-столяра. Учился на литературном факультете Харьковского педагогического института. В годы учебы много печатался в местных газетах. Впрочем излагать официальную биографию моего прадеда я не хочу. Лучше я передам слово ему. Если вы спросите, как я могу предоставить слово ему, объясню. Эти слова Самуил Эйдлин написал в 1967 году в предисловии к своей сатирической книге «Ах, оставьте!», изданной в очень известной в то время библиотеке журнала «Крокодил» в Москве.

«Когда мне стукнуло 14 лет, я еще не был членом Союза писателей. Но вместе с тем в моей жизни произошли два события: во-первых, было напечатано мое первое стихотворение, а во-вторых, к нам переехала бабушка. Вероятно, она решила стать второй Ариной Родионовной.

Отец был человеком менее восторженным, иллюзий насчет сына не питал, а продолжал заниматься своим столярным делом: пилил, строгал, лакировал. Пилить и строгать я постепенно научился. С лакировкой у меня не ладилось. Поэтому, упрятав свои лирические стихи в одну книгу, я совершил побег в сатиру.

Тем, кто интересуется смешными эпизодами времен Великой Отечественной войны, могу сообщить, что к армии сатириков я примкнул на фронте. С тех пор стреляю из этих рядов. Иногда попадаю в точку. Тогда стихи попадают в «Правду», «Смену», «Волгу» и, конечно, в «Крокодил». Это для совершеннолетних.

С детишками меня связывают книги: «Стихи и сказки», «Заработанный рубль», «Про вас, ребята», «Четвертый этаж» и другие. Да, чуть не забыл: чаще всего меня печатают в городе Куйбышеве. Но это по знакомству. Дело в том, что Куйбышевское книжное издательство и редакции газет — мои соседи по городу.

Родился я (увы) в 1914 году и вот до сих пор...»

Это, конечно, веселая автобиография, хотя она вполне документальна. Хотелось бы ее немного продолжить. Когда мой прадед учился в Харькове, он так много сотрудничал с городскими газетами, что перед самой войной был принят в Союз писателей. Как мне объяснял папа, который хорошо знал своего дедушку,

в то время в Союз писателей попасть было совсем непросто. В то время членами этой организации было всего около 3 000 человек во всей стране. Но, к сожалению, во время войны документы о членстве в Союзе были утеряны, поэтому прадеду пришлось вступать еще раз в послевоенное время. Впрочем это уже другая история, о ней чуть позже.

Великая Отечественная война в жизни поэта

Самуил Эйдлин ушел на фронт добровольцем почти в самом начале войны, как и его будущая жена, выпускница Харьковского медицинского института, Софья Черная, с которой он встречался уже несколько лет. Они собирались пожениться, но вместо этого ушли на фронт, совсем как в песне Булата Окуджавы. Вспомните :

*Ах, война, что ты сделала, подлая,
Вместо свадеб разлуки и дым.
Наши девочки платьица белые
Раздарили сестренкам своим...*

Но на войне Самуил Эйдлин не расставался с поэзией. Его сразу отметили и пригласили работать во фронтовую газету. Если вы думаете, что во фронтовой газете было безопаснее, то вы глубоко заблуждаетесь. Фронтовые корреспонденты ходили в атаку, на самые сложные задания. Только их задачей было принимать участие в активных военных действиях в качестве журналистов и потом рассказывать о подвигах своих друзей-однополчан в газете, поднимая боевой дух солдат и офицеров.

Я, конечно, сам этого не знаю, но мне рассказывали, что люди, побывавшие на фронте, могут оценить одну цифру — восемь. Восемь — это количество раз, когда мой прадед ходил в атаку, вооруженный только пером и блокнотом. Как правило, из атаки живыми возвращались далеко не все.

Но, кроме статей и корреспонденций, мой прадед писал стихи, которые были посвящены двум темам: победе над врагом и своей любимой Софье Черной. В нашем семейном архиве хранятся военные треугольники — солдатские письма, которые он посылал домой маме и на другой фронт — своей будущей жене. Часто эти послания были написаны в стихотворной форме. Вот одно из них.

*В редакции газеты фронтовой...
Землянка.*

Полночь.
Гильза от снаряда
Нам верно служит лампой
фронтной,
Вхожу сюда, в редакцию
С докладом:
Мол, так и так —
Пришел с передовой.
Еще одну высотку взяли с боем,
Враг отошел,
Оседлано шоссе.
Прошу стихи
И очерк о героях
Под шапкой дать
На первой полосе...
Гремит, не умолкая, канонада.
Вот провистел снаряд
невдалеке.
Сижу, пишу.
Поспать бы малость надо,
Но секретарь еще не спит,
А рядом
Наборщик ждет
С верстаткою в руке.
И нет отрадной мысли,
Что газета
Разит не хуже
Стали и свинца,
Что этот очерк, стих
Иль песня эта
На новый подвиг
Вдохновит бойца.

(1943 г.)

О военном периоде можно рассказывать очень много. Но для моего исследования важно указать два факта. Первый: на фронте Самуил Эйдлин стал признанным поэтом, он не раз участвовал во всероссийских фронтовых совещаниях военных писателей. И второй факт: старший сержант Самуил Эйдлин был награжден девятью орденами и медалями. Это были награды за смелость и талант.

Знакомство Самуила Эйдлина с городом Куйбышевым и города с поэтом

В 1946 г., сразу после войны, Самуил Эйдлин вместе с мамой приехал в город Куйбышев. Через два дня приехала Софья Черная тоже вместе с мамой. После войны они решили жить в этом городе. Хотелось бы понять, почему они выбрали именно наш город. Но, к сожалению, семейные архивы об этом молчат.

Третий раз в жизни прадедусшке пришлось начинать все с начала. Первый — в Харькове, второй — на фронте, третий — в послевоенном Куйбышеве. Для Куйбышева он был человеком совершенно неизвестным. Если его жена, капитан медицинской службы, сразу стала работать врачом по специальности в больнице им. Пирогова, где проработала всю свою жизнь, то с поэзией было сложнее. Попасты в узкий круг куйбышевских поэтов было трудно. Помогло то, что после войны в город приехало еще несколько военных писателей, и возникло своеобразное военно-писательское братство. Труднее всего было выбрать направление. Четыре года он писал поэтические зарисовки с места событий для фронтовой печати. Эта тема была исчерпана Победой. Но в 1946 г. в семье Эйдлиных родился сын. И тема возникла сама собой. Самуил Эйдлин стал детским поэтом. За три десятилетия вышли десятки сборников его стихов, некоторые из которых были выпущены московскими издательствами. Мой прадед снова подал документы в Союз советских писателей. Но в этот период произошла история, которая, несмотря на грустное начало, закончилась счастливым финалом. Куйбышевское книжное издательство отказалось издавать книгу с детскими стихами моего прадеда по вполне банальной причине: стихи не понравились редактору. И тогда Самуил Эйдлин принял самое серьезное в своей жизни решение. Он предложил Куйбышевскому издательству отправить его стихи на рецензию лучшим советским детским поэтам С. Маршаку и С. Михалкову и сказал, что если отзывы будут отрицательными, то он перестанет писать стихи.

Месяц, который провел прадедусшка в ожидании московского приговора, я думаю, был не лучшим месяцем в его жизни. Но, когда в издательство пришли рецензии, все встало на свои места. Почему? Вот только одна фраза из рецензии Самуила Маршака: «...Я завидую автору этих стихов». А Сергей Михалков вскоре стал хорошим знакомым семьи Эйдлиных, и они поддерживали

добрые отношения в течение многих лет. Именно Михалков дал рекомендацию прадедусшке для вступления в Союз писателей. И, учитывая, что Сергей Владимирович являлся в то время секретарем Союза писателей, итог заседания был предрешен. Так мой прадед второй раз поступил в один и тот же Союз.

**Творчество Самуила Эйдлина
во второй половине двадцатого века. Детская поэзия**

В Куйбышеве детские книжки Эйдлина улетали, как горячие пирожки.

В чем был секрет его успеха? Безусловно, в таланте. Но еще в умении говорить с детьми на их языке. Не быть назидательным, не быть подчеркнуто серьезным, не советовать безусловно. Даже если в его стихах и были советы, то они были даны в такой форме, что советы и не напоминали. Так, например, в «Школьных частушках»:

*Все у Мишки-лежебоки
Дома распределено:
Мама делает уроки,
Миша бегает в кино.*

Или:

*С тем, кто слаб, легко и ловко
Руки в ход пускает Вовка.
С тем же, кто, наоборот,
Он пускает ноги в ход...*

Все его стихи окрашены мягким юмором. Вот, например, стихотворение «Завтра снова»:

*Бодрый,
Радостный,
Веселый,
Сбив кепчонку набекрень,
Возвращается из школы
Первоклассник
В первый день.
Не дает никто покоя,
Все с вопросами к нему:
— Что рассказывали в школе?
Научился ли чему?
Мальчик даже огорчился.
Трудно взрослым угодить.*

— Ничему не научился,
Завтра снова приходить...

Стихотворение «Лев»:

*Ходит лев,
Присмирев,
Вверх и вниз по склону.
Ты меня не бойся, лев,
Я тебя не трону.*

Стихотворение «Верблюд»:

*Я смотрю,
Как дразнит Люда
Безобидного верблюда:
«Чи-чи-чи-чи-чи-чи,
Ноги выше каланчи,
Два уродливых горба
И отвислая губа.
Куцый хвост
Торчит, как палка...»
Ну, а мне
Верблюда жалко.
Я дразнить его не буду
Всем проказникам назло.
Что же делать,
Раз верблюду
С красотой не повезло?..*

И, наверное, еще одной причиной популярности было пристальное внимание к школьной жизни, к школе, где мальчики и девочки проводят большую часть своего времени.

Вот, например, стихотворение «Хотел... А вышло...»:

— Так сколько будет
Пятью пять?
Ответь-ка, Подколесин.
Хотел ответить:
«Двадцать пять»,
А вышло:
— Двадцать восемь.
— А шестью семь?
Стою едва.
Уж тут не до пятерок.

Хотел ответить:

«Сорок два» —

А получилось:

— Сорок.

— Давай дневник.

— Опять?

— Опять.

Придется извиниться:

Хотел тебе

Поставить «пять»,

А вышла

«Единица»...

В шестидесятых годах Самуил Эйдлин становится известным детским поэтом города Куйбышева. Руководит детской секцией писателей Союза писателей. Много пишет, издает, выступает. Вся его квартира заставлена веселыми подарками ребят, сотни писем приходят на его домашний адрес. В школах и пионерских лагерях Самуил Эйдлин всегда желанный гость. О детском творчестве прадеда можно много писать и цитировать его стихи. Даже сегодня через пятьдесят лет большая их часть не потеряла актуальности, также понятна детям двадцать первого века, как была принята детьми двадцатого...

Одно из самых любимых моих стихотворений — «Обжора»:

В гости к нам

Пришел обжора,

Сел за стол

И вот,

Стал,

Чем был,

Без разбора

Набивать живот.

Съел фазана,

Съел барана,

Чай глотал с айвой.

А потом,

Без перерыва,

Переперченную рыбу

Закусил халвой.

Съел три кисти винограда,

Все уплеп, что есть.

*«Раз, —
Решил, —
Платить не надо —
Надо все доесть».
А домой он возвратился,
Чувствует,
Беда.
— Ой, наелся...
Ой, напился...
Доктора сюда!
Врач пришел
И, только глянул,
Сразу отскочил.
— Человека-барабана
В жизни не лечил.
Будут в гости звать,
Обжора,
Наперед усвой:
Угощение —
Чужое,
А живот-то —
Свой...»*

Казалось бы, жизнь поэта складывается удачно. Найдена своя ниша. Он по достоинству оценен коллегами и издателями, признан советским читателем...

Сатира

Но поэту хотелось развиваться и дальше, и тогда он стал вновь работать в жанре сатиры. Но, как вы понимаете, с детьми сатира была неуместна. И тогда прадедушка, не оставляя детской темы, вновь начал писать стихи для взрослых. Газета «Волжская коммуна» выделила ему еженедельную страницу в субботнем выпуске. Там были опубликованы сотни его стихов. Вот некоторые из них:

*Ах, оставьте!
Он взяток никогда не брал,
С такой персоной не лукавьте.
А если кто и предлагал,
Он гневно ящик выдвигал
И говорил в сердцах:
—Оставьте !*

Или «Чуткий начальник»:

— *Перед вами гнуться мне в дугу?!*

Ну, нет, увольте, не могу.

Начальник чутким быть изволил:

Учел. Прислушался. Уволил.

Итогом сатирического творчества моего прадеда стали книги, изданные Куйбышевским книжным издательством и два стихотворных сборника, выпущенных в Москве.

Заключение

К сожалению, мне пока удалось изучить только небольшую часть семейных архивов. Я рад, что у меня есть возможность не только любить моего прадеда, гордиться им, но и понять, почувствовать его. Его стихи помогли мне лучше узнать то время, в котором он жил и сделать совершенно неожиданный вывод: за те шестьдесят лет, которые нас разделяют, мир изменился до неузнаваемости. Появившиеся технологии, о которых мой прадед и не мог мечтать: компьютеры, мобильные телефоны, интернет — изменили наш быт и образ жизни. Но люди не сильно изменились. И когда я читаю стихи Самуила Эйдлина, то представляю своих родных, друзей, одноклассников. А это значит, что мир стремительно меняется, а человеческие отношения: дружба, любовь, взаимовыручка, заботы и проблемы — остаются неизменными. И творчество моего прадеда актуально и сегодня.

Литература

1. Вениаминов П., Эйдлин С. Радикальное средство. Сатира и юмор. — Куйбышевское книжное издательство, 1958. — 47 с.
2. Кожемякин В.И. Стихи. — Куйбышевское книжное издательство, 1985. — 248 с.
3. Кошечкин С, Эйдлин С. Это сделано у нас. Стихи. — Куйбышевское книжное издательство, 1878. — 32 с.
4. Кошечкин С., Эйдлин С. У нас в Куйбышеве. Для детей младшего школьного возраста. — Куйбышевское книжное издательство, 1953. — 52 с.
5. Эйдлин С.М. Золотой орешек. Стихи, сказки, шутки. Для детей младшего школьного возраста. — Куйбышевское книжное издательство, 1984 г. — 96 с.
6. Эйдлин С. Ах, оставьте! — М: издательство «Правда», 1967. — 62 с.

7. Эйдлин С. Веселые стихи. Для детей младшего школьного возраста. — Куйбышевское книжное издательство, 1977. — 48 с.
8. Эйдлин С.М. Клад. Стихи, легенды, сказки, шутки. Для детей младшего школьного возраста. — Куйбышевское книжное издательство, 1974. — 175 с.
9. Эйдлин С.М. Ты меня не бойся, лев! Для дошкольного возраста. — М: издательство «Малыш», 1977. — 16 с.
10. Эйдлин С.М. Волшебный ящик. — М: издательство «Малыш», 1968 г.
11. Детская литература 12/71. Литературно-критический и библиографический ежемесячник Союзов писателей СССР и РСФСР и Комитетов по печати при Советах Министров СССР и РСФСР. — 45 с.

Содержание

<i>Фетисов А.Б. Вступительно слово</i>	3
<i>Громов А.В. Предисловие</i>	4
Билялова Джамиля. Особенности поэзии Константина Потапова ..	6
Булавинцева Елизавета. Научно-познавательная сказка в творчестве братьев Бондаренко	20
Золотенкова Елена. Жизнь русской деревни в рассказах и очерках самарской писательницы А.Л. Бостром (Толстой)	33
Коняшкина Ксения. Экскурсия «Литературные вехи площади Чапаева»	47
Кузнецов Владислав. Толстой родился не в Заволжье, но степь была в его судьбе	56
Лесина Анастасия. Артем Веселый в зеркале критики 20-х–30-х гг.	68
Малышева Виктория. «Люблю Отчизну я...»	83
Поликарпова Елена. «Скажи, Россия, как живешь?»	103
Пономарева Ирина. Страница «летописи русской Голгофы» Алексея Солоницына	124
Попова Анастасия. Все мы родом из детства	142
Соломинова Анна. Роль творчества Николая Агафонова в духовном просвещении современного читателя	156
Стукалова Галина. Экскурсия по литературной Самаре	175
Сычева Алена. Судьба Володи Вокзального в повести И.Е. Никульшина «Мальчик на вывоз»	198
Таланов Владислав. Творческий путь Александра Сергеевича Неверова	206
Эйдлин Андрей. Изучение жизни и творчества моего прадеда поэта Самуила Эйдлина	219

Издание подготовлено аппаратом
Думы городского округа Самара.
Учредитель – Дума городского округа Самара.
Номер утвержден распоряжением
Руководителя аппарата Думы городского округа Самара
от 06.05.2013 г. № 01/16-р.
Адрес: 443010, ул. Куйбышева, 124. Телефон 340-03-29
Распространяется бесплатно
<http://www.gordumasamara.ru> или gordumasamara.pf

Подписано в печать 20.05.2013. Формат издания 60x90/16.
Объем 14,5 п.л Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная, мелованная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

ИНФОРМАЦИЯ

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления обязаны обеспечить возможность ознакомления граждан с принимаемыми муниципальными правовыми актами, если иное не предусмотрено действующим законодательством.

С номером периодического печатного издания Думы городского округа Самара «Вестник Думы городского округа Самара» и номером периодического печатного издания информационного сборника «Дума городского округа Самара. День за днем» можно ознакомиться на сайте www.gordumasamara.ru и в следующих библиотеках города Самары:

1. Самарская областная универсальная научная библиотека (Пр. Ленина, 14а);
2. «Самарская публичная библиотека» (ул. Куйбышева, 95);
3. Муниципальная библиотека № 8 МУК «Центральная система детских библиотек» (ул. Свободы, 75);
4. Центральная городская библиотека им. Крупской (ул. Самарская, 1906);
5. Филиал № 1 (пр. К.Маркса, 165, Октябрьский район);
6. Филиал № 5 (ул. Аэродромная, 9, Железнодорожный район);
7. Филиал № 7 (ул. Владимирская, 34 Ленинский район);
8. Филиал № 9 (ул. Ленинградская, 7 Самарский район);
9. Филиал № 11 (ул. Аэродромная, 58, Советский район);
10. Филиал № 21 (ул. Димитрова, 7, Кировский район);
11. Филиал № 16 (ул. Краснодонская, 13, Промышленный район);
12. Филиал № 28 (Управленческий городок, ул. С. Лазо, 46, Красноглинский район);
13. Филиал № 34 (пер. Молодежный, 21, Куйбышевский район).